

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 15(4) • 2022

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Беленков В.Е., Гожина А.В., Захарова Е.А., Кузнецов Д.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 17,38 усл. п.л. Заказ № 980.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 15(4) • 2022

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Россия в истории международных отношений

- 7 Юнгблюд В.Т., Бакшаев М.В. – «Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985
- 43 Мезин С.А. – «Основатель и отец своей империи»: Вольтер о Ништадтском мире и имперском статусе России
- 60 Могилевский Н.А. – Губернская администрация и местное дворянство в Курляндии в середине XIX в.: особенности взаимодействия

Россия в мировой экономике

- 81 Сидоров А. А. – Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России
- 102 Slesarev M.A. – Business Incubators in Russia: 2020 Survey in International Comparative Perspective

Россия в мировой политике

- 130 Радина Н.К. – Мультиформальные медийные инструменты популярной геополитики: российская политика в карикатурах зарубежных СМИ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

- 151 Сардарян Г.Т. – Народ против нации: аксиология коллективного самосознания

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 167 Афиногенов Д. А. – Государственная политика в сфере стратегического планирования
- 177 Шебалина Е. О. – Политика России в отношении Иерусалима
- 186 Крутова-Солиман Н., Гриневич Е. В. – Европейская политика интеграции мигрантов-мусульман

Table of Contents • 15(4) • 2022

RESEARCH ARTICLES

Russia in History of International Relations

- 7 Yungblud V.T., Bakshaev M.V. – “We Will Not Change Our Attitude Towards You, Until You Change Your Attitude Towards Us”. How Washington Considered the Reaction of Western European Communist Parties to The Events in Afghanistan, 1978–1985
- 43 Mezin S.A. – “The Founder and Father of his Empire”: Voltaire on the Peace of Nystad and the Imperial Status of Russia
- 60 Mogilevskii N.A. – Provincial Administration and Local Nobility in Courland in the Middle of the 19th Century

Russia in World Economy

- 81 Sidorov A.A. – Features of the Modern Protectionism of the US and the EU towards Russia
- 102 Slesarev M.A. – Business Incubators in Russia: 2020 Survey in International Comparative Perspective

Russia in World Politics

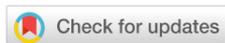
- 130 Radina N.K. – Multimodal Media Tools of Popular Geopolitics: Russian Politics in Foreign Media Cartoons

ANALYTICAL ESSAY

- 151 Sardaryan H.T. – Nation vs. People: The Axiology of Group Identity

BOOK REVIEWS

- 167 Afinogenov D.A. – State Policy in Strategic Planning
- 177 Shebalina E.O. – Russian Policy towards Jerusalem
- 186 Krutova-Soliman N., Grinevich E.V. – European Politics towards Muslim-Migrants

«Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985

В.Т. Юнгблюд, М.В. Бакшаев

Вятский государственный университет

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в конце 1979 г. вызвал неоднозначную реакцию среди коммунистических партий Европы. Некоторые из них подвергли действия руководства СССР острой критике. В статье выясняется, насколько администрация США была осведомлена о критических выпадах в адрес СССР и КПСС со стороны сильнейших западноевропейских компартий, как фактор еврокоммунизма влиял на афганский вектор политики США в 1979–1982 гг., и чем американский курс обернулся для самих компартий. Исследование основано на опубликованных документах (в том числе из электронных коллекций) администрации президента США Дж. Картера, Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США, а также неопубликованных документах ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории, материалах прессы и мемуарах. Обоснованы выводы о том, что 1) ввод советских военных подразделений в Афганистан спровоцировал ожесточённую схватку сверхдержав на периферии холодной войны, достигнувшей в итоге своего пика; 2) одним из результатов советской операции стало углубление раскола в мировом коммунистическом движении с его последующим упадком; 3) Соединённые Штаты стремились воспользоваться обострившимися разногласиями между Коммунистической партией Советского Союза и крупнейшими компартиями Западной Европы (особенно – итальянской, в меньшей степени – испанской и французской) и поощряли действия еврокоммунистов, направленные на дистанцирование от КПСС и разрыв отношений с СССР. В то же время в Вашингтоне избегали публичных заявлений и действий, которые могли выглядеть как проявление солидарности с компартиями Западной Европы (в первую очередь с ИКП), в том числе и в вопросах отношения к политике СССР в Афганистане, отдавая приоритет курсу на полное исключение возможности участия коммунистов в правительствах государств НАТО. Такая политика на фоне продолжавшейся войны в Афганистане и падения международного престижа СССР способствовала изоляции еврокоммунистических партий в своих странах и ослаблению их электоральных возможностей.

УДК: 327, 94, 329.15

Поступила в редакцию: 15.05.2022

Принята к публикации: 27.08.2022

Ключевые слова: американско-советские отношения, война в Афганистане, интернационализация локальных конфликтов, периферия холодной войны, еврокоммунизм, Брежнев, Бжезинский, Берлингуэр, Каррильо, Марше, Картер

25 декабря 1979 г. СССР ввёл ограниченный контингент своих войск на территорию Афганистана. Действия СССР осудили не только США и их союзники, но также многие традиционные сторонники Москвы из числа неприсоединившихся государств и некоторые крупнейшие коммунистические партии Западной Европы. События в Афганистане стали серьёзным вызовом для мирового коммунистического движения (МКД), безусловным лидером которого считалась Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). Критические выпады отдельных «братских партий» в адрес КПСС открывали руководству США возможности для влияния на процесс фрагментации МКД.

Цель настоящей статьи – установить степень осведомлённости американской администрации об отношении крупнейших коммунистических партий Западной Европы к операции СССР в Афганистане и определить, каким образом раскол в МКД влиял на корректировку политической стратегии Вашингтона как в отношении СССР, так и в отношении союзников по НАТО. Исследование основано на оцифрованных и опубликованных документах Белого дома, Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США; неопубликованных документах ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также периодической печати и мемуарах.

Научная литература, посвящённая событиям в Афганистане 1979–1989 гг., обширна. Выводы историков нередко носят дискуссионный характер и неоднозначно трактуют известные факты и обстоятельства принятия важных решений руководителями США и СССР, а также их действий.

Военно-политическому присутствию СССР в Афганистане, деятельности НДПА и армии Афганистана посвящены работы В.С. Христофорова, М.Ф. Слинкина, В.Г. Коргуна (Христофоров 2016; Слинкин 1999; Коргун 2004). Политика США в Афганистане в период после Второй мировой войны до конца XX в. разбирается в монографии М.Р. Аруновой, в которой подчёркнуто желание американской политической элиты использовать Афганистан как арену для борьбы с СССР (Арунова 2000). В.Н. Спольников изучил афганскую оппозицию, её становление, цели и методы, программные установки, взгляды на политическое будущее Афганистана, источники финансирования, этапы борьбы с ограниченным контингентом советских войск и афганской армией, отношения с США, Пакистаном и другими зарубежными странами (Спольников 1990). Проблему предоставления Вашингтоном военной помощи афганским моджахе-

дам исследовали Т.В. Рабуш¹, А.В. Чернышков², Дж. Крайл, Р. Кларк (Рабуш 2017; Крайл 2008; Clarke 2004). Т.А. Воробьева и В.Т. Юнгблюд опубликовали работу о политике США и СССР в отношении Афганистана в 1978–1979 гг. (Воробьева, Юнгблюд 2016).

В зарубежной историографии имеются труды, посвящённые отношению еврокоммунистических партий к событиям в Афганистане. Различия в подходах Итальянской и Французской компартий к оценке военного вмешательства СССР в дела Афганистана и особенности их взаимоотношений с КПСС в конце 1970-х – начале 1980-х гг. рассматривал С. Понса (Pons 2006; Pons 2010). Этот историк полагал, что после ввода советских войск ИКП активизировала отношения с организациями и странами за пределами советского блока, включая враждебные Москве силы. Он акцентировал сближение ИКП с Китаем, некоторыми странами Третьего мира и социал-демократическими партиями Европы, но оставил в стороне США, чьи дипломаты контактировали с итальянскими коммунистами и пытались воздействовать на них.

Р. Порталани, наоборот, изучал нюансы выработки стратегии США в отношении еврокоммунизма, не фокусируясь на событиях вокруг Афганистана³.

О том, что фактор еврокоммунизма учитывался в американской внешней политике, говорится в ряде работ зарубежных авторов (Gelman 1984; Garthoff 1985; Gibbs 2006; Graebner, Burns, Siracusa 2010; Pons 2010; Vaisse 2018), однако данный аспект истории международных отношений отдельно ими не исследовался. В наши дни обращение к этой теме представляется актуальным не только из-за событий на Украине и развернувшихся на их фоне информационных и дипломатических коллизий, но и в связи с нынешним этапом развития европейской интеграции и формирования нового мирового порядка.

Обстоятельства ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск

В конце апреля 1978 г. в Афганистане произошла смена власти. В результате Саурской революции была провозглашена демократическая республика, контроль над страной установила Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Новый режим провозгласил курс на построение социализма.

¹ Рабуш Т.В. 2011. *Противостояние США и Советского Союза в Афганистане (1978–1985 гг.)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Санкт-Петербург. 206 с.

² Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. 219 с.

³ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e l'Euromunismo, 1976-1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma «Tor Vergata». 411 p.

Основанная в 1965 г. НДПА имела ряд особенностей. Её ударным отрядом являлся офицерский корпус, сама же партия не была массовой; более того, в ней противостояли друг другу фракции «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). НДПА не надо было изгонять колониальную администрацию и начинать курс на сближение с СССР, поскольку Афганистан не был колонией, а дореволюционное правительство М. Дауда солидаризировалось с Движением неприсоединения и имело отлаженные отношения с Москвой.

Основной массе населения Афганистана были присущи «этническая психология, высокий уровень религиозности при низком уровне грамотности, идея независимости и объединённого сопротивления общему врагу, т.е. джихада против неверных» (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 115), вследствие чего новая власть сразу столкнулась с ростом протестных настроений и повсеместным бойкотированием инициированных ею реформ в аграрной, образовательной и религиозной сферах. В стране возникла вооружённая оппозиция, в которой заметную роль играли исламские силы (Слинкин 1999: 82, 115).

По прошествии года после Саурской революции аналитики ЦРУ констатировали, что левый режим в Афганистане слаб и существует во многом благодаря экономической и военной помощи СССР⁴. Восстание в провинции Герат в марте 1979 г. и последовавшая за ним гражданская война показали, что официальные власти не могут собственными силами стабилизировать ситуацию и удержать контроль над страной, поэтому премьер-министр Афганистана Н.М. Тараки обратился к председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой отправить в Афганистан советские войска. В СССР видели возможные угрозы эскалации и изначально считали неприемлемой перспективу прямого участия в военном конфликте. На заседании Политбюро ЦК КПСС 18 марта председатель КГБ Ю.В. Андропов высказал категоричные возражения против удовлетворения просьбы афганских «товарищей»: «Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость экономики и т.д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск». Дополнительные аргументы в поддержку этой позиции высказал министр иностранных дел А.А. Громыко⁵ (Haslam 2011: 321–

⁴ Afghanistan: Prospects for the Insurgents. Paper Prepared in the Central Intelligence Agency. April 12, 1979. *Foreign Relations of the United States* (далее – FRUS). 1977-1980. Vol. XII. P. 151.

⁵ Особая папка. Часть I. Секретные документы по Афганистану накануне ввода советских войск. Договора, стенограммы межправительственных переговоров, просьбы Правительства ДРА о помощи советскими войсками, донесения военных советников и специалистов из Афганистана, решения Политбюро ЦК КПСС. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС 18 марта 1979 г. URL: https://studylib.ru/doc/2572659/chast_-i-sekretnye-dokumenty-po-afganistanu-nakanune-vvoda (31.07.2022). (дата обращения: 05.07.2022)

322). Тем не менее последующие события развивались по неблагоприятному для СССР сценарию всё более масштабного вовлечения в конфликт.

В случае с Афганистаном Кремль фактически стал заложником сложившегося в течение 1970-х гг. образа безусловного друга и заступника стран Третьего мира, готового в любой момент предоставить военную помощь. Соображениям престижа в Москве придавали большое значение. К этому обязывала роль лидера мировой системы социализма, способного защитить своих сторонников за рубежом. По словам английского историка Д. Хэслэма, «Москва чувствовала себя зависимой от своего своенравного протеже. Несмотря на "очевидную наивность афганских друзей" и отсутствие у Кабула ясной концепции того, "как практически претворить в жизнь их марксистско-ленинские цели", отказать в помощи им было нельзя» (Haslam 2011: 321).

В США знали об этой особенности внешнеполитического мышления советского руководства и считали, что она ставит СССР в уязвимое положение (Gibbs 2006: 239, 263). В конце сентября 1979 г. в обзорном межведомственном меморандуме разведки отмечалось, что «перспективы успеха коммунистического правительства в Афганистане для Москвы имеют большое значение по идеологическим причинам – такое правительство станет фактическим подтверждением детерминистских заявлений о том, что "социализм" и в самом деле победоносно наступает. Советы считают, что обязаны поддерживать подобные революции и чувствуют замешательство, когда они терпят неудачу. Результат приобретает дополнительную важность в связи с тем, что революция происходит в стране, граничащей с СССР»⁶.

Решение о вводе войск, принятое в Москве после восьмимесячных – с момента просьбы Тараки – колебаний, серьёзно отличалось от иных случаев участия СССР в локальных конфликтах за рубежом. До этого советская сторона заблаговременно заручалась поддержкой своих союзников из социалистического лагеря или действовала совместно с кем-то из них. На этот раз Москва единолично втягивалась в конфликт на стороне НДПА, против которой выступала вооружённая оппозиция, поддерживаемая извне.

В США смену власти в Афганистане восприняли с высокой тревожностью. В конце апреля 1978 г. помощник госсекретаря США Г. Саундерс квалифицировал Саурскую революцию как «явный просоветский переворот» (Слинкин 1999: 79). Данными о причастности СССР к этому событию Вашингтон не располагал⁷, однако очевидной заинтересованности Москвы в сохранении и укреплении

⁶ Soviet Options in Afghanistan. Intelligence Memorandum, 28 September 1979. *Central Intelligence Agency's Freedom of Information Act Electronic Reading Room* (CIA FOIA). [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000278533.pdf (accessed 05.09.2022).

⁷ McEachin D. Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan: The Intelligence Community's Record. Washington. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 2002. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/static/e8fa84316547f220a8432d3e1d9830af/Predicting-the-Soviet-Invasion-of-Afghanistan.pdf> (accessed 05.09.2022).

здесь своих позиций было решено противопоставить усиление пропагандистского давления на политику разрядки в сочетании с беспрецедентной атакой на легитимность советского режима. Проблема прав человека и поддержка советских диссидентов стали важными и весьма эффективными инструментами этой кампании (Vaughan 2009: 120).

Администрация Картера вряд ли следовало удивляться исключительному вниманию Кремля к обстановке в Афганистане. Как справедливо заметила известная исследовательница внешней политики США второй половины 1970-х гг. Б. Глэд, «начиная со Второй мировой войны СССР пытался вовлечь эту страну в сферу своего влияния, превратив её в образцовый проект советской помощи странам Третьего мира», но до лета 1978 г. данное обстоятельство у американских властей особых протестов не вызывало (Glad 2009: 198). Но на этот раз в Белом доме рассудили, что интересам США в наибольшей степени будет соответствовать эскалация конфликта для того, чтобы нанести СССР максимальный ущерб. Причём речь шла не только о военных и экономических потерях, просчитывались возможные варианты подрыва репутации СССР как борца за мир и падения авторитета Москвы среди коммунистических партий (Lowenstein 2016: 38, 41). Идеологические доводы и политические калькуляции дополнялись конкретными мерами, нацеленными на обострение конфликта и придание ему необратимого характера. 3 июля 1979 г., за полгода до ввода советских войск, Вашингтон начал поддерживать финансами и военными поставками афганские антиправительственные силы. Администрация Картера, несмотря на декларации о недопустимости тайных операций за рубежом, прибегла к ним, используя каналы ЦРУ⁸.

Вопреки более поздним высказываниям помощника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского о том, что Белый дом намеренно «заманил» СССР в «афганский капкан» для того, чтобы устроить Советам «свой Вьетнам», руководство США в 1979 г. не имело какого-то продуманного плана. До конца декабря в Вашингтоне не ожидали советского вторжения. Согласно меморандуму директора ЦРУ Ст. Тёрнера, подготовленному для членов Совета национальной безопасности в середине января 1980 г., советская акция была не «первым, заранее спланированным шагом по претворению в жизнь "большого дизайна", из-за которого поднято столько шума, преследующего цель быстрого установления контроля над всей Юго-Западной Азией»; вторжение стало скорее всего «очень неохотно утверждённым ответом на то, что воспринимается Кремлём как неминуемое или даже необратимое посягательство на его позиции в стране, которая находится в законной советской сфере влияния» (Gates 1996:

⁸ Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. С. 67.

147–148). Сам Бжезинский в конце 1979 г. также не испытывал воодушевления по поводу идеи «превращения Афганистана во Вьетнам для Советов», поскольку успех такой стратегии был неочевиден: «повстанцы были плохо организованы, не имели своих баз, не имели центрального правительства, а поддержка из-за границы была весьма ограниченной»⁹.

Иными словами, ситуация в Афганистане не представляла прямой угрозы национальным интересам США, она не нарушала глобальную расстановку сил в пользу системы социализма, но была крайне привлекательной для той части американского истеблишмента, которая полагала, что настало время для завершения эпохи разрядки.

В политической истории США 1977–1979 гг. были отмечены восхождением влияния «новой воинствующей элиты», главным рупором которой в администрации выступал Зб. Бжезинский (Cahn 1998: 187–188). Этот тренд не был единственным, но планирование внешнеполитической стратегии и принятие оперативных решений в сфере двусторонних американо-советских отношений неуклонно смещались в сторону его доминирования. Интересы афганцев, а также угроза роста влияния радикального ислама при этом игнорировались (Рабуш 2017: 80).

Обострение ситуации в Афганистане происходило быстро, и в неё вовлекались не только мировые, но и региональные державы. Интернационализация конфликта 1978–1979 гг. быстро масштабировалась. Многие «спонсоры» исламистских сил непосредственно граничили с этой страной, что значительно облегчало переброску военных грузов и добровольцев в зону конфликта. Возраставшая угроза безопасности Советского Союза на этом, как считалось, периферийном участке геополитического соприкосновения систем стала важным мотивом решения Кремля о вводе ограниченного контингента войск. Важным, но не единственным. Крупный американский эксперт в области международных отношений А. Шлезингер–мл. в начале января 1980 г. в своём дневнике оставил запись беседы с ветераном американо-советских отношений Авереллом Гарриманом, во время которой тот заметил, что США «сами ограничили возможности Брежнева по сдерживанию сторонников жёсткого курса в своём окружении, особенно попытками в марте 1977 г. пересмотреть условия ОСВ-2, которые не только привели к потере целого года, но и породили подозрения и недоверие». Гарриман также высказался в том смысле, что Москва вряд ли решилась бы на рискованную акцию в Афганистане, если бы в США своевременно дали понять, что сочтут такой поворот событий неприемлемым: «Мы в течение нескольких недель знали о том, что СССР планирует вторжение в Афганистан, но мы ничего не сделали для того, чтобы донести до его руководителей, насколько серьёзно

⁹ Memorandum, "Reflections on Soviet Intervention in Afghanistan," Brzezinski to the President, December 26, 1979. The Carter-Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. [Электронный ресурс] URL: http://www.nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/fall_of_de'tente/doc.73.pdf (accessed 05.09.2022).

мы отнесёмся к такому шагу» (Schlesinger 2007: 486). Дополнительным аргументом в пользу решения о начале операции в Афганистане стала резолюция НАТО о размещении в Западной Европе ядерного вооружения – ракет «Першинг-2» и крылатых ракет, утверждённая 12 декабря 1979 г. (Зубок 2011: 380).

Мотивы советского руководства, принявшего решение о вторжении, изучены достаточно хорошо, с учётом как объективных (угрозы безопасности границ, соображения престижа в Третьем мире и МКД, образовавшийся в связи с двойным решением НАТО тупик в деле разрядки, желание сохранить контроль за геополитически важным регионом), так и субъективных (интеллектуальное, эмоциональное и физическое состояние Брежнева, поддавшегося на уговоры своих гражданских советников, болезненно отреагировавшего на действия афганского лидера Амина и не рассмотревшего вовремя всех возможных последствий реализации «Доктрины Брежнева» в стране с доминирующей исламской традицией).

Что касается политики США, то имеющиеся документальные свидетельства позволяют говорить о том, что в конце 1979 г. администрация Картера рассматривала ситуацию в Афганистане не как региональную проблему, а как средоточие американо-советского противостояния и подходящий повод для возобновления холодной войны. Региональные аспекты этой проблемы, включая общую ситуацию в зоне Персидского залива, обстановку в Иране, активизацию китайского фактора и индо-пакистанские противоречия, также просчитывались. Однако стержнем внешнеполитического планирования были не региональные обстоятельства, а идея достижения превосходства в системном конфликте Запада и Востока. В этом контексте наряду с соотношением военно-стратегических потенциалов всё более важную роль начинали играть такие характеристики, как монолитность военно-политических блоков, верность союзников, пропагандистские преимущества политических программ, адекватность идеологических установок и способность лидеров систем контролировать комплекс экономических, дипломатических, военных и идеологических ресурсов по всему периметру двустороннего противоборства. Позиция западноевропейских коммунистических партий в этой связи попадала в зону пристального внимания планировщиков внешнеполитической стратегии США.

Ввод ограниченного контингента советских войск: оценки и реакция в США

Во вторник, 8 января 1980 г. президент Картер принимал в Белом доме иностранных дипломатов и представителей крупных информационных агентств. Джордж Кеннан, оказавшийся в числе приглашённых, «был буквально “уничтожен” настроениями, пропитавшими Белый дом» и выплеснувшимися наружу, когда Картер знакомил собравшихся со своими оценками и намерениями в связи с вторжением СССР в Афганистан. Впечатлениями от этого мероприятия

он поделился с давним другом и единомышленником А. Шлезингером: «Все наперегонки стремятся охарактеризовать политические и дипломатические проблемы в военных терминах и настаивают на военном ответе. Я был участником советско-американских отношений в течение 52 лет, дольше, чем кто бы то ни было с любой стороны. Я испил свою чашу разочарований и горечи. Я знаю, что из себя представляют советские лидеры. Но никогда состояние наших отношений не производило на меня такого угнетающего впечатления» (Schlesinger 2007: 486). 13 января, запечатлев в своём дневнике разговор с другим ветераном дипломатической службы и сторонником разрядки – А. Гарриманом, который также присутствовал на брифинге в Белом доме, чувствовал то же самое, что и Кеннан, Шлезингер подытожил свои наблюдения одной фразой: «Все ястребы несли свой обычный вздор, а все голуби помалкивали». Эту запись Шлезингер завершил ироничной репликой: «Я забыл спросить, почему ни он сам, ни Джордж ничего не сказали?» (Schlesinger 2007: 486–487).

Вопрос Шлезингера был риторическим, сторонники разрядки в те дни оказались в явном меньшинстве и публичные высказывания, идущие вразрез с официальной позицией Белого дома, скорее всего остались бы без внимания, или же вызвали обратный эффект. Консерваторам удалось сформировать алармистский эмоциональный фон, пронизанный антисоветскими фобиями. Заметки Шлезингера, тем не менее, свидетельствуют о том, что в оценках событий в Афганистане, как и в отношении перспектив развития международной ситуации в целом, единства в Вашингтоне не было. Даже в самой администрации мнения разделились. Государственный секретарь Сайрус Вэнс позднее отмечал, что ответ США на афганский вызов Москвы был чрезмерным. По его мнению, Афганистан разрушил тонкий баланс между антисоветизмом внутри страны и попытками продолжить разрядку. «Чаша весов склонилась в пользу тех, – писал он, – кто приветствовал конфронтацию» (Vance 1983: 394; Graebner, Burns, Siracusa 2010: 435). Сам Вэнс не присоединился к «крестовому подходу» на Москву (LaFeber 1997: 298–299). Он считал, что СССР вторгся в Афганистан из-за того, что столкнулся с «опасной проблемой» на своей границе, и, кроме того, ему «почти нечего было терять в отношениях с США», поскольку к концу 1979 г. многие достижения в деле нормализации американо-советских отношений были практически сведены на нет (Vance 1983: 388–389).

Государственный секретарь оказался в меньшинстве. Большинство членов администрации не желало расставаться «с традиционными предрассудками холодной войны» (Leffler 2007: 262). Что до Картера, то у него не было чётких представлений относительно мотивов СССР. Директор ЦРУ С. Тёрнер высказывал предположение, что своим вторжением в Афганистан «Советы, несмотря на доктрину разрядки, испытывают пределы американской толерантности» (Gates 1996: 147–148). Это замечание приобретало особый смысл в связи с тем, что в 1980 г. в США проходили президентские выборы, и президенту требовались драматические жесты, убеждающие избирателей в том, что он готов в отноше-

ниях с Москвой проявить максимальную твёрдость, непреклонность и нетерпимость к её экспансионистским выходкам.

Согласно наблюдениям Добрынина, Картер поддался «антисоветской вакханалии» и был «одержим» афганской проблемой (Добрынин 1997: 460). А. Гарриман отмечал, что в тот момент президент был буквально «загипнотизирован своим говорливым помощником Збигневом Бжезинским» (Glad 2009: 214–216). Супруга президента Розалин также вспоминала, что с началом интервенции СССР президент полностью принял линию помощника по национальной безопасности (Carter 1984: 315). Так или иначе, глава Белого дома оказался в нетипичном для первого лица положении ведомого, и это обстоятельство существенно повлияло на курс Вашингтона.

Разногласия между государственным секретарём и советником президента по национальной безопасности ни для кого не были секретом¹⁰. В своих мемуарах Бжезинский утверждает, что ему удалось снизить влияние Вэнса на внешнюю политику, убедив президента передать ЦРУ в юрисдикцию Особого координационного комитета в рамках СНБ, возглавлявшегося им самим. Вследствие этого к нему перешёл контроль за тайными операциями ЦРУ, это развязывало ему руки и позволило действовать в обход государственного департамента (Brzezinski 1983: 36, 44; Гордиевский 2000: 237).

Изменение традиционных процедур принятия решений и неформальное перераспределение функций имело значительные последствия, поскольку советник президента изначально был полон решимости перевести американо-советские отношения в более «взаимообязывающий» регистр. Совсем немногие в тот момент понимали, что именно он имеет в виду. В более поздние годы Бжезинский пояснил, что его версия разрядки включала не только сдерживание СССР, но и конструирование сценария его кончины. Ключевой идеей этого сценария было использование национальной проблемы, – по его словам, «ахиллесовой пяты» Москвы, – для расшатывания советской государственности и развития в СССР центробежных процессов. С его подачи администрация развернула программу работы с национальными меньшинствами, которая преследовала цель распространения печатных материалов на территории советских республик, в первую очередь на Украине. Бжезинский также инициировал тайные операции, направленные на работу с советскими мусульманами, украинцами, прибалтами, а также на поддержку активистов движения в защиту прав человека (Vaughan 2009: 120–121). Афганская проблема хорошо вписывалась в такой сценарий.

В итоге оценка США действий СССР в Афганистане была сформулирована Бжезинским. Ввод ограниченного контингента советских войск был квалифицирован как неприкрытая агрессия и осуществление «давней мечты Москвы

¹⁰ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Euromunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma «Tor Vergata». P. 125–128.

иметь прямой выход к Индийскому океану»¹¹. Эта формулировка, будучи скорее умозрительной конструкцией, чем отражением действительных внешнеполитических планов Советского Союза, была воспринята президентом Дж. Картером, написавшим в своём дневнике, что «когда Советы вторглись в Афганистан, угрожая, в случае успеха, продвинуться дальше в богатый нефтью регион Персидского залива», он «почувствовал, что это прямая угроза безопасности» США (Carter 2010: 273). 23 января 1980 г. Картер заявил: «Любая попытка внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединённых Штатов Америки, и такое посягательство будет отражено любыми необходимыми средствами, включая военную силу». Это заявление получило известность как «доктрина Картера». По резонному замечанию историка Ж. Вайсса, «на самом деле это была доктрина Бжезинского» (Vaisse 2018: 311).

9 января 1980 г. Отдельный комитет Сената по разведке одобрил (на сей раз уже официально) военную помощь афганской вооружённой оппозиции. На следующий день руководство ЦРУ ознакомило узкий круг сенаторов с конкретными планами на этот счёт. Весной 1980 г. спецслужбы США вместе с британской разведкой приступили к созданию тренировочных баз для подготовки моджахедов (операция «Фарадей»), а в августе того же года администрация Картера объявила об ассигновании 19,5 млн долларов (дополнительно к выделенным ранее под предлогом «продовольственной помощи» 25 млн) на организацию вооружённой борьбы с официальной властью и советскими войсками¹².

В начале 1980-х гг. началась операция «Циклон», целью которой была помощь афганским антикоммунистическим силам через каналы пакистанской разведки. Финансирование операции постоянно увеличивалось: с 35 млн долларов в 1982 г. до 600 млн долларов в 1987 г.¹³ Соединённые Штаты предприняли также комплекс мер, направленных на то, чтобы заставить Советский Союз «изменить поведение»: отложили ратификацию договора ОСВ-2; прекратили экспорт зерна и высокотехнологичных товаров в СССР; свели к минимуму культурные обмены между странами, увеличили помощь Пакистану и моджахедам; бойкотировали Олимпийские игры в Москве; выдвинули проект резолюции Генеральной ассамблеи ООН с осуждением советской интервенции¹⁴.

¹¹ President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. December 26, 1979. *FRUS*. 1977–1980. Vol. XII. P. 265.

¹² Рабуш Т.В. 2011. *Противостояние США и Советского Союза в Афганистане (1978–1985 гг.)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Санкт-Петербург. С. 99.

¹³ Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. С. 74.

¹⁴ From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. December 26, 1979. *FRUS*. 1977–1980. Vol. XII. P. 265.

По оценкам ЦРУ, затраты Советского Союза на военную операцию в Афганистане в 1980 г. составляли приблизительно 2,7 млрд долл., что включало в себя расходы на выплату жалования примерно 115 тыс. советских военнослужащих, затраты на эксплуатацию и обслуживание оборудования и военных объектов¹⁵ (Turner 1985: 92). Как отмечал разведчик Ю.И. Дроздов, американские эксперты исходили из того, что «более глубокое втягивание [советской] армии в конфликт ляжет тяжёлым бременем на экономику..., не говоря уже о потерях в человеческих ресурсах...» (Дроздов 2016: 193).

Исключительно важное место в стратегических расчётах США занимали планы организации внешнеполитической изоляции Москвы, максимального ослабления её международной роли, понижения статуса СССР как лидера одной из противоборствующих в холодной войне систем, а в перспективе – разрушения самой мировой системы социализма. Право СССР на применение военной силы для защиты своих союзников в рамках мировой системы социализма («доктрина Брежнева») в Вашингтоне никогда не признавалось законным, к тому же в случае с Афганистаном эта конструкция не могла быть задействована¹⁶. В этой связи проблема отношения к еврокоммунизму и крупнейшим в составе этого движения партиям – итальянской (ИКП), испанской (КПИ) и французской (ФКП) – приобретала принципиальное значение. Занимая особые позиции по ряду фундаментальных вопросов теории и практики социализма, они в новых международных условиях могли своими оппозиционными СССР действиями внести лепту в достижение стратегических целей США. В то же время эти партии были частью коммунистического мира, несовместимого с ценностями Запада.

В вопросе об отношении к еврокоммунизму позиция администрации последовательностью не отличалась и несла на себе печать раздвоенности, отчасти вытекавшей из разногласий между Бжезинским и Вэнсом, которые в начале 1980 г. «достигли уровня крещендо» (Clifford, Holbrooke 1992: 640–641). С одной стороны, государственный секретарь, избегая термина «еврокоммунизм», говорил, что США рассматривают статус компартий в европейских странах как внутреннюю проблему народов и правительств этих стран, отмечал, что коммунисты Западной Европы ориентированы преимущественно на национальную проблематику и выступают в этом качестве равноправными участниками политической жизни своих государств (Graebner, Burns, Siracusa 2010: 414–415). Тем не менее, когда встал вопрос о вхождении Итальянской коммунистической партии в коалиционное правительство, администрация Картера отменила такую

¹⁵ Memorandum for the Record. Dollar cost of Soviet Military Operations in Afghanistan. 12 June 1980. 3 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP96R01136R003100080030-5.pdf> (accessed 05.09.2022).

¹⁶ Selva D.E. 2009. Transforming the Soviet Sphere of Influence? U.S. – Soviet Détente and Eastern Europe, 1969–1976. *Diplomatic History*. 33(4). P. 671–687.

возможность¹⁷. 12 января 1978 г. госдепартамент подтвердил, что США настроены категорически против участия коммунистических партий в правительствах государств Западной Европы (Brzezinski 1983: 312; Gardner 2005: 147, 153). Официальный Вашингтон, согласно С. Понса, в данном случае лишь повторил то, что и без того было известно, «администрация Картера не сделала никакой радикальной ревизии в этом вопросе». В то же время эта инструкция означала, что гипотетические рассуждения Вэнса о вхождении коммунистов в состав кабинета министров государства-члена НАТО, против чего ни сам Бжезинский, ни его сторонники в первые месяцы пребывания администрации у власти не возражали, на практике реализованы не будут (Pons 2010: 61).

В конце декабря 1978 г. советское посольство в Италии сообщало в Москву, что политика «исторического компромисса» себя исчерпала преимущественно не по внутренним, а по внешним причинам, поскольку за антикоммунистическими выпадами социалистов (ИСП) и антиправительственными позициями консервативного крыла Христианско-демократической партии (ХДП) и других правых сил «скрываются влиятельные внешние силы, стремящиеся любой ценой устранить ИКП из парламентского большинства, отбросить её в оппозицию». В беседе с послом Н.С. Рыжовым член руководства ИКП Дж. Амендола отмечал, что «все нити антикоммунистического плана сходятся в одном месте, у одного человека – советника американского президента Бжезинского». Поддержка некоммунистических партий правящей коалиции в Италии, в первую очередь ХДП и ИСП, стала постоянным элементом политики США в этой стране. «Немаловажную роль в сползании соцпартии вправо, – отмечалось в том же обзорном документе советского посольства, – сыграла международная ориентировка нового лидера ИСП (Б. Кракси – авт.), ... имеющего, по некоторым данным, отнюдь не платонические связи с американцами»¹⁸. Тактика поддержки консервативных, центристских и даже левых партий против коммунистов использовалась американской дипломатией и в других странах с сильным еврокоммунистическим движением.

С переходом афганского кризиса в острую фазу и в Белом доме, и в государственном департаменте тема еврокоммунизма с повестки политического анализа снята не была, хотя международный контекст на этот раз был иным. Теперь проблема заключалась не в том, чтобы «разрешить» или «запретить» коммунистам входить в состав правящих коалиций государств Западной Европы, а в том, чтобы эффективно использовать (или же не использовать) политический, идеологический и пропагандистский потенциал еврокоммунизма для междуна-

¹⁷ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Euromunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". P. 126–130.

¹⁸ О позициях Итальянской коммунистической партии по основным внутривнутриполитическим вопросам в преддверии XV съезда ИКП (Справка). 24 декабря 1978 г. *Российский государственный архив новейшей истории* (далее – РГАНИ). Ф. № 5. Оп. № 76. Д. № 1093. Л. 3, 6, 15.

родной изоляции СССР и ослабления мирового коммунистического движения. В этих калькуляциях учитывались позиции самих компартий.

События в Афганистане и еврокоммунизм

К 1970-м гг. МКД не было монолитным по своему составу: в результате конфликта с СССР Китай покинул его структуру ещё в начале 1960-х гг. В годы разрядки наметилась другая граница размежевания – между ортодоксальной линией советского руководства и еврокоммунизмом, основные участники которого¹⁹, отдавая предпочтение мирным парламентским методам прихода к власти в своих странах, выступали с критикой советской модели «реального социализма», высказывались в пользу ликвидации блоков НАТО и Организации Варшавского договора, а также призывали к новому многополярному миру, в котором страны Третьего мира стали бы полноправными участниками международного сообщества наряду с единой Европой, США, СССР и Китаем. Процесс автономизации ИКП, КПИ и ФКП в рамках мирового коммунистического движения и их дистанцирования от КПСС «пришпорили» Пражская весна 1968 г., но рост их популярности во многом был вызван разрядкой, сделавшей привлекательными многие пункты их политических программ (Leffler 2007: 240–241).

Вне рамок мировой системы социализма КПСС в конце 1970-х гг. поддерживала отношение приблизительно с восьмьюдесятью неправящими коммунистическими партиями. По данным ЦРУ, все они, включая самые крупные и независимые, нуждались в сохранении связей с СССР и входили в состав коммунистического движения. Эти партии «были привязаны» к Москве «идеологическим видением будущего», в котором «триумф “мира, свободы и социализма” будет обеспечен разрушением, или, по крайней мере заметным ослаблением западных демократических ценностей и институтов». И даже когда между ними во всём остальном оставалось много несогласованных позиций, этот образ будущего их объединял против Запада, «особенно против Соединённых Штатов»²⁰. Особая позиция еврокоммунистических партий и их активная международная роль побуждали руководство внешнеполитического ведомства и разведывательных органов США постоянно держать их в поле зрения. Доклад

¹⁹ В данной статье речь идёт о трёх наиболее многочисленных и активных партиях – ИКП, КПИ и ФКП. В то же время движение носило широкий характер, имело сторонников в рядах других коммунистических партий, в том числе и в Восточной Европе. Из 23 западноевропейских компартий, согласно классификации ЦРУ, большинство (16) придерживались просоветской ориентации, семь считались независимыми. Кроме ИКП (1 млн 716 тыс. членов) и КПИ (37 тыс. 700 членов), к «независимым» были отнесены компартии Бельгии (10 тыс.), Великобритании (18,5 тыс.), Нидерландов (13 тыс.), Сан-Марино (300) и Швеции (18 тыс.). Однако в теоретическом и организационном плане единства между ними не было, полноценным движением еврокоммунизм не стал. См.: The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

²⁰ The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

центральной разведки США, подготовленный в августе 1982 г., констатировал, что неправящие партии коммунистов бросают серьёзный вызов национальным интересам США.

Природа угрозы, исходившей от коммунистических партий, по мнению разведчиков, лежала в двух плоскостях. Во-первых, солидаризируясь с СССР и странами Организации Варшавского договора (ОВД), они противостояли американским оборонным инициативам и, следовательно, действовали в интересах Кремля. Во-вторых, – и этот пункт по сути определял направленность политического планирования Вашингтона в этом вопросе, – текущие разногласия западноевропейских компартий с Москвой проистекают не только из критики конкретных советских действий (таких как Афганистан), но также из заявлений о том, что их партии «имеют корни и основания, независимые от советских интересов»²¹. Иными словами, любые попытки еврокоммунистов интегрировать свои партийные структуры в политическую среду западных государств в Вашингтоне расценивались как подрыв устоев демократии.

Важную роль при конкретизации курса в отношении еврокоммунизма играла обеспокоенность администрации по поводу «эрозии экономической жизнеспособности» и внутривнутриполитической ситуации в государствах Западной Европы. Политическая неустойчивость правительств Италии, Франции, Испании, опиравшихся на минимальное правительственное большинство, усугублялась стагнацией. Множественные примеры развития кооперации левых сил – социалистов и коммунистов – Бжезинский расценивал как «зловещее предзнаменование» и советовал Картеру сконцентрироваться на укреплении НАТО. Президент был восприимчив к этим предостережениям и осознавал, что международная система фрагментирована, а союзники США, особенно Западная Германия и Франция, набирали силу и часто не радовались американским решениям (Leffler 2007: 263–265, 281; Leffler 2010: 234). Президенту приходилось публично признаваться в том, что в отношениях с европейскими партнёрами у США «есть нюансы и разногласия», возникающие вследствие того, что у членов альянса «разные цели и разные формы государства»²². Европейские лидеры, в свою очередь, полагали, что «президент и его помощники преувеличивали советскую угрозу». Они с самого начала исходили из того, что СССР действовал в интересах защиты своих границ, а не для того, чтобы готовить экспансию в Персидский залив, и не торопились сворачивать диалог с Москвой и вставлять на путь санкций и свёртывания разрядки» (Graebner, Burns, Siracusa 2010: 436; Glad 2009: 202–204).

²¹ The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

²² Interview with the President Jimmy Carter. Question-and-Answer Session with Foreign Correspondents. *The American Presidency Project*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-president-question-and-answer-session-with-foreign-correspondents> (accessed 05.09.2022).

В довершение всего эксперты Белого дома отмечали, что при неизменности официальной приверженности разрядке, «тон советской пропаганды в отношении США стал острее, а усилия, направленные на культивирование отношений с Западной Европой, – всё интенсивнее». Вместе с тем СССР сдерживал контакты западноевропейских государств со странами Восточной Европы, чтобы предотвратить рост напряжённости внутри своего блока²³. Разрядка сблизила СССР с западными европейцами. Но интеграционные процессы, при которых Москва начинала играть в Европе всё более активную роль, а США, напротив, рисковали оказаться на периферии, Вашингтон не устраивали. Афганский кризис предоставил американскому руководству возможность изменить наметившуюся динамику в свою пользу.

На момент ввода войск в Афганистан отношения между КПСС, с одной стороны, и компартиями Италии и Испании, – с другой, были довольно натянутыми. Французская компартия к 1979 г. нормализовала отношения с КПСС после межпартийного конфликта 1975–1977 гг. Тактика США формировалась с учётом этих реалий.

Французская коммунистическая партия

Французская компартия сформулировала свою позицию по Афганистану 4 января 1980 г. на заседании Политбюро ЦК ФКП, которую выразил в своём выступлении член Политбюро Г. Плиссонье: «Мы не должны осуждать вторжение, но нам также не следует занимать позицию одобрения, которая может походить на согласие и, следовательно, находиться в противоречии с нашей позицией о невмешательстве в дела других стран и народов»²⁴. 9 января 1980 г. Секретариат ЦК ФКП заявил, что «события в Афганистане представляют собой тяжёлый удар для Соединённых Штатов. По сути, вся деятельность империалистических сил после ввода советских войск показывает, что планы империалистов провалились»²⁵.

21 и 22 января 1980 г. заведующий Международным отделом ЦК ФКП М. Гремезц на пленуме ЦК огласил информацию о встрече делегаций ФКП и КПСС в Москве, где обсуждался афганский вопрос. Он сообщил, что в ходе беседы с Ж. Марше, генеральным секретарём ЦК ФКП, Л.И. Брежнев сам поднял вопрос об Афганистане и заявил, что «решение было нелёгким, но, в конечном

²³ Letter Shulman to Vance, February 15, 1980. *The Carter-Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book*. [Электронная версия] URL: http://www.nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/fall_of_de'tente/doc.80.pdf (accessed: 05.09.2022).

²⁴ Engesland Halsne E. 2011. *A question of loyalty. The French Communist Party, 1976–81 – How a party's quest for democracy and ideological independence could lead to its support of the Soviet invasion of Afghanistan*. Masteroppgave i historie. Oslo: Institutt for arkeologi, konservering og historie Universitetet i Oslo. P. 56.

²⁵ Ibid. P. 59.

счёте, нельзя было поступить иначе. Когда была запрошена военная помощь, то мы не могли продолжать отказываться»²⁶. Пленум подтвердил приверженность Французской компартии принципам суверенитета, свободного волеизъявления народов и невмешательства во внутренние дела стран. Также было заявлено, что партия поддержала борьбу афганского народа за прогрессивные изменения и согласилась с решением СССР помочь дружественному народу в борьбе с вмешательством империалистических сил и «экспортом контрреволюции»²⁷. Тем самым руководство ФКП заняло просоветскую позицию. Французская социалистическая партия (ФСП), партнёр ФКП по Союзу левых сил, ещё 2 января 1980 г. высказала однозначную позицию осуждения советского вмешательства по аналогии с осуждением вмешательства США в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки или вмешательства Франции в дела стран Африки²⁸. Заявление ФКП о поддержке СССР в связи с вводом войск вызвало острую дискуссию во Франции.

Решение избранного в 1981 г. президента Ф. Миттерана о допуске четырёх коммунистов в правительство Франции (из сорока четырёх министров в совокупности) было принято в результате компромисса между социалистами и коммунистами. ФКП пришлось согласиться на несколько жёстких условий. Одно из них касалось ситуации в Афганистане. 24 июня 1981 г. генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше объявил, что советские войска должны быть выведены из этой страны. Далее он заявил, что в выводе войск заинтересовано как афганское правительство, так и сам Советский Союз, а также ФСП и ФКП²⁹. В итоге коммунисты вошли в состав правительства социалиста П. Моруа. С этого момента ФКП стала выступать исключительно за политическое урегулирование ситуации в Афганистане и поддержала требование вывода советских войск при условии прекращения вмешательства в дела этой страны со стороны западных стран³⁰, а также признания права афганского народа на самоопределение (Whetten 1982: 108). Баланс взаимных обязательств в рамках этого компромисса во многом был предопределён давлением Вашингтона, с 1978 г. использовавшего французский политический контекст для продвижения так называемого «двухвекторного подхода», построенного на комбинации «невмешательства» и «небезразличия» к внутривнутриполитическим процессам, развивавшимся в государствах НАТО. В 1980–1981 гг. «небезразличие» трактовалось инвариантно, как «бремя», возложенное на коммунистические партии, обязанные доказывать, что они «привержены западным идеалам и институтам»³¹.

²⁶ Ibid. P. 61.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 63.

²⁹ Ibid. P. 85.

³⁰ Французская коммунистическая партия (справка). *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 197. Л. 59.

³¹ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Euromunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". P. 131, 224.

Аналитические материалы, поступавшие в распоряжение СНБ, указывают на то, что в Вашингтоне позицию, занятую ФКП в 1979–1980 гг., характеризовали как «просоветскую» и считали, что выбранный курс нанёс ей существенный урон, поскольку рабочая часть электората оказалась деморализованной, и «партия потеряла большую часть привлекательности для интеллектуалов и творческих людей». При этом её способность организовать массовую поддержку политики СССР в стране оказалась ограниченной³². Ретроспективно снижение влияния компартии в политической и общественной жизни страны оценивалось как «соответствующее долговременным интересам США, коль скоро оно сопровождается всё более очевидной изоляцией одной из главных партий Франции, которая в принципе не поддерживает демократические принципы и не вносит никакого вклада в коллективную оборону Запада»³³.

Коммунистическая партия Испании

По свидетельству посла США в Испании Т. Тодмана, в первые дни советской операции в Афганистане лидеры компартии Испании старались не комментировать ситуацию, не делали никаких официальных заявлений, а партийная газета *Mundo obrero* ограничилась освещением событий без оценок происходящего³⁴. В течение января–февраля 1980 г. была сформулирована позиция испанских коммунистов по отношению к вторжению в Афганистан, в разработку которой внесли вклад генеральный секретарь партии С. Каррильо и заведующий международным отделом ЦК КПИ М. Аскарате. Они констатировали четыре причины решения советского руководства начать интервенцию: влияние военных на политику Кремля, желание ответить на размещение «евроракет», заинтересованность в контроле над нефтедобывающим районом Персидского залива и ошибочная оценка возможностей Запада. Итогом данного анализа стало требование вывода советских войск. Аскарате и Каррильо отмечали, что главным последствием советской акции стало возвращение «лидирующих позиций» американского империализма, потерянных ранее. Советские действия, по их мнению, повернули вспять тенденции разрядки и продвижения социализма в Западной Европе (Whetten 1982: 125, 128).

Члены партийного руководства в дальнейшем выдвигали новые и неоднократно повторяли уже высказанные ранее положения, которые раздражали Старую площадь. Тезис о недопустимости навязывания сверхдержавой своей

³² The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. *CIA FOIA*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

³³ France: The Decline of the Communist Party. An Intelligence Assessment. November 1984. *CIA FOIA*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85S00316R000300080009-2.pdf> (accessed: 05.09.2022).

³⁴ Reaction to Events in Afghanistan. November 16, 1979. From Spain, Madrid to Department of State; Russia, Moscow. *Wikileaks*. [Электронная версия] URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MADRID18487_e.html (accessed 05.09.2022).

воли соседнему государству со ссылкой на социалистические идеалы и интернациональную помощь часто звучал в выступлениях М. Аскарате (Whetten 1982: 126). Лидеры Компартии Испании акцентировали, что нельзя говорить о спасении социализма в Афганистане, поскольку там отсутствует социалистический режим (Whetten 1982: 127). Аскарате в феврале 1980 г. говорил о том, что СССР понёс катастрофические политические потери, оттолкнув от себя неприсоединившиеся государства и сыграв на руку администрации Картера, ведущей подготовку к президентским выборам. Он также отмечал, что ввод советских войск в Афганистан дискредитировал идею социализма и внёс раскол в движение еврокоммунизма, поскольку это событие разделило западноевропейский сегмент МКД на два лагеря: противников и сторонников, среди которых оказалась ФКП (Whetten 1982: 126).

Согласно позиции руководства Компартии Испании, Кремль продемонстрировал пренебрежение национальными интересами других коммунистических партий; ни с правящими, ни с неправящими компартиями КПСС не консультировалась и не информировала их о своих намерениях. Пренебрежение к интересам и обязанностям братских стран указывало на то, что Москва по-прежнему считала себя бесспорным центром МКД. Но неприятие или дезавуирование её действий со стороны ряда компартий Западной Европы показало обратное. Главный аргумент Каррильо–Аскарате заключался в том, что советская операция в Афганистане обратила вспять тенденции разрядки, мирного сосуществования и продвижения социализма на Западе. Они принимали исходный советский аргумент о том, что США были ответственны за ухудшение отношений между сверхдержавами в 1978–1979 гг., но также полагали, что вторжение и «монголизация» Афганистана оказали гораздо более глубокое и длительное влияние на характер противостояния конкурирующих блоков. События в Афганистане, по их мнению, ускорили возврат к конфронтации между Востоком и Западом, привели к политическому недоверию и взаимной дискриминации, возобновлению гонки вооружений, борьбе за передел сфер влияния сверхдержав, росту напряжённости и отвлечению избирателей от непосредственных шагов по продвижению социализма. В заключении делался вывод о том, что Кремль серьёзно ошибся в оценке своего военного превосходства и силы афганского сопротивления, вследствие чего неправящим компартиям Западной Европы пришлось иметь дело с всплеском антисоветских настроений, сдвигом вправо на национальных выборах и растущим восприятием советского руководства как некомпетентного (Whetten 1982: 128).

Американские спецслужбы констатировали, что в «случае сохранения лидерства Сантьяго Каррильо Испанская коммунистическая партия скорее всего не будет способствовать достижению целей Москвы»³⁵. Оговорка насчёт воз-

35 Reaction to Events in Afghanistan. November 16, 1979. From Spain, Madrid to Department of State; Russia, Moscow. Wikileaks. [Электронный ресурс] URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MADRID18487_e.html (accessed 05.09.2022).

можной утраты действующим генеральным секретарём контроля над партией указывала на то, что для американских наблюдателей не была секретом острая внутрипартийная борьба между сторонниками Каррильо и марксистско-ленинским крылом (Игнасио Гальего), ориентированным на поддержку Москвы. Распри в руководстве КПИ, увенчавшиеся заявлением Каррильо о разрыве отношений с Москвой и расколом партии в 1982 г., в Вашингтоне расценили как «хорошую новость для всей европейской системы безопасности». События в Афганистане при этом рассматривались как один из главных катализаторов «долгой агонии Компартии Испании», начавшейся в 1979 г.³⁶ Акцент на европейской системе безопасности, обычный для аналитических материалов разведки, применительно к Испании имел особенный смысл: в начале 1980-х гг. велись интенсивные переговоры по вхождению страны в НАТО, которое формально состоялось в мае 1982 г. Важной предпосылкой для данного акта атлантической интеграции, над которым неумолимо работала администрация Картера³⁷, стал приход к власти в Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), получившей поддержку США и заявившей об ошибочности прежней «антинатовской» позиции. В новых исторических условиях еврокоммунистический сегмент КПИ, утратив связи с Москвой и лишившись надежд на получение доступа к власти парламентским путём, всё более маргинализировался.

Итальянская коммунистическая партия

ИКП вынесла обсуждение афганской проблемы на межпартийный уровень. В феврале 1979 г. члены руководства партии А. Рубби и П. Буфалини решили прояснить позицию непосредственно на Старой площади во время встречи с заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладиным и сотрудником отдела Ю.И. Зуевым. Буфалини заявил, что в Афганистане идёт ожесточённая борьба между различными фракциями внутри партии. На этом фоне растущий приток помощи из Москвы создаёт впечатление слабости афганского режима, поэтому вряд ли можно говорить о каких-либо его шагах в сторону социализма. После бурной реакции Зуева более дипломатичный Загладин пояснил, что обстановка в Афганистане трудная, но контролируемая; власть в стране опирается на народную поддержку. Советский Союз оказывает помощь государству, которое ввиду отсталости не имеет опыта проведения реформ (Рубби 1995: 166). Буфалини предостерег руководство КПСС и СССР от возможного вмешательства в дела Афганистана, пояснив, что применение силы нанесёт непоправимый ущерб международной обстановке.

³⁶ Spain: Communism in Crisis. An Intelligence Assessment. August 1985. IV, 9 p. *CIA FOIA*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86S00588R000300270002-6.pdf> (accessed 05.09.2022).

³⁷ Meeting with Prime Minister Adolfo Suarez of Spain. White House Statement. January 14, 1980. *The American Presidency Project*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/meeting-with-prime-minister-adolfo-suarez-spain-white-house-statement> (accessed 05.09.2022).

В начале июня 1979 г. в Италии проходили парламентские выборы, на которых коммунисты потеряли около 4% голосов. В советском посольстве в Италии главные причины неудачи ИКП связывали с ошибочным выбором стратегической линии «исторического компромисса», конкретизированной на данном этапе «в форме участия коммунистов в парламентском большинстве, в которое входили также христианские демократы, социалисты, республиканцы и социал-демократы», вследствие чего партия «оказалась “посредине брода”: вышла из оппозиции, но не вошла в правительство»³⁸. Политическое влияние коммунистов также существенно снижалось вследствие острых внутренних разногласий, одним из результатов которых стал вывод на июльском Пленуме из состава Секретариата ЦК ветеранов партии П. Буфалини и Дж. Пайетты. Хотя генеральному секретарю Э. Берлингуэру на том этапе удалось удержать бразды правления в своих руках, его курс на «социал-демократизацию» ИКП советские дипломаты расценивали как бесперспективный и дезориентирующий рядовых членов. Первый секретарь посольства СССР в Италии Л. Попов отмечал: «Против коммунистов под лозунгом “не допустить ИКП в правительство” боролись, по существу, все партии. При этом американцы через закрытые и открытые каналы вели борьбу против ИКП, финансировали мелкие партии, в том числе псевдоловую партию радикалов, с тем чтобы “рассеять” левые голоса, отобрать их как можно больше у коммунистов»³⁹.

На XV съезде ИКП (30 марта – 3 апреля 1979 г.), несмотря на весьма обширную международную повестку, афганская проблема не затрагивалась. Советские наблюдатели в целом позитивно оценили содержащиеся в докладе Берлингуэра теоретические уточнения по вопросам «исторического компромисса», «демократического единства» и «третьего пути» построения социализма, свидетельствовавшие, по их мнению, о том, что руководство партии прислушалось к «дружеской критике», прозвучавшей со стороны КПСС накануне съезда⁴⁰. Международная часть доклада генерального секретаря ИКП оценивалась как «уравновешенная» и «свободная от крайностей», особо было отмечено, что и в докладе, и в заключительном слове Берлингуэр подчёркивал, что «Итальянская компартия ни в коем случае не пойдёт на поводу у тех, кто желал бы разрыва ИКП со страной Октября»⁴¹. Хотя съезд показал наличие в ИКП центробежных тенденций, советское посольство в Риме сообщало в МИД СССР, что работа с руководством партии «может давать положительные результаты» и рекомендовало, «учитывая пристальное внимание, с которым рядовые коммунисты следят за отношениями между ИКП и КПСС, и сохранение в “базе” ИКП чувства

³⁸ О некоторых проблемах положения в ИКП после парламентских выборов в Италии 3–4 июня 1979 года. *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Л. 98.

³⁹ *Ibid.* Лл. 102–103.

⁴⁰ Об итогах работы XV съезда Итальянской коммунистической партии (30 марта – 3 апреля 1979 года). *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Лл. 84–86.

⁴¹ *Ibid.* Л. 89.

глубокой, спонтанной симпатии к Советскому Союзу следует, очевидно, предусмотреть шаги по расширению контактов с итальянскими коммунистами»⁴². По оценкам посольства, съезд подтвердил репутацию Берлингуэра как «сбалансированного политика», имеющего собственное видение происходящего и способного сдерживать крайности⁴³.

Отчёты, поступавшие по дипломатической линии из Рима в Москву, были выдержаны в позитивном ключе и в целом ориентировали на сближение позиций с ИКП и развитие с ней конструктивного диалога. Позиция международного отдела ЦК КПСС и руководителей СССР была сдержаннее. В августе 1979 г. секретарь ИКП Э. Берлингуэр проводил отпуск в Крыму. Он осознавал, что гонка вооружений в Европе и соперничество между двумя сверхдержавами на периферии холодной войны могут поставить мир перед перспективой нового витка напряжённости, и большие опасения связывал с Афганистаном. Лидеру итальянских коммунистов были известны подробности межфракционной борьбы в НДПА и применения в ходе реформ насилия в отношении гражданского населения, из-за чего тысячи афганцев перебрались в Иран и Пакистан и вступали в группы сопротивления, руководимые главным образом вождями родовых кланов. Ситуацию в Афганистане он оценивал как состояние гражданской войны (Рубби 1995: 167).

На встрече с заведующим международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарёвым Э. Берлингуэр заявил, что события в апреле 1978 г. в Афганистане являются не революцией (как считали в СССР), а переворотом, а последовавшие затем реформы оказались провальными. «Если реформы действительно имели успех, то непонятно, для чего надо было прибегать к репрессиям и почему люди спасаются бегством». Лидер итальянских коммунистов считал, что без поддержки масс не может быть национально-освободительного движения и добавил, что его беспокоит растущее военное присутствие СССР в Афганистане. На его вопрос «А если оно будет недостаточным, что вы предпримите?» Пономарёв отреагировал эмоционально, восприняв его чуть ли не как оскорбление Советского Союза, оказывающего интернациональную помощь Афганистану. Берлингуэр же считал, что переход к полномасштабному военному вмешательству станет катастрофой, последствия которой окажутся губительными как для разрядки, так и для международного рабочего движения. Обмен мнениями так и не привёл стороны к взаимопониманию (Рубби 1995: 168).

Был шанс найти точки соприкосновения ИКП и КПСС во время встречи Берлингуэра и Брежнева в Кремле 5 сентября того же года⁴⁴ (Брежнев т. 1: 968,

⁴² Ibid. Лл. 93–94.

⁴³ О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП, 15 марта 1979 г. *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Л. 60.

⁴⁴ В воспоминаниях А. Рубби эта встреча ошибочно датирована 6 сентября. Запись секретаря приёмной Л.И. Брежнева, а также рабочие записи Генерального секретаря ЦК КПСС свидетельствуют о том, что эта встреча проходила с 11:00 до 13:10 5 сентября.

988; Брежнев т. 2: 945), однако этого не произошло. Беседа, в которой принял участие секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов, носила преимущественно протокольный характер. Брежнев к тому моменту уже был не в лучшей физической форме и «не мог поддерживать серьёзную дискуссию» (Рубби 1995: 168). Помимо обычного для подобных встреч обмена дежурными заготовками об укреплении братской солидарности в борьбе за мир, развитии мирного сотрудничества в Европе и «дополнении разрядки политической разрядкой военной» затрагивались некоторые дискуссионные вопросы двусторонней повестки. Берлингуэру пришлось выслушать упреки по поводу критических выпадов в адрес СССР со стороны итальянских «товарищей» и заверить советского лидера в том, что в целом «в партии преобладает дружественное отношение к КПСС», несмотря на то, что в ней «есть люди, которые доводят до крайностей существующие разногласия, размахисто судят о Советском Союзе». Афганская проблема затрагивалась вскользь, и предметный разговор на эту тему итальянский лидер, по всей видимости, решил отложить до более удобного случая, тем более что этот разговор носил неофициальный характер⁴⁵. В ближайшие месяцы такой случай не представился.

После ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан руководство ИКП не сразу высказало официальную позицию, хотя отдельные высокопоставленные функционеры выступили с осуждением советских действий. Например, 30 декабря 1979 г. на антивоенном митинге в Болонье Буфалини заявил, что военное вмешательство представляет собой недопустимое нарушение Советским Союзом принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела – «принципов, которые итальянские коммунисты всегда отстаивали в отношении всех стран...»⁴⁶. Он считал, что кризис в Афганистане значительно ухудшил международную обстановку и спровоцировал виток напряжённости, грозящий новой гонкой вооружений.

Вместе с тем лидеры итальянских коммунистов требовали скорейшего одобрения Соединёнными Штатами договора ОСВ-2 (договор не был ратифицирован из-за ввода советских войск в Афганистан), отмены решения о развёртывании американских ракет средней дальности в Западной Европе, проведения переговоров между НАТО и ОВД о прекращении гонки вооружений и продолжения процесса сокращения ядерных вооружений⁴⁷. Для ИКП важно было сохранить достигнутые ранее успехи разрядки. Возникший кризис предлагалось

⁴⁵ Запись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева с Генеральным секретарём ЦК ИКП Э. Берлингуэром. Кремль, 5 сентября 1979 г. *РГАНИ*. Ф. 80. Оп. 1. Д. 646. Лл. 14–31.

⁴⁶ Più pace, meno armi rispetto dei diritti. Corteo popolare a Bologna — Ribadito da Bufalini il giudizio del PCI sugli ultimi avvenimenti in Afghanistan. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. №301. P. 18.

⁴⁷ Carter duro con l'URSS per l'intervento a Kabul Protesta anche dell'Iran — A Mosca silenzio; sulle critiche — Ribadito da Bufalini il netto giudizio del PCI. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. № 301. P. 1.

разрешить мирными средствами, путём переговоров, которые бы способствовали снятию напряжённости в отношениях между блоками⁴⁸.

В Вашингтоне позицию ИКП квалифицировали как «недостаточно чёткую». Посол Р. Гарднер в одном из своих сообщений в Госдепартамент заметил, что по вопросу об Афганистане стремящаяся войти в правительство Итальянская компартия «ищет некую золотую середину», желая сохранить отношения с Москвой и избежать «изоляции» в Италии⁴⁹. Он предположил, что оказываемое на ИКП с разных сторон давление с требованием сделать принципиальный выбор может привести к тому, что ИКП перейдёт от общих заявлений к «действительной независимости от Советского Союза в вопросах, касающихся защиты национальной безопасности Италии»⁵⁰.

4 января 1980 г. руководство ИКП обнародовало свою позицию: 1) осуждение ввода советских войск в Афганистан; 2) военное вмешательство СССР рассматривалось как нарушение национальной независимости и суверенитета Афганистана безотносительно причин, которые приводил Советский Союз; 3) партии и всем прогрессивным силам мира предлагалось защищать разрядку, отвергнув логику противостояния блоков и проведение политики с позиции силы (Рубби 1995: 170–171).

ИКП заявила, что СССР (как и США) не вправе обосновывать военную интервенцию в другую страну ни идеологическими лозунгами, ни соображениями обороноспособности. Подчёркивая угрозу безопасности Европы, вызванную свёртыванием разрядки, ИКП продолжала видеть главную опасность в возобновлении гонки вооружений между СССР и США, а не в потенциальной советской военной угрозе Западной Европе (Whetten 1982: 59–60). Для разрешения конфликта ИКП предполагала: 1) вывести советские войска; 2) начать переговоры между конфликтующими сторонами; 3) восстановить статус Афганистана как независимого и неприсоединившегося государства (Рубби 1995: 175).

На обострение международной обстановки в связи с началом советской операции в Афганистане коммунистические партии Италии, Франции и Испании отреагировали по-разному. На их оценки влияли обстоятельства внутриполитической жизни, настрой избирателей, идеологические установки, международные амбиции. Для лидеров этих партий выступление в такой критический момент истории против СССР было исключительно трудным и ответственным решением, чреватым далеко идущими последствиями и для самих этих партий, и для МКД в целом. В Москве болезненно воспринимали подобную критику в свой адрес. 23 декабря 1981 г., выступая с отчётным докладом ЦК КПСС перед

⁴⁸ Più pace, meno armi rispetto dei diritti. Corteo popolare a Bologna — Ribadito da Bufalini il giudizio del PCI sugli ultimi avvenimenti in Afghanistan. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. №301. P. 18.

⁴⁹ Italian Views on Afghanistan. 1979. December 30. From Italy, Rome to Department of State. *Wikileaks*. [Электронный ресурс] URL: https://search.wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME35770_e.html (accessed 05.09.2022)

⁵⁰ Ibid.

делегатами XXVI съезда партии, Л.И. Брежнев говорил о том, что КПСС поддерживает «хорошие, добрые отношения с огромным большинством коммунистических партий – с французской, португальской, германской, греческой, финской, датской, австрийской и другими компартиями Европы» (Брежнев 1981: 651). Итальянская и испанская компартии в этот перечень не вошли.

Дипломатия и разведка США: дилеммы 1979–1985 гг.

Аналитики американской разведки, исследовавшие первоначальную реакцию ведущих коммунистических партий Западной Европы, пришли к заключению, что действия СССР вряд ли приведут к столь же «травмирующему расколу» в МКД, который случился после ввода войск СССР и стран ОВД в Чехословакию в 1968 г.⁵¹ В то же время неоднозначные отклики функционеров и рядовых членов ИКП, ФКП и КПИ указывали на наличие двух направлений – просоветского, куда была отнесена французская компартия, и «критического». Партии «критического выбора», представленные ИКП и КПИ, имели свои особенности: испанские коммунисты приглушили критику СССР и акцентировали внимание на милитаристских приготовлениях США и НАТО, а итальянские, откровеннее нападая на советский курс, пытались объяснить его «в терминах всеобщей глобальной напряжённости, включая проблему гонки вооружений»⁵². Такая линия поведения лидеров ИКП, по мнению разведчиков, свидетельствовала о нежелании компартии рвать связи с Москвой по фундаментальным вопросам внешней политики. В ЦРУ обращали внимание на разногласия между партиями, отверженными еврокоммунизму. Их разобщённость считалась важным преимуществом дипломатии США, всё более ориентировавшуюся на консервативную консолидацию Запада.

Американские дипломаты фиксировали отсутствие последовательности и внутри самих еврокомпартий. Согласно воспоминаниям посла США в Италии Р. Гарднера, позиция ИКП в конце 1979 – начале 1980 гг. была уклончивой и двусмысленной. С одной стороны, во внесённой членами ИКП в Европарламент резолюции принципиально осуждалась «советская интервенция в Афганистан», но одновременно в том же документе содержался призыв не допустить «репрессивных мер» против СССР и отказа от политики мира и разрядки (Gardner 2005: 256). Примеры непоследовательности Гарднер наблюдал и в последующие недели.

13 января 1980 г. в газете ИКП *L'Unita* была опубликована статья о встрече Э. Берлингуэра с рабочими завода Alfa Sud, где тот сказал, что «Советский Союз

⁵¹ The Invasion of Afghanistan: Implication for Soviet Foreign Policy. An Intelligence Assessment. 11 January 1980. PA 80-10020. 6 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2015-071-doc18.pdf> (accessed 05.09.2022).

⁵² Ibid.

жизненно заинтересован в мире, в отличие от Соединённых Штатов» (Gardner 2005: 256), однако на следующий день газета опубликовала уточняющую заметку, в которой говорилось, что лидер итальянских коммунистов не делал контрастных обобщений, а всего лишь отметил серьёзную опасность для мира, которая может возникнуть в результате обострения напряжённости между СССР и США. Затрагивая политику перевооружения, Берлингуэр подчеркнул, что «в США существуют группы, заинтересованные в гонке вооружений, чего нельзя сказать о Советском Союзе»⁵³.

16 января 1980 г. в своей речи в Европарламенте Э. Берлингуэр заявил, что западноевропейские страны должны выступить с позитивной инициативой, способствующей продолжению диалога между сверхдержавами. Итальянский политик указывал, что ИКП не выступает против НАТО, но будет противостоять любым попыткам ухудшения международных отношений, направляя свои усилия на снижение напряжённости и сотрудничество. Европа, по его мнению, должна стать одним из центров преодоления экономического и социального дисбаланса между Севером и Югом, который мог достичь взрывоопасного состояния в случае продолжения роста напряжённости в отношениях СССР и США. Берлингуэр предложил европейским странам противодействовать гонке вооружений, попыткам навязать неоколониальные отношения странам Третьего мира и содействовать установлению равноправия и взаимовыгодного сотрудничества с ними (Morosini 1980: 76).

В тот же день, когда лидер итальянских коммунистов выступал в Европарламенте, КПСС отреагировала на позицию ИКП по афганской проблеме решением о прекращении прямого финансирования партии (Pons 2006: 172). Контрнаступление КПСС не ограничилось одной мерой. Со Старой площади в ЦК ИКП было направлено конфиденциальное «доверительное письмо», повторяющее тезис об «интернациональной помощи» Москвы правительству в Кабуле, которому угрожают «контрреволюционные действия», инспирированные США и Китаем. Руководству ИКП был высказан упрёк в недооценке «угрозы миру», исходившей от американского империализма. В ЦК КПСС считали, что занятая ИКП позиция наносила серьёзный вред «борьбе сил мира и прогресса», но выражали надежду на то, что партийное руководство скорректирует свой курс (не утверждая прямо, но подразумевая, что рядовые члены ИКП симпатизируют линии КПСС⁵⁴). На встрече с членом руководства ИКП П. Инграо Б.Н. Пономарёв и В.В. Загладин уличили Итальянскую компартию в поддержке «американской точки зрения» (Pons 2006: 172). В начале 1980-х гг. в ЦК КПСС утвердились

⁵³ Berlinguer gli Stati Uniti e la pace. *L'Unita*. 14 Gennaio 1980. №12. P. 2.

⁵⁴ Основанием для подобных выводов были, очевидно, отчёты советского посольства в Италии, в которых акцентировалось сохранение среди рядовых членов компартии «чувств глубокой симпатии» к КПСС и СССР. См., например: О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 196. Л. 46.

в том, что особая позиция ИКП касательно Афганистана не только систематически подыгрывала империалистической пропаганде, но и «объективно “работала” – по ряду существенных моментов – на курс США и НАТО»⁵⁵.

Согласно выводу С. Понса, в основе международной политики ИКП после ввода советских войск в Афганистан лежала «антиимпериалистическая линия, направленная против политики силы» (Pons 2006: 175). Итальянские коммунисты активно устанавливали отношения за пределами советского блока – с государствами и организациями неподотчётными (Югославия, Организация освобождения Палестины, Сандинистский Фронт национального освобождения в Никарагуа), чуждыми (западноевропейские социал-демократические и социалистические партии) и даже враждебными СССР (Китай). Заметное место в списке внешних контактов ИКП занимали национально-освободительные движения стран Третьего мира и участники Движения неприсоединения.

Хотя ИКП вслед за США осудила ввод советских войск в Афганистан, её позиция в целом оставалась независимой. Берлингуэр и его последователи считали, что ответственность за свёртывание разрядки лежит и на СССР, и на США, тогда как Европейское экономическое сообщество и Движение неприсоединения могли бы стать важными участниками преодоления кризиса. Европу и неприсоединившиеся страны руководство ИКП видело потенциальными субъектами будущего многополюсного мира – наряду с СССР, США и Китаем. Несмотря на скрытые в таком подходе противоречия, его в целом приветствовали и в американском посольстве в Италии, и в госдепартаменте. Во время одной из конфиденциальных встреч Гарднер попросил члена руководства ИКП Дж. Наполитано передать Берлингуэру, что, хотя США «были удовлетворены критикой ИКП советского вторжения в Афганистан», администрацию огорчает, что партия противодействует её усилиям «по сплочению альянса в поддержку практических политических и экономических мер, направленных на то, чтобы заставить русских ... заплатить за свои действия». Затем посол высказался ещё откровеннее: «Вы не должны ожидать, что мы изменим свою позицию по отношению к вам, пока вы не измените свою позицию по отношению к нам» (Gardner 2005: 257). Иными словами, желая создать иллюзию «открытой двери», он дал понять, что Соединённые Штаты будут всеми силами препятствовать вхождению коммунистов в правительство Италии до тех пор, пока ИКП чётко и однозначно не поддержит мероприятия США по укреплению НАТО, одновременно продолжая обличать «советскую интервенцию в Афганистане».

Амбивалентная позиция ИКП демонстрировала болезненные симптомы кризиса в МКД, коль скоро одна из крупнейших и влиятельных компартий Западной Европы осудила политику СССР в Афганистане, солидаризировавшись

⁵⁵ О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 196. Л. 77.

тем самым с США и их союзниками. Посольство США одобрительно реагировало на заявления членов руководства ИКП с осуждением ввода советских войск в Афганистан. Госдепартамент явно стремился воспользоваться разногласиями между КПСС и ИКП и поощрял действия, направленные на дистанцирование коммунистов Италии от КПСС. Никаких ощутимых последствий описанная выше беседа не возымела.

Действия американских дипломатов на итальянском треке были типичными и воспроизводились в Испании и Франции с поправками на особенности внутривнутриполитической жизни в этих странах.

Мотивы политики США в отношении еврокоммунизма в период обострения афганского кризиса и её итоги раскрывают материалы ЦРУ, подготовленные в середине 1980-х гг. К тому моменту международная обстановка существенно изменилась: в Соединённых Штатах начинался второй срок администрации Р. Рейгана; в Советском Союзе 11 марта 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран М.С. Горбачёв. Ощущалось приближение перемен. Советские войска оставались на территории Афганистана и было ясно, что скорого победоносного завершения этой кампании не предвидится. Еврокоммунизм, как явление в политической жизни Европы, продолжал существовать, хотя его позиции были значительно ослаблены. Для республиканской администрации, приступающей к редактированию своей европейской политики, была подготовлена серия докладов с ретроспективным анализом положения дел в коммунистическом мире, акцентированном на процессах в ИКП, КПИ и ФКП. Доклады имели не только историческую ценность – и Белый дом, и госдепартамент волновал вопрос о реальном состоянии МКД, потенциале ведущих европейских партий и способности нового советского лидера вернуть ускользавшую от КПСС роль лидера движения.

Появление еврокоммунизма и его электоральные достижения аналитики разведки связывали с разрядкой международной напряжённости, а его упадок – со свёртыванием разрядки и вторжением СССР в Афганистан. Указывая на деградацию движения, они отмечали «смешанное воздействие» данного обстоятельства на интересы США. Несомненным плюсом считался тот факт, что «эта концепция не смогла указать её адептам путь из политического гетто», вследствие чего «партии, наиболее критично настроенные в отношении США, стали наименее влиятельными». В то же время отмечалось, что критика СССР еврокоммунистами, «вызывавшая наибольшее доверие среди западноевропейских левых, по сравнению с любыми заявлениями, исходившими от американских или западноевропейских правительств, сейчас звучит приглушённо и весит совсем немного»⁵⁶.

⁵⁶ Western Europe: The Decline of Eurocommunism. An Intelligence Assessment. October 1985. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0001144824.pdf (accessed 05.09.2022).

На рубеже 1970–1980-х гг. Советский Союз по праву воспринимался как единственная страна, «способная противодействовать использованию США своей военной мощи в отдалённых регионах мира»⁵⁷. Вследствие этого ситуация в Афганистане рассматривалась в Вашингтоне в контексте глобальных процессов, и действия, направленные на изоляцию еврокомпартий и их вытеснения в «политическое гетто», были той частью внешнеполитической стратегии команды Картера, которую почти без изменений продолжила администрация Рейгана. Этот курс в целом оказался эффективным. Слагаемых успеха было несколько:

- политические просчёты самих еврокоммунистических партий, «переоценивших свои электоральные претензии и недооценивших подозрения избирателей относительно их демократического потенциала»⁵⁸. В результате многие избиратели, в 1970-е гг. симпатизировавшие СССР, после начала афганских событий отошли от компартий;

- перегруппировка политических сил в Италии, Испании и Франции, усугублённая переменами в руководстве компартий и персональными качествами их лидеров. «Берлингуэр умер (июнь 1984 г. – авт.), Каррильо утратил власть, Марше воспринимается как некомпетентный лицемер. Тем временем их социалистические оппоненты – Беттино Кракси, Франсуа Миттеран и Фелиппе Гонсалес – наоборот, показали себя искушёнными политиками, преуспевшими в привлечении на свою сторону избирателей и профсоюзов», отмечалось в одном из обзоров ЦРУ⁵⁹;

- парадоксальным образом и в советском руководстве, и в администрациях Картера и Рейгана на определённом этапе возобладало, хотя и по разным причинам, негативное отношение к еврокоммунизму. В секретариате ЦК КПСС сочли неприемлемыми отрицание некоторых основополагающих постулатов марксизма-ленинизма и установку на «третий путь» развития, через демократизацию капитализма. Для американских лидеров решающее значение имела принципиальная установка еврокомпартий на продвижение к социализму, а также их последовательная «антинаатовская» пропаганда. «Ни Вашингтон, ни Москва не желали становиться свидетелями того, как усиливающийся национализм приведёт к панъевропейской независимости», – отмечал Р. Гартхов (Garthoff 1985: 543–544). Следует добавить, что ни та, ни другая сторона в возобновлявшейся холодной войне для воплощения в жизнь собственного сценария европейской интеграции в еврокоммунизме не нуждалась.

⁵⁷ The US-Soviet Competition for Influence in the Third World: How the LDCs Play It. National Intelligence Council Memorandum. April 1982. *CIA FOIA* [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000273391.pdf (accessed 05.09.2022).

⁵⁸ Western Europe: The Decline of Eurocommunism. An Intelligence Assessment. October 1985. *CIA FOIA* [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0001144824.pdf (accessed 05.09.2022).

⁵⁹ Ibid.

В эпоху новой поляризации сил у итальянских, испанских и французских коммунистов почти не оставалось места для политического маневрирования, что привело к падению их популярности, утрате влияния среди значительной части электората и снижению численности самих партий.

* * *

Ввод советского ограниченного контингента в Афганистан практически сразу превратился в ожесточённую схватку на периферии Холодной войны, стал её высшей точкой. Одним из главных мотивов при принятии решения о вводе войск было стремление Кремля подтвердить и упрочить свою роль лидера системы социализма и всего коммунистического мира, никогда не бросающего в беде нуждающиеся в помощи братские партии. Но эффект этого решения оказался диаметрально противоположен желаемому.

С первых же дней после начала операции Москва заявляла, что подразделения советских войск находятся в Афганистане временно и будут выведены по согласованию с афганским руководством незамедлительно после того, как прекратятся агрессивные действия извне и будут обеспечены гарантии их невозобновления⁶⁰. В интервью газете «Правда» 13 января 1980 г. Л. И. Брежнев отверг обвинения в агрессии и заявил, что, принимая решение о помощи, СССР руководствовался интересами народа Афганистана и желанием устранить угрозу собственной безопасности, исходившую от «внешних сил», «экспортирующих контрреволюцию»⁶¹. Тем не менее, 14 января 1980 г. Генеральная ассамблея ООН выразила «сожаление по поводу советского военного вмешательства» и призвала к немедленному, безусловному и полному выводу войск из страны. За соответствующую резолюцию проголосовали 114 стран, 18 – против и 30 – воздержались.

События в Афганистане углубили раскол среди социалистических государств и в МКД. СССР утрачивал ореол лидера в деле борьбы за мир, заметно снизился его престиж в Третьем мире. В странах Запада электорат также стал группироваться по-новому, коммунистические партии и иные политические силы, ориентированные на СССР, быстро и во многих случаях безвозвратно теряли влияние.

Особенно разрушительные последствия имел конфликт КПСС с одной из крупнейших и наиболее влиятельных коммунистических партий Запада – итальянской. От этой расщелины стали быстро отходить новые трещины и сколы, мировое коммунистическое движение окончательно утрачивало цельность. Компартия Испании осудила действия Кремля. ФКП, изначально поддержавшая

⁶⁰ К выступлению перед работниками сопосольства в Париже. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 195. Лл. 102–103.

⁶¹ Ответы Л.И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда». *Правда*. 13 января 1980. № 13 (22443). С. 1.

СССР, после вхождения в состав правительства Франции в 1981 г. также заняла уклончивую позицию. Позиция еврокоммунистов, отказавшихся поддержать КПСС и солидаризировавшихся с США и НАТО, стала очевидным симптомом упадка МКД и, одновременно, знаменем перемен.

Стержнем европейского вектора внешней политики Бжезинского–Картера в 1978–1981 гг. было ослабление СССР и сплочение НАТО. Применительно к афганскому кризису такой курс означал, что чем «выше градус» эскалации, тем проще консолидировать союзников. Открыто использовать ресурсы еврокоммунистов против Кремля с этой точки зрения было не логично, поскольку, независимо от расстановки идеологических и политических доминант, компартии не имели разногласий относительно целесообразности продолжения разрядки и скорейшего урегулирования афганского конфликта. Но Вашингтон не стремился к урегулированию. Наименее желательным сценарием развития афганской ситуации для политики Картера–Бжезинского считалось быстрое примирение сторон с минимальными потерями для СССР. Кроме того, интегрирование компартий в национальные политические системы, их участие в правящих коалициях и тем более вхождение в состав правительств для администрации Картера было неприемлемо в принципе. С приходом в Белый дом Р. Рейгана, построившего свою избирательную кампанию на антикоммунизме и антисоветизме, правоконсервативный крен усилился.

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Максим Владимирович Бакшаев – младший научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: randvmax@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

UDC: 327, 94, 329.15
Received: May 15, 2022
Accepted: August 27, 2022

«We Will Not Change Our Attitude towards You until You Change Your Attitude towards Us». How Washington Considered the Reaction of Western European Communist Parties to the Events In Afghanistan, 1978–1985

V.T. Yungblud, M.V. Bakshaev
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42)

Vyatka State University

Abstract: The invasion of a limited contingent of Soviet troops into Afghanistan at the end of 1979 caused a mixed reaction among the Communist parties in Europe. Some of them subject the actions of the USSR leadership to sharp criticism. The article reveals to what extent the US administration was aware of the critical attacks against the USSR and the CPSU by the most powerful Western European Communist parties to determine how the factor of Eurocommunism influenced the Afghan vector of the US policy in 1979-1982 and how the American course turned out for the Communist parties themselves. The study is based on published documents (including electronic collections) of the Administration of the President of the United States J. Carter, the State Department, and the Central Intelligence Agency of the United States, as well as unpublished documents of the Central Committee of the CPSU from the funds of the Russian State Archive of Modern History, press materials and memoirs. It is concluded that 1) the invasion of Soviet military units into Afghanistan provoked a fierce battle of superpowers on the periphery of the Cold War, and in fact, became its peak; 2) one of the results of the Soviet operation was a deeper split in the world communist movement with its subsequent decline; 3) the United States sought to take advantage of the escalated disagreements between the Communist Party of the Soviet Union and the largest communist parties in Western Europe (especially Italian, to a lesser extent Spanish and French) and encouraged the actions of the European Communists aimed at distancing themselves from the CPSU and severing relations with the USSR. At the same time, Washington avoided public statements and actions that could look like a manifestation of solidarity with the Communist parties of Western Europe (primarily with the ICP), including the relation to the USSR policy in Afghanistan, giving priority to the policy to exclude completely the possibility for communists to participate in the governments of NATO states. Such a policy, against the background of the ongoing war in Afghanistan and the decline in the USSR's international prestige, contributed to the isolation of the European communist parties in their countries and the weakening of their electoral opportunities.

Keywords: American-Soviet relations, the war in Afghanistan, internationalization of local conflicts, the periphery of the Cold War, Eurocommunism, Brezhnev, Brzezinski, Berlinguer, Carrillo, Marchais, Carter

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Maxim V. Bakshaev – Junior Researcher, Department of History and Political Science, Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: randvmax@gmail.com.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-78-10179, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>

References:

- Brzezinski Z. 1983. *Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux. 588 p.
- Cahn A.H. 1998. *Killing Détente: The Right Attacks the CIA*. College Station: The Pennsylvania State University Press. 232 p.
- Carter J. 2010. *White House Diary*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 570 p.
- Carter R. 1984. *First Lady from Plains*. Boston, Houghton Mifflin. 370 p.
- Clarke R. 2004. *Against All Enemies: Inside America's War on Terror*. New York: Free Press. 352 p.
- Clifford C., Holbrooke R. 1992. *Counsel to the President. A Memoir*. New York: Random House. 709 p.
- Gardner R.N. 2005. *Mission: Italy. On the Front Lines of the Cold War*. Foreword by Zbigniew Brzezinski. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 348 p.
- Garthoff R.L. 1985. *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington: The Brookings Institution. 1147 p.
- Gates R.V. 1996. From the Shadows. *The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster. 604 p.
- Gelman H. 1984. *The Brezhnev Politburo and the Decline of Détente*. Ithaca: Cornell University Press. 268 p.
- Gibbs D.N. 2006. Reassessing Soviet Motives for Invading Afghanistan: A Declassified History. *Critical Asian Studies*. 38(2). P. 239-263.
- Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, his Advisors, and the making of American foreign policy*. Ithaca: Cornell University Press. 398 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. 2010. *America and the Cold War 1941–1991: A Realist Interpretation*. In 2 Vols. Vol. 2. Santa Barbara, California: Praeger. 683 p.
- Haslam J. 2011. *Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall*. New Haven: Yale University Press. 544 p.
- LaFeber W. 1997. *America, Russia, and the Cold War 1945–1996*. New York: McGraw-Hill. 386 p.
- Leffler M. 2007. *For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York: Hill and Wang. 608 p.
- Leffler M. 2017. *Safeguarding Democratic Capitalism. U.S. Foreign Policy and National Security*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 348 p.

Morosini G. 1980. The European Left and the Third World. *Contemporary Marxism*. №2. P. 67-80.

Pons S. 2010. The Rise and Fall of Eurocommunism. *The Cambridge history of the Cold War*. Vol. 3: Endings. Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Cambridge University Press. P. 45–65.

Selvae D.E. 2009. Transforming the Soviet Sphere of Influence? U.S. – Soviet Détente and Eastern Europe, 1969 – 1976. *Diplomatic History*. 33(4). P. 671 – 687.

Schlesinger A.M. 2007. *Journals 1952–2000*. Ed. by Andrew Schlesinger and Stephen Schlesinger. New York: The Penguin Press. 892 p.

Turner S. 1985. *Secrecy and Democracy. The CIA in Transition*. Boston: Houghton Mifflin Company. 306 p.

Vaisse J. 2018. *Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist*. Translated by C. Porter. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press. 506 p.

Vance S. 1983. *Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy*. New York: Simon & Schuster. 541 p.

Vaughan P. 2009. Zbigniew Brzezinski and Afghanistan. *The Policy Makers. Shaping American Foreign Policy from 1947 to the Present*. Ed. by Kasten Nelson. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 192 p.

Whetten L. 1982. *New International Communism. The Foreign and Defense Policies of the Latin European Communist Parties*. Lexington, Massachusetts: Lexington Books. 263 p.

Arunova M.R. 2000. *Afganskaya politika SSHA v 1945-1999 gg.* [U.S. Policy in Afghanistan, 1945-1999] Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 127 p. (In Russian).

Brezhnev L.I. 2016. Rabochie i dnevnikovye zapisi. V 3-h tomah. Tom 1. *Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1964 – 1982 gg.* [Working and Diary Notes. In 3 volumes. Volume 1. Leonid Brezhnev. Working and Diary Notes. 1964–1982]. Moscow: Istoricheskaya literatura. 1264 p. (In Russian).

Brezhnev L.I. 2016. Rabochie i dnevnikovye zapisi. V 3-h tomah. Tom 2. *Zapisi sekretarej Priemnoj L.I. Brezhneva. 1965 – 1982 gg.* [Working and Diary Notes. In 3 volumes. Volume 2. Notes of the Secretaries of the Reception Room of Leonid Brezhnev. 1965–1982]. Moscow: Istoricheskaya literatura. 1232 p. (In Russian).

Brezhnev L.I. 1981. *Leninskim kursom. Rechi, privetstviya, stat'i*. Tom 8. [Lenin's Course. Speeches, Greetings, Articles. Volume 8]. Moscow: Politizdat. 800 p. (In Russian).

Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SSHA v 1979 g. [Afghanistan in Soviet and U.S. Politics in 1979]. *Voprosy istorii*. № 10. P. 106-125. (In Russian).

Gordievskij O. 2000. *Tajny sovetskoj diplomatii*. [Secrets of Soviet Diplomacy]. Moscow: VAGRIUS. 335 p. (In Russian).

Dobrynin A.F. 1997. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SSHA (1962 – 1986 gg.)* [Purely in Confidence. Ambassador to Washington under six U.S. presidents (1962-1986)]. Moscow: Avtor. 688 p. (In Russian).

Drozov Y.I. 2016. *Vymysel isklyuchen. Zapiski nachal'nika nelegal'noj razvedki*. I i II ch. [Fiction excluded. Notes of the Head of the Illegal Intelligence Service. I and II part.]. Moscow: Izdatel'stvo OOO «Artstil'-poligrafiya". 608 p. (In Russian).

Zubok V.M. 2011. *Neudavshayasya imperiya: Sovetskij Soyuz v holodnoj vojne ot Stalina do Gorbacheva*. [Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina». 671 p. (In Russian).

- Korgun V.G. 2004. *Istoriya Afganistana. XX vek*. [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN: Kraft+. 528 p. (In Russian).
- Krajl Dzh. 2008. *Vojna Charli Uilsona*. [Charlie Wilson's War]. Moscow: Sovershenno Sekretno. 448 s. (In Russian).
- Rabush T.V. 2017. Okazanie administraciej SSHA nepryamoj voennoj podderzhki afganskim modzhahedam v 1980-e gg. [The U.S. Administration's Indirect Military Support of the Afghan Mujahedin in the 1980s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: istoriya, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(1). P. 77-87. (In Russian).
- Rubbi A. 1995. *Mir Berlinguera. Predislovie M.S. Gorbacheva*. [Berlinguer's World. Foreword by M.S. Gorbachev]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya». 350 p. (In Russian).
- Slinkin M.F. 1999. *Narodno-demokraticeskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki-Amina (1978–1979 gg.)* [The People's Democratic Party of Afghanistan in power. The Time of Taraki-Amin (1978–1979)]. Simferopol': Simferopol'skij gosudarstvennyj universitet. 359 p. (In Russian).
- Spol'nikov V.N. 1990. *Afganistan. Islamskaya oppoziciya: Istoki i celi*. [Afghanistan. Islamic Opposition: Origins and Goals]. Moscow: «Nauka». 191 p. (In Russian).
- Khristoforov V.S. 2016. *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979-1989 gg.* [Afghanistan: The Military and Political Presence of the USSR 1979-1989]. Moscow: Institut Rossijskoj istorii RAN. 544 p. (In Russian).

Список литературы на итальянском языке:

- Pons S. 2006. *Berlinguer e la fine del comunismo*. Turin: Giulio Einaudi Editore. xxiv+265 p. (In Italian).
- Portolani R.D. 2013/14 *Stati Uniti e L'Eurocomunismo, 1976-1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". 411 p. (In Italian).

Список литературы на русском языке:

- Арунова М.Р. 2000. *Афганская политика США в 1945-1999 гг.* Москва: Институт востоковедения РАН. 127 с.
- Брежнев Л.И. 2016. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 1. *Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг.* Москва: Историческая литература. 1264 с.
- Брежнев Л.И. 2016. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 2. *Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг.* Москва: Историческая литература. 1232 с.
- Брежнев Л.И. 1981. *Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи*. Том 8. Москва, Политиздат. 800 с.
- Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. *Вопросы истории*. №10. С. 106-125.
- Гордиевский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. Москва: ВАГРИУС. 335 с.

Добрынин А.Ф. 1997. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. Москва: Автор. 688 с.

Дроздов Ю.И. 2016. *Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. I и II ч.* Москва: Издательство ООО «Артстиль-полиграфия». 608 с.

Зубок В.М. 2011. *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 671 с.

Коргун В.Г. 2004. *История Афганистана. XX век*. Москва: Институт востоковедения РАН: Крафт+. 528 р.

Крайл Дж. 2008. *Война Чарли Уилсона*. Москва: Совершенно Секретно. 448 с.

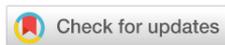
Рабуш Т.В. 2017. Оказание администрацией США не прямой военной поддержки афганским моджахедам в 1980-е гг. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: история, регионоведение, международные отношения*. Том 22(1). С. 77-87.

Рубби А. 1995. *Мир Берлингуэра. Предисловие М.С. Горбачёва*. Москва: «Международные отношения». 350 с.

Слинкин М.Ф. 1999. *Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.)*. Симферополь: Симферопольский государственный университет. 359 с.

Спольников В.Н. 1990. *Афганистан. Исламская оппозиция: Истоки и цели*. Москва: «Наука». 191 с.

Христофоров В.С. 2016. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* Москва: Институт российской истории РАН. 544 с.

«Основатель и отец своей империи»: Вольтер о Ништадтском мире и имперском статусе России

С.А. Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Цель статьи – выявление особенностей взглядов Вольтера на последний этап Северной войны, завершившийся Ништадтским миром, а также демонстрация специфики оценки великим просветителем Российской империи и её исторической роли. Автор выясняет, почему Вольтер, осуждавший увлечение историей королей и войн, в двух своих трудах – «Истории Карла XII» и «Истории Российской империи при Петре Великом» – уделил большое внимание Северной войне и участию в ней Петра I.

С точки зрения современных методов историографического анализа рассматриваются причины интереса французского историка к названной теме, «философская» основа его взглядов на войну и цивилизацию, особенности подачи исторического материала.

В статье показано изменение позиции Вольтера в трактовке военно-дипломатических сюжетов, затронутых сначала в истории Карла XII, а затем в истории Петра I. В центре внимания находится вопрос, который до наших дней остаётся дискуссионным: о причастности Петра I к заговору Гёрца–Альберони, нацеленному на полное изменение политического облика Европы. В конечном счёте историк XVIII в. пришёл к заключению, что царь использовал планы Гёрца как тактическое средство для решения собственных внешнеполитических задач. Эту точку зрения разделяют и многие современные историки.

Прямым следствием победоносного завершения Северной войны было провозглашение Петра I императором. Выяснено, что Вольтер нарисовал более оптимистическую картину признания императорского титула за русским царём, чем это было на самом деле. Особенность Российской империи, созданной Петром I, по мнению Вольтера, состояла в том, что это империя цивилизующаяся и распространяющая просвещение на соседние «варварские» народы.

Рассмотрение конкретных сюжетов приводит автора статьи к заключению, что большой выбор источников, умение критически оценить их, стремление сохранить известную независимость оценок при описании событий с разных сторон, приверженность исторической правде и талант писателя обеспечили трудам Вольтера высокую для своего времени степень достоверности и позволили им занять достойное место в мировой историографии петровской эпохи.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 03.05.2022

Принята к публикации: 12.08.2022

Проделанная работа направлена на осуществление проекта, целью которого является первое полное научное издание «Истории Российской империи при Петре Великом» на русском языке.

Ключевые слова: Вольтер, Пётр I, Г.Г. Герц, дипломатия Северной войны, Ништадтский мир, Российская империя, история России

«История Российской империи при Петре Великом» Вольтера – один из знаковых трудов просветительской историографии, воплотивший в себе представление о том, кто должен быть героем исторического сочинения и как должна писаться история. Это одна из первых и самая известная в XVIII в. биография Петра I. В ней царь представлен как «творец новой нации», «основатель и отец своей империи», герой века Просвещения, но отнюдь не в качестве идеала просвещённого монарха, ибо в глазах Вольтера он был деспотом, а понятие «просвещённый деспот» (*despote éclairé*) было неприемлемо для философа.

Написанная по заказу русского правительства в 1757–1763 гг. «История Российской империи» Вольтера выходила в XVIII в. на многих европейских языках 42 раза (Voltaire 1999: 349, 372)¹, получила мировую известность, но не была издана в России до начала XIX в. Её единственная публикация на русском языке, осуществлённая в 1809 г., не была полной и давно устарела. Сегодня имеется образцовое издание «Истории» на языке оригинала в составе оксфордского Полного собрания сочинений Вольтера, подготовленное Мишелем Мерво и вышедшее в 1999 г. В настоящее время мною в сотрудничестве с М.В. Ковалёвым и А.Е. Кулаковым готовится полный перевод и научное издание вольтеровской «Истории» на русском языке. Работа над её текстом убеждает в том, что Вольтер отводил в ней существенное место военно-дипломатическим сюжетам.

Тема войны в трудах Вольтера

Как известно, просветитель осуждал увлечение историков описанием жизни монархов и бесчисленных битв². Историю королей и войн он предлагал заменить историей народов и нравов, что попытался осуществить в многотомном «Опыте о нравах и духе народов». Однако сам он написал ряд историй монархов, причём в двух из них, посвящённых Карлу XII и Петру I, находят широкое освещение события Северной войны. Свой выбор Вольтер оправдывал тем, что

¹ Voltaire. *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Т. 46–47 (далее – V 46–47). P. 349–372.

² См.: Voltaire. *Histoire de Charles XII*. Éd. critique par G. von Proschwitz. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1996. Т. 4 (далее – V 4). P. 151–155.

биографии этих государей поучительны: история Карла должна излечить монархов от «безумия завоеваний», а история Петра даёт пример царя-созидателя, умевшего быть «основателем и творцом посреди самых трудных войн».

Таким образом, тема войны привлекала Вольтера, но он никогда не восхищался этим неизбежным злом человеческой истории; об этом особенно ярко свидетельствуют антивоенные строки повести «Кандид», написанные в то время, когда автор трудился над историей Петра I. Философ утверждал, что две сотни батальев, произошедших в Европе за первую половину XVIII в., потребовали огромных средств и жертв, но за исключением Полтавской битвы никому не принесли пользы³. Война – «дьявольское предприятие, заставляющее сомневаться в добродетельности человеческой природы», но великие правления всегда окружены ореолом военной славы⁴. И правление Петра I, который вёл четыре войны – не исключение. В истории Петра I автору приходилось описывать события Северной войны во второй раз, уже с русской стороны. Подчас это приводило к изменению оценок «в нашу пользу» (Мезин 1999: 107–109).

Пётр отнюдь не предстаёт в «Истории» мирным монархом, которого принуждают воевать его агрессивные соседи. Вольтер не скрывал стремления Петра к завоеваниям: континентальная страна нуждалась в выходе к морю. При этом царь характеризовался как осторожный политик, не лишённый военных амбиций, но воюющий не ради личной славы, а ради блага своей страны и цивилизации своего народа.

Вольтер остался верен себе в том, что не останавливался подробно на деталях битв и осад городов. «Не думаю, – писал он И.И. Шувалову 7 августа 1757 г., – что надо распространяться о подробностях войн, если только эти подробности не служат для характеристики чего-нибудь великого и полезного»⁵. Победы Вольтер описывал без всякой бравурности и блеска, уделяя главное внимание подробному анализу их последствий, а также интригам кабинетной дипломатии⁶. Пётр, в изображении Вольтера, проявляет воинственность и упорство в войне, но умеет использовать благоприятную конъюнктуру в своих интересах. Результаты противостояния России со Швецией были достигнуты не только военной силой, но и активной и осмотрительной дипломатией, что и привело к замечательному Ништадтскому миру.

Собственно Ништадтскому миру в «Истории Российской империи» посвящено два абзаца. Для Вольтера мирный договор 1721 г. – это логическое завер-

³ V 46. P. 688.

⁴ *Dictionnaire général de Voltaire*. 2003. Sous la direction R. Trousson et J. Vercruysee. Paris. P. 559–560.

⁵ Voltaire. *Correspondence and related documents*. Definitive edition by Theodore Besterman. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford: Voltaire Foundation, 1968–1977. T. 85–135 (далее – Best. D с указанием номера), №7336. Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

⁶ Трудно согласиться с утверждением Т.Н. Гончаровой, что «дипломатия периода Северной войны не получила достаточного освещения на страницах книг Вольтера, так как автор слишком поглощён описанием битв» (Гончарова 2007: 46).

шение последнего этапа Северной войны, начавшегося в 1716 г. после несостоявшегося десанта союзников в южную Швецию (Сконе) и фактического распада Северного союза. Автор внимательно вникал в суть военно-дипломатических комбинаций, которые в конечном счёте привели к заключению мира. Проследим за мыслью великого писателя и историка.

«История Карла XII»: «непрямые пути» Петра I к миру

Впервые этих сюжетов Вольтер коснулся в «Истории Карла XII», где Северная война была лейтмотивом, но её описание обрывалось со смертью главного героя в конце 1718 г. На заключительном этапе войны, по словам автора, «весь блеск и счастье Карла перешли к царю: и он употребил их с большей пользой, чем его соперник, так как все свои успехи он обращал на благо своей страны... Его владения обогащались его победами, потому из всех завоевателей он более всего заслуживает снисхождения»⁷. Новый авантюрный поход Карла в Норвегию, казалось, открывал возможность его врагам совершить успешный десант в Швецию. Однако на удивление всей Европы «царь пребывал в бездействии и не сделал высадки в Швецию, как это было им условлено с союзниками»⁸. Как видим, автор возлагал на Петра ответственность за срыв десанта, что не бесспорно (Баггер 2017: 78), а в качестве причины такого поведения называл план Гёрца, ставшего к этому времени любимцем Карла XII.

Барон Георг Генрих фон Гёрц (Georg Heinrich von Görtz, baron von Schlitz, 1668–1719), сделавший карьеру при Голштинском дворе, в 1715 г. поступил на службу к Карлу XII и оказывал на него большое влияние. Вольтер называл его первым министром короля, но он таковым официально не был, хотя определял внутреннюю и внешнюю политику Швеции в последние годы правления Карла.

Вольтер в молодости был лично знаком с Гёрцем, и его характеристика этого авантюриста отнюдь не однозначна: барон наделён недоужинными талантами, изворотлив и смел, находчив, деятелен, а его план «по своей широте и ... по трудности исполнения едва ли когда-либо зарождался в человеческом воображении»⁹. Позже, в «Истории» Петра, Вольтер поставил его в один ряд с величайшими политиками Европы: «Мы видели, как такие первые министры великих держав, как Оксеншерна, Ришелье, Альберони приводили в движение часть Европы, но то, что тайный советник епископа из Любека сделал столько же, не будучи никем признанным, – вещь неслыханная»¹⁰.

Гёрц ясно видел, утверждал Вольтер, что между царём и союзниками зреет конфликт, основой которого было стремление царя приобрести владение в

⁷ V 4. P. 499.

⁸ Ibid. P. 516.

⁹ Ibid.

¹⁰ V 47. P. 711.

Германии, где «этот монарх, ставший теперь весьма опасным, только и хотел утвердиться». План Гёрца состоял в том, чтобы «купить мир у русского царя какой бы то ни было ценой» и, объединив силы Петра и Карла, заставить дрожать остальную Европу¹¹. Частью этого плана было свержение с английского трона Георга I, курфюрста Ганноверского, в пользу Якова III Стюарта. Вольтер полагал, что Гёрц, действовавший через царского врача Роберта Арескина, добился одобрения Петром этого плана. По мнению голштинского дипломата Г.Ф. Басевича, русский царь был осведомлён о планах Гёрца ещё до своего отъезда в Европу в начале 1716 г. (Записки о России 1886: 56, 62). Современный исследователь указывает, что барон вступил в тайные переговоры о мире с русским двором в октябре 1716 г. (Стерликова 2007: 67).

В «Истории Карла XII» автор ошибочно утверждал, что Гёрц дважды виделся в Гааге с Петром и в начале 1717 г. и много успел достичь¹².

Когда англичане, обнаружив перепишку барона Гёрца со шведским послом в Лондоне, раскрыли эти планы, Пётр заявил английскому королю о своей непричастности к заговору. На самом деле он вскоре вновь встретился с Гёрцем, который «более чем когда-либо успел склонить его на свою сторону» и предложил срочно заключить мир со Швецией, обещая уступить ему Карелию, Ингерманландию и Ливонию и предлагая царю брак его дочери Анны с герцогом Голштинским. Следствием этой встречи было открытие переговоров между Россией и Швецией на одном из островов Аландского архипелага¹³.

По словам Вольтера, из позже опубликованных бумаг Гёрца стали известны предварительные условия договора: царь получает всю Ливонию и часть Ингерманландии и Карелии; русские войска помогают Станиславу Лещинскому восстановиться на польском престоле; царь предоставляет Карлу корабли для десантов в Англию и Ганновер, русские и шведы совместно действуют в Ганновере против английского короля и принуждают короля прусского вернуть часть владений герцогу Голштинскому¹⁴. Гибель Карла XII в Норвегии и казнь Гёрца в Стокгольме не позволили осуществить эти планы.

Примечательно, что Вольтер противопоставлял энтузиазм, с которым Пётр отнесся к проектам Гёрца, сдержанности «канцлера» А.И. Остермана¹⁵, стремившегося добиться более выгодных для России условий мира.

Как видим, в «Истории Карла XII» Вольтер последовательно проводил мысль о причастности Петра I к заговору Гёрца: царь, настроенный против своих союзников, искал пути к миру, но эти пути были далеко не прямыми.

¹¹ V 4. P. 519.

¹² Ibid. P. 525.

¹³ Ibid. P. 531.

¹⁴ Ibid. P. 535.

¹⁵ Вольтер называет Остермана канцлером, что неверно, но фактически он руководил переговорами с русской стороны, хотя формально руководителей было два – Остерман и Брюс.

Пётр I и план Гёрца в «Истории Российской империи»

В «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтеру пришлось освещать завершающий этап Северной войны, глядя на события с позиции России. Привело ли это к пересмотру фактов и оценок?

Явное охлаждение отношений между Петром I и его союзниками было, по словам Вольтера, «первым источником» плана Гёрца по заключению мира между царём и Карлом XII. Царь принимал аргументы Гёрца («le czar entrait dans ses vues»¹⁶), ибо для него политические выгоды были важнее войны. Однако, давая в следующей главе подробное описание планов Гёрца, который хотел «встрянуть Европу», сблизив Петра с Карлом и вступив в союз с фактическим правителем Испании кардиналом Альберони, сместить королей Англии и Польши, а также регента Франции, и перекроить Германскую империю, автор осторожнее утверждал, что царю «было известно о части дел Гёрца», и он «ждал их развития, не входя ни в один из его планов и не зная их всех»¹⁷. Вопреки своему прежнему утверждению в «Истории Карла XII», Вольтер уточнял, что в начале 1717 г. в Гааге царь не встречался с Гёрцем, не желая себя компрометировать, а царские министры встречались с уполномоченным шведского короля «тайно, с самыми большими предосторожностями, получив приказ выслушивать всё и вселять в него надежду, не беря никаких обязательств и не компрометируя царя»¹⁸.

На этот раз автор «Истории» стремится дистанцировать своего героя от авантюры, утверждая: «Посреди стольких тревог и распрей Пётр ни во что не вмешивался и всё время выжидал»¹⁹.

О заговоре Гёрца Вольтер повествует как очевидец: «Автор этой истории так хорошо знает об этих планах, поскольку Гёрц предложил ему сопровождать себя в путешествии, и, будучи совсем молодым в то время, он стал одним из первых свидетелей большей части этих интриг»²⁰. Вольтер не упоминает о встрече Петра с Гёрцем в августе 1717 г. в замке Лоо в Голландии (Вагеманс 2013: 185), он лишь отмечает, что барон открыто встретился тогда в Гааге с министрами царя и объявил им, что уполномочен заключить мир со Швецией, что открывало путь к мирным переговорам. В данном случае Вольтер очень осторожно характеризовал позицию Петра I как в отношении планов Гёрца, так и в отношении союзников: «Царь оставил Гёрца со всеми его затеями, не касаясь их. Он был готов заключить мир со шведским королём, но также проявлял готовность продолжать войну в союзе с Данией, Польшей, Пруссией и даже для видимости

¹⁶ V 47. P. 790.

¹⁷ Ibid. P. 798.

¹⁸ Ibid. P. 799.

¹⁹ Ibid. P. 803.

²⁰ Ibid. P. 797–798.

с ганноверским курфюрстом. Очевидно, что у него не было определённого плана, кроме того, чтобы действовать по обстоятельствам»²¹.

Пятнадцатая глава «Истории Российской империи» посвящена завершающим годам Северной войны, Аландским переговорам и Ништадтскому миру. Она открывается новым описанием планов Гёрца и Альберони, желавших изменить лицо Европы:

«Несомненно, что в 1717 г. кардинал Альберони, премьер-министр испанского короля Филиппа V, и барон Гёрц, овладевший умом Карла XII, хотели изменить облик Европы, объединив Петра с Карлом, свергнув английского короля Георга I, восстановив Станислава в качестве польского короля, в то время как Альберони предоставил бы своему повелителю Филиппу регентство Франции. Гёрц, как мы видели, поведал об этом самому царю. Альберони вступил в переговоры с послом царя в Гааге князем Куракиным при посредничестве испанского посла мантуанца Беретти-Ланди»²². На этот раз Вольтер словно забыл, что ранее он скрыл факт личной встречи царя с доверенным агентом Карла XII.

С планом Гёрца Вольтер связывает изменение военной тактики Петра: с 1716 г. царь вёл лишь «незначительные действия против Швеции, скорее для того, чтобы принудить её купить мир ценой уступки завоёванных им провинций, чем для завершения её разгрома»²³.

Вновь, как и в истории шведского короля, Вольтер утверждает, что открытие Аландского конгресса было результатом действий Гёрца, который и возглавил шведскую делегацию на конгрессе. Царь продолжал небольшие военные действия, чтобы принудить Швецию к миру и обеспечить более выгодные условия. Происходил обмен высокопоставленными пленниками. Автор ошибочно утверждает, будто шведы предложили царю приобрести Мекленбург²⁴, где уже находились русские войска. Предполагалось заключить не только мир, но и наступательный союз между Россией и Швецией, направленный в первую очередь против английского короля Георга, бывшего одновременно курфюрстом Ганноверским.

Далее Вольтер констатирует, что «пуля, случайно выпущенная с бастионов Фредрикстена в Норвегии, спутала все планы. Карл XII был убит, испанский флот разбит англичанами, зарождающийся во Франции заговор раскрыт и подавлен. Альберони изгнан из Испании, Гёрц обезглавлен в Стокгольме»²⁵.

²¹ V 47. P. 814.

²² Ibid. P. 902.

²³ Ibid. P. 903.

²⁴ На Аландском конгрессе обсуждалась возможность передачи Мекленбурга Швеции с компенсацией герцога Карла-Леопольда в другом месте (Фейгина 1959: 247).

²⁵ V 47. P. 906.

«Самый почётный и самый полезный мир»

Вольтер полагал, что в этой ужасной ситуации единственным, кто сохранил могущество, был царь. Он действовал осторожно, ничем себя не скомпрометировал и мог диктовать законы своим соседям. Новое шведское правительство пошло на союз с Англией и пригласило флот адмирала Норриса на Балтийское море для оказания давления на Петра I и достижения более выгодных условий мира на продолжавшемся Аландском конгрессе. Это силовое давление, однако, не принесло желаемых результатов. Русский флот смело действовал на Балтике, одержал победы у островов Эзель (1719) и Гренгам (1720), совершил ряд опустошительных десантов на территорию Швеции. Угрозы английского флота оказались несостоятельными: «Кажется, англичане делали слишком много, если они были лишь посредниками, и слишком мало, если они действовали как враги»²⁶. Эскалация военных действий привела к остановке переговоров. Но вскоре шведам пришлось просить перемирия и при посредничестве Франции начать переговоры в Ништадте. Мир был заключён по воле царя, «ему уступили навечно всё, что он завоевал», и он «остался признанным государем Ливонии, Эстонии, Ингрии, Карелии, Выборгской области и соседних островов, которые обеспечивали ему господство на море»²⁷. О выплате Швеции 2 миллионов рейхсталеров в качестве компенсации за потерянные территории Вольтер не упоминал.

Французский историк приводил строки из радостного письма Петра Брюсу и Остерману, написанного 10 сентября 1721 г. сразу после знакомства с текстом договора, подчеркнув мысль Петра о том, что трактат составлен ими так, словно он сам его писал: «Вы составили договор так, словно мы сами его писали и вас послали его подписать к шведам; это славное событие навсегда останется в нашей памяти»²⁸. Другие мысли царя, выраженные в этом письме, в частности, о Северной войне как о «троевременной жестокой школе», и о том, что никогда Россия такого полезного мира не получала (Соловьев 1993: 302), не привлекли внимания Вольтера. Знаменитый французский автор был первым западноевропейским историком Петра I, использовавшим оригинальные русские источники. Однако во французском пересказе письма царя теряли свою выразительность и афористичность.

Таким образом, в «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер не отказался от идеи, что исходной точкой мирных переговоров были планы Гёрца. Однако историк показал, что здравый смысл русского монарха, его осторожность, стремление дистанцироваться от заговора и в то же время умение пользоваться обстоятельствами привели к тому, что Пётр I стал арбитром

²⁶ Ibid. P. 909.

²⁷ Ibid. P. 910.

²⁸ Ibid. P. 911.

Севера, диктующим законы своим соседям. Талантливые авантюристы Гёрц и Альберони могли строить головокружительные планы и развивать невероятную активность, но они действовали в собственных интересах и зависели от случая, царь же всегда думал о пользе своего отечества, действовал обдуманно, исходя из реальной ситуации. Этим он отличался и от Карла, которому нужен был блеск военных побед. Благодаря Петру Россия превратилась в важный фактор политического равновесия в Европе, которое Вольтер считал желанной нормой европейской политической жизни.

Значение Ништадтского мира виделось Вольтеру в том, что, успешно решив внешнеполитические проблемы, царь мог целиком посвятить себя «преобразованиям своей империи, уже так хорошо начатым, и в мирных условиях привести к процветанию искусства и коммерцию, введённые с большим трудом его заботами»²⁹. Автор подчёркивал, что население более всего радовалось именно окончанию войны и объявленным по этому поводу амнистии и прощению недоимок.

Война, империя, цивилизация

Прямым следствием победоносного завершения Северной войны было провозглашение Петра I императором. Во время празднеств по поводу мира «Сенат и Синод присвоили Петру титулы *Великого, Императора и Отца отечества*. Канцлер Головкин произнёс речь в кафедральной церкви от имени всех сословий государства. Сенаторы затем прокричали три раза “*Да здравствует наш Император, Отец наш*”, и эти восклицания были повторены народом»³⁰.

Следующая фраза Вольтера как будто говорит о немедленном признании императорского титула Петра европейскими дипломатами: «В тот же день его поздравили послы Франции, Германии, Польши, Дании, Голландии, именуя его титулами, которые ему только что преподнесли, и признавая императором того, кого уже публично называли в Голландии этим титулом после Полтавы»³¹. Действительно, этот титул с молодых лет применяли к Петру I в европейских печатных изданиях и в неофициальном общении. Это было настолько распространено, что во время визита Петра I во Францию в 1717 г. Министерство иностранных дел Франции распространило специальную записку, в которой подданным короля запрещалось называть русского гостя «Императорским Величеством» (Мезин 2017: 105). Далее Вольтер уточнял, что придворные канцелярии, для которых этикет был важнее славы, не сразу ввели в употребление этот почётный титул, но вскоре «Пётр был признан императором всей Европой за исключением Польши, всегда раздираемой распрями, и папы, одобрение

²⁹ V 47. P. 911.

³⁰ Ibid. P. 911–912.

³¹ Ibid. P. 912.

которого стало совершенно бесполезным с тех пор, как Римский двор потерял доверие по мере просвещения народов»³². Вольтер нарисовал более оптимистическую картину признания императорского титула за русским царём, чем это было на самом деле. Как известно, при жизни Петра I его новый титул был признан лишь Пруссией, Голландией и Швецией. Позже этот шаг в отношении российских монархов сделали Дания (1732), Великобритания (1742) и Священная Римская империя (1742). Вольтеру было хорошо известно, что в 1745 г. Франция признала императорский титул Елизаветы Петровны, но он не мог знать, что французский двор отказывался признавать императорский титул за Екатериной II в начале её правления (Черкасов 1995: 291, 302). Даже петербургские академики, нещадно критиковавшие Вольтера за малейшее посягательство на политический престиж России и её монархов, на сей раз вынуждены были уточнить, что императорский титул был признан всеми державами только в царствование Елизаветы Петровны (Шмурло 1929: 469).

Вольтер не раз повторял, что положительный смысл завоеваний и побед Петра I состоял, прежде всего, в том, что они давали возможность цивилизовать самую большую в мире страну. Таким образом, как заметил Джон Иверсон, Вольтер «придаёт смысл насилию; он включает войну и кровь в историю прогресса цивилизации» (Iverson 1997: 1421). «Чем более я вижу сегодня опустошающие военные кампании, обезлюдившие области, граждан, сделавшихся несчастными из-за войны, которую можно было избежать, тем более я люблюсь человеком, который даже посреди войны был основателем и законодателем и который заключил самый почётный и самый полезный мир»³³, – писал историк И.И. Шувалову 19 сентября 1761 г.

Единственная империя, признанная в Европе на начало XVIII в. – это Священная Римская империя германской нации, основанная на римской традиции. Титул императора, по словам Вольтера, «присуждается по обычаю германскому императору как королю римлян»³⁴. У Российской империи, созданной Петром I, другой исток и особый статус. Она родилась из завоеваний, но её смысл и оправдание, по логике Вольтера, в том, что это империя, цивилизующаяся и распространяющая просвещение.

Заявлявший о своей приверженности к миру и созиданию, Вольтер не высказывал сомнения в необходимости и целесообразности такой имперской акции царя, как Персидский поход 1722–1723 гг. По словам историка, Пётр при этом думал об изучении и освоении берегов Каспийского моря, об обогащении своей страны за счёт перенаправления персидской и индийской торговли. В описании Персидского похода Вольтер сравнивал Петра с Александром Маке-

³² Ibid.

³³ Best. D 10031.

³⁴ V 47. P. 912.

донским. Просветитель при этом делал акцент не на завоевательной, а на созидательной деятельности монархов, наводивших экономические и культурные мосты между Западом и Востоком: «Вот почему я бы осмелился сравнить Петра Великого с Александром, ибо он был так же активен, так же любил полезные искусства, более прилежный к законодательству, он, как и тот, хотел переменить мировую торговлю и подобно Александру построил или обновил столько же городов»³⁵. Таким образом, России отводилась цивилизующая роль в отношении вновь завоёванных юго-восточных земель и живших там кочевых народов, а также в отношении народов Сибири.

В качестве особенностей Российской империи Вольтер неоднократно отмечал её громадную территорию и быстроту её преобразования. Он был буквально загипнотизирован громадными размерами страны и часто упоминал «империю протяжённостью 2 тысячи льё, о которой едва было слышно пятьдесят лет назад»³⁶. «Пётр I правил до своей смерти огромной территорией от берегов Балтийского моря до южных берегов моря Каспийского»³⁷. Вольтер вывел своеобразную «формулу России»: «Русские явились поздно и, вводя у себя вполне усовершенствованные искусства, они достигли бóльших успехов за пятьдесят лет, чем другая нация могла достичь сама по себе за пятьсот лет»³⁸. Впрочем, просветитель не был первым, кто писал, что Россия при Петре продвинулась на пятьсот лет³⁹.

Благожелательный тон Вольтера, подчас переходивший в откровенную лесть в адрес российских монархов и вельмож, не исключал трезвого взгляда на реальное положение дел в России, на трудности и недостатки её цивилизации. Одно из препятствий в этом деле виделось Вольтеру в многообразии населявших её народов, стоящих на разных уровнях культуры: «Когда народы так смешиваются, требуется много времени, чтобы их цивилизовать, и даже, чтобы сформировался их язык: одни просвещаются быстрее, другие позже. Просвещение и искусства водворяются так трудно, перевороты так часто разрушают начатое здание»⁴⁰. Другая трудность крылась, по его мнению, в культурной неоднородности общества, лишь верхний слой которого воспринял блага европейской цивилизации. Наконец, Вольтер считал, что огромная территория при низкой плотности населения также осложняет ход прогресса: «Чтобы сделать Россию такой же населённой, обильной, покрытой городами, как наши полу-

³⁵ Ibid. P. 923–924.

³⁶ Best. D 7349, 7412, 8363, 8898, 9717 и др.

³⁷ V 47. P. 928.

³⁸ V 46. P. 480.

³⁹ Возможно, слова Вольтера были вдохновлены высказыванием хорошо известного ему Дж. Перри: «Царь старался показать народу, что все изменения русских обычаев и преобразования должны действительно принести со временем пользу, и что когда это делается вдруг, то это несколько не вреднее того, когда оно совершается в течение 500 лет» (Перри 1870: 153–154).

⁴⁰ V 46. P. 479.

денные земли, потребуются ещё целые века и такие же государи, как Пётр Великий»⁴¹. В этих словах выразился скепсис просветителя в оценке уровня цивилизации современной ему России.

**«Достоверные документы... только на их основании
была создана эта книга»**

Имеющиеся в моём распоряжении материалы проливают свет на некоторые аспекты работы Вольтера с источниками. Военно-дипломатическая история Северной войны была широко представлена в современной ей европейской прессе и в появившихся затем компилятивных трудах и сборниках. Французский историк пользовался материалами 12-томного сборника Гийома де Ламберти «Записки, служащие для истории XVIII века» (Амстердам, 1724–1734, т. 1–12)⁴². Этого швейцарского автора, дипломата, шпиона и журналиста Вольтер характеризовал как самого беспристрастного и точного, «который ограничивался сообщением оригинальных и подлинных документов, касающихся европейских дел»⁴³. Пожалуй, ещё чаще Вольтер черпал материал из четырёхтомных «Записок о царствовании Петра Великого» Жана Руссе де Мисси (псевдоним Иван Нестесураной)⁴⁴, в которых представлены документы об отношениях Петра I с союзниками, о планах Гёрца и Аландском конгрессе, о заключении мира. Однако великий француз не уставал третировать этого автора первой посмертной биографии Петра I как литературного мошенника и продажного писателя⁴⁵.

Вольтер высоко ценил и часто использовал записки голштинского дипломата и государственного деятеля графа Геннинга Фридриха Бассевича, рукопись которых ему удалось получить во время работы над историей Петра I⁴⁶. Рассмотренные выше дипломатические сюжеты были изложены Вольтером под заметным влиянием мемуаров Бассевича, одним из главных героев которых выступает «хитрый» барон Гёрц. Историк повторил ошибочное утверждение голштинского министра о том, будто во время Аландских переговоров шведы предложили царю оставить за собой Мекленбург (Записки о России 1886: 72).

Однако знаменитый историк сознавал, что история Петра I должна быть основана на оригинальных русских источниках и поторопился заявить в начале «Истории Российской империи при Петре Великом», что она написана только (!) на этих источниках. Среди рукописей библиотеки Вольтера имеется два ману-

⁴¹ V 46. P. 419.

⁴² Библиотека Вольтера. Каталог книг. 1961. Москва; Ленинград. С. 506. №1889.

⁴³ V 47. P. 854–855.

⁴⁴ Nestesuranoi I. 1725–1726. *Mémoires de règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie*. Amsterdam; La Haye. Т. 1–4.

⁴⁵ V 46. P. 386–387.

⁴⁶ Российская национальная библиотека. Библиотека Вольтера (далее – РНБ ВВ) 5–242. Т. 3. Л. 1–102.

скрипта, которые были присланы из Петербурга и имели прямое отношение к дипломатическим сюжетам последнего периода Северной войны. В «Сборнике разных анекдотов и мелочей» содержится записка «Об Аландском конгрессе в 1718 году» с продолжением «Год 1719»⁴⁷. Это своеобразный дневник работы конгресса. Главная идея, которая здесь проводится: шведская сторона сознательно затягивала переговоры, чтобы выиграть время, помешать России вести военные действия, поссорить её с союзниками, вовлечь Россию в выгодные Швеции совместные действия⁴⁸. В 1719 г. шведы выказывали ещё меньше стремления к заключению мира, предлагали лишь обмен пленными, тянули время и пытались поссорить Россию с Пруссией⁴⁹, что завело переговоры в тупик.

Рукописные «Анекдоты о переговорах между Российским и Испанским двором с 1718 года по 1720»⁵⁰ повествуют о том, как испанский посол в Гааге Л.В. Беретти-Ланди вступил в переговоры о возможном союзе с российским послом князем Б.И. Куракиным.

Сравнение рукописных текстов с соответствующим разделом вольтеровского труда приводит к выводу о том, что содержащиеся в них подробности и идеи никак не отразились на содержании «Истории Российской империи при Петре Великом». Вероятно, детали дипломатической «кухни» показались автору «Истории» слишком незначительными, а обвинения в адрес шведов – слишком тенденциозными.

* * *

Как видим, повествуя о завершающем этапе Северной войны, Ништадтском мире и рождении Российской империи, Вольтер уделял большое внимание вопросу о вовлечённости Петра I в заговор Гёрца. В «Истории Карла XII» автор недвусмысленно заявлял о причастности царя к планам Гёрца – Альберони. Ряд прямых и косвенных фактов (конфликт Петра I с союзниками, европейские слухи о готовящихся совместных действиях России и Швеции в пользу претендента на английский престол Якова Стюарта, встречи Петра и его дипломатов с якобитами, оживившиеся дипломатические контакты с Испанией, наконец, особая роль Гёрца в Аландском конгрессе) давали Вольтеру некоторые основания для подобных заявлений.

В «Истории Российской империи при Петре Великом» позиция Вольтера в этом вопросе смягчилась. Он уже не утверждал, что русский царь знал и был готов поддержать все политические проекты Гёрца. Пётр лишь воспользовался ими для скорейшего заключения выгодного мира со Швецией.

⁴⁷ РНБ БВ 5–242. Т. 2. Л. 73–76, 76–78 об.

⁴⁸ Там же. Л. 75 об.

⁴⁹ Там же. Л. 77.

⁵⁰ РНБ БВ 5–242. Т. 1. Л. 269–274 об.

Впоследствии эту позицию разделяли многие отечественные историки. Правда, историк XVIII в. И.И. Голиков, будучи горячим апологетом Петра I, категорически отрицал причастность царя к «химерическим предприятиям Герцовым» (Голиков 1794: 258). Однако привлечение новых архивных материалов не оставило сомнений в том, что Пётр был с Гёрцем «в конфиденции», и у царя были широкие внешнеполитические планы, в которые входило сближение с Испанией, создание антианглийского союза и контакты с якобинскими кругами. Основные факты такого рода были представлены уже в «Истории» С.М. Соловьёва (Соловьёв 1993: 76, 189, 268). При этом вопрос о том, как далеко готов был пойти царь в следовании плану переустройства европейской политической системы, остаётся открытым. Исследователи расходятся в его решении (Фейгина 1959: 60–61), так как все переговоры велись в «высшем секрете», и состояние источников не даёт возможности решить вопрос однозначно. Современные историки близки к вольтеровскому заключению о том, что царь использовал планы Гёрца как тактическое средство для решения собственных внешнеполитических задач.

В итоге остаётся констатировать, что большой выбор источников, умение критически оценить их, стремление сохранить известную независимость оценок при описании событий с разных сторон, приверженность исторической правде и писательский талант обеспечили трудам Вольтера высокую для его времени степень достоверности и позволили им занять достойное место в огромной мировой историографии петровской эпохи.

Об авторе:

Сергей Алексеевич Мезин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета; 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83. E-mail: mezinsa@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-09-42006).

UDC: 327
Received: May 03, 2022
Accepted: August 12, 2022

"The Founder and Father of his Empire": Voltaire on the Peace of Nystad and the Imperial Status of Russia

S.A. Mezin
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-43-59](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-43-59)

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky

Abstract: The purpose of the paper is revealing the peculiarities of Voltaire's views on the last stage of the Northern War, ended by the Treaty of Nystad, as well as presenting the specific character of the great enlightener's evaluation of the Russian empire and its historical role. The author finds out, why Voltaire, condemning fascination with the history of wars and kings, in his two works: «The History of Charles XII» and «The History of the Russian Empire under Peter the Great» paid great attention to the Northern War and Peter I's participation in it.

The reasons of the French historian interest to the named subject are viewed in terms of the modern methods of historical analysis, «philosophical» basis of his views on war and civilization, features of historical presentation.

The paper shows Voltaire's change in attitude on interpretation of the military historical subjects, first covered in «The History of Charles XII» and then in «The History of the Russian Empire under Peter the Great». The focus of the paper is on the up to the present-day controversial issue, whether Peter I was involved in Gorth–Alberoni conspiracy, aimed at the complete political change in the appearance of Europe. The 18th century historian ultimately came to the conclusion that the Tsar had made use of Gorth's plans as a tactic means for solving his own foreign policy problems. This point of view is shared by many contemporary historians. Peter I's declaring Emperor was the direct consequence of victorious end of the Northern War. It was found that Voltaire drew a more optimistic picture of Peter I's imperial title recognition, than it actually was. According to Voltaire, the specific feature of the Russian Empire, created by Peter I, lies in the fact that it was a self-civilizing empire, bringing enlightenment on the neighboring «barbaric» peoples.

The author of the paper, reviewing specific cases, arrives at a conclusion, that Voltaire's works of high confidence for their time took a worthy standing in the world historiography of the Petrine era, due to a wide range of sources, the historian's ability for their critical assessment, his seeking to maintain a certain evaluation independence in the description of events from different perspectives, his commitment to historical truth, his talent of a writer.

The work is carried out within the project, aimed at publishing a first complete scientific edition of «The History of the Russian Empire under Peter the Great» in Russian.

Keywords: Voltaire, Peter I, G. H. von Görtz, the diplomacy of the Northern War, the Peace of Nystad, the Russian Empire, the history of Russia

About the author:

Sergey A. Mezin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History and Archeology of the Saratov National Research State University; 410012, Saratov, Astrakhan-skaya str., 83. E-mail: mezinisa@mail.ru

Conflict of Interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant № 20-09-42006).

References:

Iverson J.R. 1997. *La guerre, le grand homme et l'histoire selon Voltaire: le cas de l'Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*. Voltaire et ses combats. Actes du congrès international. Oxford – Paris, 1994. Sous la direction de U. Kölving et Ch. Mervaud, Oxford: Voltaire Foundation. P. 1413–1422. (In French)

Nesteurano I. 1725–1726. *Memoires de règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie*. Amsterdam; La Haye. T. 1–4. (In French)

Bagger H. 2017. *Pyotr Velikij v Danii v 1716 godu: Perelomnyj moment datsko-rossijskih otnoshenij*. [Peter the Great in Denmark in 1716: A Turning Point in Danish-Russian Relations]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 188 p. (In Russian).

Cherkasov P.P. 1995. *Dvuglavyy orel i korolevskie lilii. Stanovlenie russko-francuzskih otnoshenij v XVIII veke. 1700–1775*. [Double-headed Eagle and Royal Lilies. The Formation of Russian-French Relations in the 18th Century. 1700–1775]. Moscow: Nauka. 439 p.

Fejgina S.A. 1959. *Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny*. [The Aland Congress. Russian Foreign Policy at the End of the Northern War]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 547 p. (In Russian).

Golikov I.I. 1794. *Dopolnenie k Deianiiam Petra Velikogo*. [Supplement to the Acts of Peter the Great] Vol. 11. Moskva: Univ. Tip. u V. Okorokova. 508 p. (In Russian).

Goncharova T.N. 2007. *Vol'ter – istorik Severnoj vojny [Voltaire – Historian of the Northern War]. Severnaya vojna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoj chetverti XVIII v.: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. S.-Peterburg, dekabr' 2006 g.* Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. P. 35–50. (In Russian).

Mezin S.A. 2003. *Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I*. [A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. 233 p. (In Russian).

Mezin S.A. 2017. *Petr I vo Francii*. [Peter I in France]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 320 p. (In Russian).

Perry J. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem care 1870*. [The State of Russia under the Current Tsar]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostej rossijskih pri Mosk. un-te. 196 p. (In Russian).

Šmurlo E.F. 1929. *Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom*. [Voltaire and his Book about Peter the Great]. Praha: Orbis. 489 p.

Solov'ev S.M. 1993. *Sochineniya*. [Works]. V 18 kn. Kn. IX: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Vol. 17–18. Moscow: Mysl'. 671 p. (In Russian).

Sterlikova A. 2007. *Pozovite Gerca, staren'kogo Gerca... Pyotr i «yakovitskaya intriga» [Call Görtz, old Görtz... Peter and the "Yakovitskaya intrigue"]*. *Rodina*. №11. P. 66–68. (In Russian).

Waegemans E. 2013. *Car' v Respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy. (1716–1717)*. [The Tsar is in the Republic. The Second Journey of Peter the Great to the Netherlands. (1716–1717)]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 256 p. (In Russian).

Zapiski o Rossii pri Petre Velikom, izvlechennye iz bumag grafa Bassevicha 1866. [Notes on Russia under Peter the Great, Extracted from the Papers of Count Bassewitz]. Moscow: V tipografii Gracheva i K. 186 stb. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Баггер Х. 2017. *Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 188 с.

Вагеманс Э. 2013. *Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717)*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 256 с.

Голиков И.И. 1794. *Дополнение к Деяниям Петра Великого*. Т. 11. Москва: Унив. тип., у В. Окорокова. 508 с.

Гончарова Т.Н. 2007. Вольтер – историк Северной войны. *Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 35–50.

Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. 1866. Москва: В типографии Грачева и К. 186 стб.

Мезин С.А. 2003. *Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 233 с.

Мезин С.А. 2017. *Петр I во Франции*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 320 с.

Перри Д. *Состояние России при нынешнем царе*. 1870. Москва: Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те. 196 с.

Соловьев С.М. 1993. *Сочинения*. В 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. Т. 17–18. Москва: Мысль. 671 с.

Стерликова А. 2007. Позовите Герца, старенького Герца... Пётр и «яковитская интрига». *Родина*. №11. С. 66–68.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны*. Москва: Изд-во Академии наук СССР. 547 с.

Черкасов П.П. 1995. *Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775*. Москва: Наука. 439 с.

Шмурло Е.Ф. 1929. *Вольтер и его книга о Петре Великом*. Прага: Orbis. 489 с.

Губернская администрация и местное дворянство в Курляндии в середине XIX в.

Н.А. Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на примере конфликта курляндского губернатора П.А. Валуева с прибалтийским дворянством, случившегося в 1857 г., рассматривается правовое положение прибалтийского дворянства в Российской империи. Главным вопросом, рассматриваемым в работе, является проблема взаимоотношений имперского центра и национальных окраин в середине XIX в., в свою очередь, тесно связанная с итогами Северной войны (1700–1721), завершившейся для России победой над Швецией и присоединением входивших ранее в Шведское королевство Эстляндии и Лифляндии.

Местная аристократия получила от российской власти гарантии сохранения всех привилегий, что ставило её в несколько иное положение, нежели дворянство внутренних российских губерний. При Екатерине II, когда в состав России была включена Курляндия, эти привилегии были распространены и на курляндских баронов. В XIX в., при Николае I и Александре II, все «права и вольности» прибалтийских дворян также неизменно подтверждались. В итоге сложилась ситуация, при которой немецкие бароны считали себя связанными личными обязательствами с русским монархом. Такая ситуация, типичная для средневековой феодальной Европы, шла вразрез с российской вотчинной социально-политической моделью, что вызывало раздражение у российской элиты. Особое положение курляндского дворянства, в конечном счёте, привело к столкновению с губернатором П.А. Валуевым, который, действуя в рамках законодательства, старался установить в губернии общеимперские порядки. В столкновение оказались втянуты генерал-губернатор Прибалтийского края А.А. Суворов, министр внутренних дел С.С. Ланской и сам император Александр II. И хотя в конечном счёте позиция Валуева восторжествовала, а его оппонент барон Ган был вынужден оставить пост курляндского предводителя дворянства, в целом это ситуацию никак не изменило. Рассмотренная в статье модель отношений «центр – окраины» позволяет глубже проанализировать те трудности, с которыми столкнулась местная администрация в Прибалтийском крае при попытке унификации местной системы управления с общеимперской. Основным выводом статьи может считаться тезис о том, что российская центральная власть в лице губернатора и генерал-губернатора не решилась идти на резкий слом существовавшей модели управления, при которой

УДК: 94, 353

Поступила в редакцию: 30.04.2022

Принята к публикации: 08.08.2022

местная элита (дворянство) имело существенное влияние на ситуацию в регионе. Курляндия, наряду с другими прибалтийскими губерниями, осталась особой территорией на политико-правовом пейзаже Российской империи.

Ключевые слова: Прибалтийский край, Курляндия, Валуев, Александр II, привилегии, остзейское дворянство, Суворов

Одним из главных итогов Северной войны (1700–1721) стало утверждение России в статусе империи, причём не столько формально, сколько существенно. Благодаря победам над шведами у бывшего Московского царства появились владения (Эстляндия и Лифляндия), имевшие совершенно иное социокультурное и политическое развитие. Присоединение Курляндского герцогства было лишь делом времени. Екатерина II, которой выпало на долю завершить многие петровские начинания, в 1795 г. присоединила к империи последнюю независимую прибалтийскую территорию – Курляндское герцогство. При этом ещё Петру I, а впоследствии и его преемникам, пришлось столкнуться с непростым вызовом: требовалось выстроить модель управления новыми территориями, инкорпорировав новые провинции в общеимперскую политико-правовую систему, не спровоцировав в них при этом центробежных тенденций.

Выбор стратегии был, само собой, всецело в руках российских государей, а вот реализовывать её на местах предстояло непосредственным полномочным представителям высшей власти – генерал-губернаторам и губернаторам. В отличие от внутренних губерний, где центральная власть и её агенты на местах могли рассчитывать на помощь дворянства¹, в Остзейском крае (как часто называли прибалтийские губернии) картина складывалась иная. Местная аристократия – немецкие бароны – фактически противостояла центральной власти, причём оппозиция эта была подспудной и при этом весьма эффективной. Но порой противостояние власти и дворянства в прибалтийских губерниях получало огласку, гулко разносясь по всей стране.

Конфликт губернатора П.А. Валуева с курляндским дворянством, случившийся в 1857 г., привлекает внимание прежде всего своей типичностью. В нём аккумулированы все те противоречия и несовершенства российской имперской модели, которую царская власть старалась выстроить в Прибалтике. Показателен он и с точки зрения анализа методов борьбы местной аристократии с попытками включить прибалтийские губернии в общеимперскую административную систему.

¹ «Доброе согласие» губернской администрации и дворян там также не стоит переоценивать – между ними часто существовали трения, как правило, довольно серьёзные. См., например, воспоминания орловского губернатора В.И. Сафоновича: *Орловский гражданский губернатор В.И. Сафонович*. 2004. Орёл. С. 26.

Основные задачи этой статьи можно сформулировать следующим образом: 1) выяснение правовых основ политического взаимодействия местной аристократии с губернской властью; 2) рассмотрение общей управленческой стратегии российской центральной власти по отношению к Остзейскому краю; 3) определение основных конфликтных вопросов, возникавших между прибалтийским дворянством и представителями центральной власти, а также описание способов их разрешения на примере противостояния курляндских баронов губернатору П.А. Валуеву.

Правовые основы существования Курляндии в составе Российской империи

Обратимся к проблеме правовых основ вхождения Остзейского края – и в частности, Курляндии – в состав Российской империи. Прежде необходимо сказать два слова о социальной структуре местного общества. Она была вполне традиционна: дворяне обладали всей полнотой прав, закреплённых за ними разнообразными и многочисленными грамотами и статутами польских и шведских королей (Остзейский край принадлежал в разные времена то Польше, то Швеции), в то время как крестьянство практически никаких прав не имело. По сути, в регионе сохранялись в полной мере средневековые устои и традиции, причём не только в сельской местности, но и в городах. Ситуация в целом очень напоминала российские реалии, но с одним существенным отличием: местное дворянство, на которое, казалось бы, и должна была опираться верховная власть, было этнически, культурно и конфессионально чуждо российскому самодержавию. Следовательно, перед петербургской администрацией стоял важнейший вопрос выбора модели наиболее эффективного управления краем.

Вариантов, по существу, было два: либо полностью отобрать у местной аристократии все нити управления, введя в крае фактически наместническую власть (тем самым рискуя ожесточить дворянство), либо действовать мягко, оставив местным баронам привилегии в обмен на их верную службу короне. В условиях Северной войны Пётр I без колебаний избрал второй вариант, закреплённый и в «Договорных пунктах» с «шляхетством и земством герцогства Эстляндского», и в Жалованной грамоте «дворянству княжества Лифляндского»². Этот же подход зафиксирован в 9 параграфе Ништадтского мира, гарантировавшем «всем жителям провинций Лифляндских и Эстляндских» «постоянную и неколебимую» защиту всех их прошлых прав и привилегий³. Так со времён Петра эстляндская и лифляндская аристократия закрепила за собой особые права в рамках Российского государства (Красняков 2018: 6, 10).

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. 1649–1825 гг. №2299, №2301.

³ Под стягом России. 1992. Сборник архивных документов. Москва. С. 124.

Как уже было сказано, Курляндия была присоединена к России спустя 75 лет, в 1795 г., также получив от Екатерины II гарантии прежних установлений. Новым подданным государыня обещала «не токмо свободное исповедание веры от предков вами наследованной», но и что «права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая в целости соблюдены будут». Правда, в екатерининской версии «договора» содержалось важное отличие от петровского варианта. Исторические права и привилегии местных жителей сохранялись, но при этом «каждое состояние народное вышеозначенных областей имеет пользоваться и всеми теми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древние подданные российские по милости наших предков и нашей услаждаются»⁴. Этот пассаж принципиально важен. Под завуалированным (и даже изящным) выражением «каждое состояние народное» подразумевались прежде всего крестьяне, получавшие шанс избавления от мрачного средневекового крепостного быта. Ещё больше выгод эта фраза сулила горожанам, давая им возможность воспользоваться благами Жалованной грамоты городам 1785 г. Однако все эти благие намерения остались лишь на бумаге: сразу же после смерти императрицы её преемник Павел I «восстановил, за некоторыми исключениями, прежний порядок вещей»⁵.

Первая серьёзная попытка пересмотра остзейских привилегий была осуществлена в 1845 г., когда вышел «Свод местных узаконений губерний Остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный». Этот шаг формально вполне вписывался в общую политику унификации и кодификации всех сторон жизни государства, проводившуюся при Николае I. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что ни о каком существенном ограничении прежних прав и свобод местной аристократии говорить не приходится. В Своде, конечно, подчёркивалось, что «законы Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями»⁶. Но при этом – в полном соответствии с бытовавшими традициями – на откуп местной элите были отданы все важнейшие вопросы внутренней жизни: «1. Особенное учреждение некоторых властей и мест губернского управления; 2. Права состояний; 3. Законы гражданские; 4. Порядок гражданского судопроизводства; 5. Порядок уголовного судопроизводства»⁷. Тем самым, вместо более плотной интеграции прибалтийских губерний в правовое и административное поле империи, опять был подтверждён их *status quo*. Сторонники русификации Остзейского края видели в этом заслугу местной аристократии, сумевшей навязать свою позицию верховному правительству: «Можно смело сказать, что

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. №17319.

⁵ Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860, 1866–1884. 2015. Саратов. С. 757.

⁶ Свод местных узаконений губерний Остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный (далее – Свод...). 1845. Санкт-Петербург. Ч. 1. Ст. 1–2.

⁷ Свод... Ч. 1. Ст. 3.

балтийская интеллигенция сама себе сочинила Свод местных узаконений, по своему вкусу...» (Самарин 1869: 52).

В дальнейшем власть придерживалась выбранной модели: в самом начале своего правления Александр II подтвердил все права и вольности дворян трёх прибалтийских губерний, заверив последних, что всё «сохранено и удержано будет без малейшей от нас перемены»⁸. К тому подталкивали и внутривнутриполитические соображения, и внешнеполитические реалии. Начавшееся усиление Пруссии, ставшей центром объединения немецких земель, вынуждало российскую власть ещё раз задуматься об опасности излишнего административного давления на национальные окраины империи. Бароны очень ловко использовали опасения петербургских министров: подчёркивая преданность *dem Deutschthum* (германизму), они никогда всерьёз не помышляли о выходе из состава Российской империи, но эффективно и ловко использовали фантомный страх русских властей для защиты *status quo* в регионе – т.е. «тех привилегий, которые доставляли им владычество над большинством местного населения и немалые материальные выгоды» (Остзейский комитет... 1915: 154). В итоге, как справедливо отмечал П.А. Шульц, служивший 10 лет (1855–1865) делопроизводителем Остзейского комитета⁹ в Санкт-Петербурге, правительство в Остзейском крае было вынуждено «согласовывать интересы местные и общие, государственные» (Остзейский комитет... 1915: 150).

Правительственная управленческая стратегия в Курляндском крае

Подтверждая права и привилегии балтийских дворян, верховная власть взамен требовала платы – разумеется, не деньгами, а, как и было принято на Руси, «конно, людно и оружно». Ещё в петровской Жалованной грамоте лифляндским баронам говорилось: «Мы за справедливо рассудили, на их [лифляндского дворянства – Н.М.] покорнейшее справедливое прошение [о сохранении прежних привилегий – Н.М.] императорской милостью позволить, дабы тем помянутое рыцарство и земство и оных потомство таким образом толь паче побуждены были присяжную подданническую верность, усердными добрыми услугами и по требованию времени и кровью и животом своим утвердить...»¹⁰. Как видно, взаимоотношения прибалтийского рыцарства (или дворянства) и российской верховной власти выстраивались на началах феодальных, по сути, средневековых. «Помянутое рыцарство» фактически признавало своим сеньором российского государя, обязуясь служить ему (не Российскому государству) в обмен на известную (и довольно широкую) автономию.

⁸ ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). №№ 30185–30187.

⁹ Остзейский комитет для рассмотрения вопросов землевладения в Остзейском крае был создан по указанию императора Николая I в 1846 г., распущен в 1876 г.

¹⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. №2301.

Особое отношение прибалтийских дворян к императору заметил тот же П.А. Шульц: «В отношении же к России у наших немцев, даже сделавшихся русскими сановниками, – особый кодекс чувств и воззрений. Верноподданнические чувства сосредотачиваются на одной личности государя, не обнимая общих интересов отечества, т.е. России; а то случается, что и личная преданность эта государю, бывает как-то условна, поддерживаясь во всей силе лишь до тех пор, пока государь блюдет местные интересы и уважает местные остзейские особенности, отнюдь не жертвуя ими общим государственным интересам» (Остзейский комитет 1915: 149). Ему вторил известный балтийский публицист, вице-президент Лифляндского гофгерихта¹¹ Г.В. фон Бокк: «Помните, что мы чтим в своём государе не императора Всероссийского, а Лифляндского герцога, свободного от всякого односторонне русского давления»¹².

В русской традиции служить государю следовало не «за страх» (по букве договора), а «за совесть» (по внутреннему убеждению). Разумеется, европейский феодализм с его отношениями «вассал – сеньор», чёткой иерархией и разветвлёнными социальными связями был чужд российскому общественно-государственному укладу, который сформировался из зачатков вотчинного уклада (Пайпс 1993: 44, 82; Черникова 2019: 119, 160). Разницу между верностью прибалтийских баронов и «истинно русской» ярче всех выразил автор передовицы газеты «Москва» (издававшейся И.С. Аксаковым): «... Русская верность и преданность имеют уже то преимущество, что они не ставят себя в цену, не кладут себя на весы всякий раз, как приходится исполнять требование закона или верховной власти...»¹³. Мысль о том, что местное дворянство фактически изъято из общего административно-правового поля империи, раздражала многих русских аристократов. Ещё большее неприятие вызывало то, что вольности остзейцев были зафиксированы законодательно (замечу: именно эту особенность европейского феодализма в своё время Марк Блок (Блок 2003: 439-440) называл его ярчайшим отличием от всех других внешне схожих типов социально-политического устройства – например, японского).

И, хотя делалось это с одобрения государей и во имя единства державы, раздражение не убывало. «Можно сказать, что Россия позволила балтийским сословиям и обществам перевести с собою, чрез государственную нашу границу, весь юридический свой багаж, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный перебор его до другого времени», – негодовал Ю.Ф. Самарин (Самарин 1869: 49).

В самом деле, для Российской империи такой опыт инкорпорации национальных элит был новшеством – прежде всего из-за страха тем самым под-

¹¹ Надворный суд.

¹² Цит. по: (Самарин 1869: 134).

¹³ Москва. *Газета политическая, экономическая и литературная*. 1867. №114 (4 октября).

толкнуть немецких баронов к сепаратизму. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и другого фактора – связей. Их в высших кругах российского бомонда у остзейских аристократов было достаточно (немало выходцев из остзейских аристократических семейств занимали высокие посты в столице – Остен-Сакены, Ливены, Бенкендорфы, Сиверсы, Палены, Корфы – это список можно продолжать). И пользовались они этими связями умело, тонко и расчётливо. Например, в разгар конфликта с курляндскими дворянами (о нём речь впереди) Валуев писал генерал-губернатору А.А. Суворову: «Впрочем, надежда на соотчичей, состоящих на службе в Петербурге, вообще занимает важное место в здешних понятиях и соображениях. С Петербургом всегда производится самая деятельная переписка. Известно, что оттуда присылаются выписки даже из конфиденциальных и секретных бумаг». Действительно, бароны, благодаря своим связям, узнали, что в докладе Валуева о старообрядцах говорилось, что лютеране «вообще склонны оказывать сектаторам [сектантам – Н.М.] какое-то особое соболезнующее покровительство» (Дневник графа... 1891: 76). Вместе с тем влияния этих заступников не стоит переоценивать – местные власти и так находились в Остзейском крае в весьма непростой, двусмысленной ситуации.

В отношении к местной аристократии губернаторы и даже генерал-губернатор были поставлены в изначально проигрышную ситуацию. Ещё с петровских времен всем «высоким и нижним в тех местах команду имеющим» предписывалось «никакого помешательства или предосуждения» вольностям местных дворян «не чинить». Более того, местным властям в обязанность вменялось эти привилегии «оборонять и охранять»¹⁴. В свою очередь, николаевский «Свод...» требовал: «В порядке управления губерниями остзейскими генерал-губернатор и гражданские губернаторы руководствуются особыми местными учреждениями и узаконениями, соображая их с правилами, постановленными для управления губерний в Общем Своде законов Империи»¹⁵.

«Соображение» это предполагало, по сути, не взаимодействие двух равных субъектов, а уступки одного (губернской власти) другому (дворянству). Эта ситуация возмущала и в целом довольно умеренного П.А. Шульца («гораздо удобнее сделать кое-что, – *выманив* [курсив автора, – Н.М.], а не вытребовав это кое-что у немцев» (Остзейский комитет... 1915: 145)), и куда более решительно настроенного Ю.Ф. Самарина («От этого при встрече с привилегией местные представители власти каждый раз становились в тупик и, повертев в своих руках непонятную для них грамоту, почти всегда отступались от самых справедливых своих требований из опасения нарушить что-то такое, в чём они не отдавали себе ясного отчёта, но чего боялись») (Самарин 1869: 54). Таким образом, каждый губернатор (и тем более – генерал-губернатор), отправляясь

¹⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. №2301.

¹⁵ Свод... Ч. 1. Ст. 5.

из Петербурга в Остзейский край, получал негласную инструкцию: «Делай, что хочешь, но чтобы там были довольны» (Остзейский комитет... 1915: 144-145). Вполне естественно, что администраторы всех уровней чаще всего предпочитали закрывать глаза на «несообразные привилегии», уклоняясь от конфликта с местной элитой.

Система управления Курляндской губернией

Административно Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии подчинялись генерал-губернатору, являвшемуся высшим должностным лицом края¹⁶ (илл. 1). При этом в каждой губернии был собственный гражданский губернатор, подчинявшийся и генерал-губернатору, и Министерству внутренних дел. Все текущие дела (чаще всего хозяйственные) были в руках губернаторов, а генерал-губернатор осуществлял общий политический надзор над ситуацией в регионе и выступал посредником в случае конфликтов местного дворянства и губернских властей. От личности генерал-губернатора многое зависело, его мнение, в конечном счёте, оказывалось решающим для министров и самого императора. Не удивительно, что вокруг генерал-губернатора в Риге (где была его резиденция) складывалась особая атмосфера, в которой ему волей-неволей приходилось быть очень осторожным.

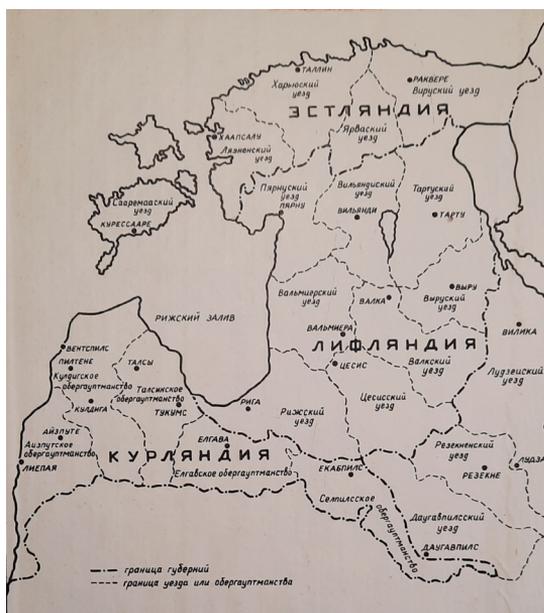

Иллюстрация 1. Прибалтийские губернии

¹⁶ Свод... Ч. 1. Ст. 4.

«Приезжает генерал-губернатор в Ригу, как в немецкое царство – кругом порядки, законы, обычаи и люди все новые, особые. Окружат его представители местной интеллигенции и со всякой любезностью и лестью, но внушительно дают понять, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что надо сообразоваться с писаными и неписаными их привилегиями и обычаями, спрашивая их же, в чём они заключаются, что если генерал-губернатор будет жить с ними ладно, то все пойдёт как по маслу, его будут превозносить и в Риге, и в Петербурге, благодаря их благоприятелям, что в противном случае, если генерал-губернатор станет мудрить и пойдёт им наперекор, – он на каждом шагу будет путаться, попадёт впросак, подвергнется сплетням, газетной клевете здесь и за границей, интригам в придворных и правительственных кругах, пока не сломят ему шею», – живописал П.А. Шульц (Остзейский комитет... 1915: 144-145). Совершенно в том же духе описывал положение генерал-губернатора и другой знаток Прибалтийского края – Ю.Ф. Самарин (Самарин 1869: 65). Стоит добавить, что в аналогичную обстановку попадали и гражданские губернаторы каждой из прибалтийских губерний.

Окружённый внешне абсолютно ему послушными и подчёркнуто вежливыми прибалтийскими баронами, генерал-губернатор (и гражданский губернатор) попадал от них в полную зависимость. Дело в том, что своего штата служащих у высших чиновников края фактически не было и почти все ключевые посты занимали местные уроженцы, вполне естественно видевшие своей главной задачей обеспечение интересов собственного сословия, а не имперской администрации. Валуев вспоминал, что правитель его канцелярии, «родом курляндский дворянин, которому я притом не успел исходатайствовать ни одной награды, – мог бы быть наведён на мысль, что ввиду близкого моего удаления отсюда и открытой борьбы с дворянским представительством, уже не предстоит особой надобности облегчать мне собирание полных справок из дел моей собственной канцелярии» (Дневник графа... 1891: 76).

«Что же остаётся делать новому генерал-губернатору? Видит он, что многое не совсем ладно, за многое надо бы приняться серьёзно – но к кому обратиться? Кругом его, от правителя его канцелярии до последнего чиновника, – всё одни немцы, между коими затесался разве кое-где вполне угодный местной интеллигенции русский, ибо чистого русского туда не допустят, а если явится – ославят мошенником или красным и тотчас спровадят. Что же делать генерал-губернатору одному, без помощников, без верных исполнителей, без поддержки сверху, без твёрдой правительственной программы и инструкций, кроме обязанности уkontентовать [удовлетворить – Н.М.] во что бы то ни стало дворянство?» – задавался вопросом П.А. Шульц. И приходил к неутешительному для центральной власти выводу: единственной действенной моделью поведения в этой ситуации для генерал-губернатора и его подчинённых становился компромисс с местной аристократией.

Иллюстрация 2. Генерал-губернатор Прибалтийского края А.А. Суворов

Именно таким уступчивым администратором выглядел для многих генерал-губернатор Прибалтийского края Александр Аркадьевич Суворов (занимал этот пост в 1848–1861 гг.). «Гуманный внук воинственного деда» (как иронично аттестовал его Ф.И. Тютчев в стихотворении «Его светлости князю А.А. Суворову»), «человек красивый и представительной наружности, с открытым лицом и неудержимым языком, болтавшим всё, что приходило в голову, и не щадившим бранных эпитетов даже министрам, когда что было ему не по нутру» (Остзейский комитет... 1915: 140), он пользовался славой весьма противоречивой (илл. 2). Одни превозносили его за гуманность, мягкость характера и общую человечность (А.А. Корнилов, например, называет князя «гуманным и добродушным»¹⁷ (Корнилов 1993: 253)), столь мало свойственные деятелям николаевской эпохи. Другие указывали на нерешительность Суворова, его податливость и подверженность чужому влиянию, на отсутствие внятной позиции и элементарной рациональности. Тот же П.А. Шульц, многократно сталкивавшийся с Суворовым по делам Остзейского комитета, не щадил красок для портрета сановника. «Ещё там, в Риге, на словах он иногда, говорят, выставлял себя охранителем правительственных интересов и даже заступался за крестьян в случае явной к ним несправедливости; но там, в Петербурге, в Остзейском комитете, он явно уже считал и выставлял себя представителем интересов края [курсив автора – Н.М.], т.е. на самом деле не всего населения и не большинства его, а исключительно дво-

¹⁷ Корнилов А.А. 1993. *Курс истории России XIX века*. Москва: Высшая школа. 448 с.

рянства [курсив автора – Н.М.] и при случае – бюргерства, когда дело касалось городов. Затем он ораторствовал и горячился на тему, заданную дворянством; подписывал и представлял то, что писалось у него в канцелярии под влиянием того же дворянства, руководствовался личным впечатлением, а не серьёзным изучением дела; так что здесь при благоприятном настроении случайно удавалось убедить его согласиться иногда и на то» (Остзейский комитет... 1915: 140).

Ещё более яркий, живой портрет главного чиновника края нарисовал Н.С. Лесков, очень интересовавшийся остзейским вопросом и как писатель, и как публицист. «Нет никакого сомнения, что покойный князь Александр Аркадьевич не был человек зложелательный, но он не был и гуманист, и он не мог быть гуманистом, потому что "сам Бог был не властен в его мыслях", как сказано о нём рижскими раскольниками, выразившими в этих словах самую верную характеристику князя. Он был то, что называется добрый малый, или, одним словом, добряк, управляемый нервозностию, но не гуманный человек, подчиняющий свою мысль и каждое движение сердца закону всеблагого Бога, обитающего в сердцах, чтящих Его волю, выше которой не должно быть ничего на свете. Князь Суворов может служить примером, как ненадёжна та нервная доброта, какую владел он» (Лесков 1882: 199). Характерно, что и чиновник Шульц, и писатель Лесков сходились в главном: правление Суворова было для русского дела в Остзейском крае временем тяжёлым, потому что генерал-губернатор во всём потворствовал немцам. Но если Шульц полагал, что Суворов лишь «служил орудием в руках коноводов местных партий» в силу честолюбия и желания сохранить «худой мир» в Остзейском крае (Остзейский комитет... 1915: 141), то Лесков рассуждал иначе. «... Угнетая русских в Остзейском крае, он [Суворов – Н.М.] рабствовал не "немецчине" в смысле предпочтительной национальности или культуры, которая бы ему нравилась, а он рабствовал аристократизму – потому что немцы здесь привилегированны, а он почитал себя обязанным стоять на стороне привилегированных людей» (Лесков 1882: 205).

Суворов зарекомендовал себя если не германофилом, то администратором, старавшимся лишней раз не возбуждать конфликтов с местными элитами, шедшим им навстречу во многих вопросах¹⁸. Многие патриотически настроенные современники объясняли это преклонением генерал-губернатора перед «немецким образованием» и вообще перед немецкой культурой в ущерб отечественным образцам (Лесков 1882: 205)¹⁹. Наблюдатели тонкие и глубокие отмечали, что у Суворова были и другие причины, более существенные, исключительно политические, вести себя в Остзейском крае осторожно и сдержанно. «Ибо, каким бы личным к себе доверием верховной власти Балтийский генерал-губернатор не пользовался, он не может не сознавать, что политическая его бу-

¹⁸ Показательна в этом отношении история разгрома им старообрядческого движения в Прибалтике. См.: (Лесков 1882: 189, 197).

¹⁹ Сам Лесков этой точки зрения категорически не разделял и с ней полемизировал.

душность в значительной степени зависит от мнения, которое составителю об нём в Риге, оттуда перейдёт в Петербург и там укоренится во влиятельных кругах; а репутацию администратора популярного, умеющего привлекать сердца к правительству или ненавидимого и возбуждающего всеобщее неудовольствие, составят ему, конечно, не латыши, не православное духовенство и не русские купцы, а дворяне и так называемая интеллигенция края, то есть те же представители местного провинциализма. При таких условиях всякий ли решится вступить с ним в борьбу?» (Самарин 1869: 136-137).

Конфликт губернатора П.А. Валуева с курляндским дворянством

«Вступать в борьбу» решался действительно далеко не всякий. За всё время, что прибалтийские губернии входили в состав Российской империи, конфликтные ситуации такого рода можно пересчитать по пальцам. Одним из противостояний губернатора и местных дворян стал конфликт курляндского начальника губернии П.А. Валуева (илл. 3) и местного предводителя дворянства барона Гана. Суть его такова.

Иллюстрация 3. Курляндский гражданский губернатор П.А. Валуев

В самом начале 1857 г. барон Ган на собрании ландтага²⁰ во всеуслышание объявил, что «честь и долг возбраняют ему дальнейшую службу при обстоятель-

²⁰ Ландтаг – орган сословного представительства, собиравшийся, как правило, трижды в год; в некоторых случаях могли быть созваны чрезвычайные ландтаги, но только «с разрешения губернского начальства»: Свод... Ч. 2. Ст. 328.

ствах, которые лишают его возможности быть полезным». Намёк был вполне прозрачен: барон открыто постулировал, что не желает далее нести службу при нынешнем губернаторе. Демарш предводителя дворянства нашёл единодушный отклик у его коллег, поднесших Гану на следующий день благодарственный адрес, в котором, помимо прочего, говорилось: «Дворянство взирает на будущность с трепетным беспокойством, но при том надеется, что при помощи монаршей тучи, угрожающие дворянству, рассеются» (Дневник графа... 1891: 71). Эта расплывчатая фраза на самом деле содержала в себе вполне явную угрозу обращения с жалобой на действия Валуева к императору. Иными словами, бароны вновь напоминали о своём особом месте в политико-правовом поле империи.

Что же послужило причиной такого обострения отношений предводителя дворянства и губернатора? Хорошо информированные сотрудники III Отделения были уверены, что всему виной недовольство барона Гана тем, что «губернатор не делился с ним властью»²¹. Схожим образом думал и сам Валуев. «Моя личность не замешана в дело ... Нападение направлено исключительно на начальника губернии, а в последнем подвергаются нападению только свойства русского и некурляндский взгляд на дела и на своё собственное положение. Здесь вкоренилась мысль, что дворянство *соуправляет* [разрядка автора, – Н.М.] губернией, что каждое действие губернского начальства наперёд обусловлено согласием дворянства или, по крайней мере, предварительным с ним совещанием», – объяснял курляндский губернатор своему непосредственному начальнику, генерал-губернатору А.А. Суворову (Дневник графа... 1891: 73). Действительно, у прибалтийских (в частности, курляндских) дворян было такое право: так называемое *Verfassungs-Recht* (конституционное право), т.е. исключительное право инициативы в законодательных преобразованиях. Во всех «внутренних» российских губерниях это право безоговорочно и исключительно принадлежало правительству, и только в Остзейском крае оно оспаривалось дворянством (Остзейский комитет... 1915: 154). Таким образом, претензии дворян на прямое и непосредственное участие в управлении краем имели под собой некие формально-юридические основания, хотя и не принимавшиеся в расчёт администрацией.

Ситуация для Валуева осложнялась и тем, что барон Ган, исполнявший должность губернского предводителя дворянства на протяжении двадцати лет, имел огромный авторитет и политический вес как в самой Курляндии (где, по словам Валуева, «успел постепенно утвердить за собой почти деспотическое влияние» (Дневник графа... 1891: 74)), так и в Петербурге. Во многом этому барон был обязан своим умением убедить курляндских аристократов в том, что исключительно его стараниями «приостанавливаемы были намерения и распоряжения правительства насчёт обрусения Курляндии и ниспровержения её

²¹ Государственный архив РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 28 об.

привилегий» (Дневник графа... 1891: 74). Имея высоких покровителей в столице, барон вёл себя в губернии по-хозяйски. В 1854 г., например, желая отставки вице-губернатора А.П. Беклемишева, Ган спрашивал у Валуева, кого бы он хотел видеть вице-губернатором. Это до глубины души возмутило последнего: «Как будто бы определение курляндских вице-губернаторов и удовлетворение желаний губернских начальников в этом отношении было представлено курляндскому губернскому предводителю дворянства» (Дневник графа... 1891: 74).

От глухих угроз на ландтаге барон Ган и его сторонники вскоре перешли к действиям. На имя генерал-губернатора они подали девять обвинительных пунктов, содержащих критику действий губернатора Валуева в делах управления. Жалобы эти весьма разнородны, но важнейшими представляются следующие: о «составлении в губернском правлении некоторых журналов на русском языке»; о «неучастии дворянского представительства в одном из собранных губернатором общем собрании палат»; об «исключительном праве дворянства быть церковными попечителями» (Дневник графа... 1891: 75). Характерно, что самому губернатору список с обвинениями представлен не был – пришлось Валуеву его «истребовать» через А.А. Суворова (Дневник графа... 1891: 76).

На что рассчитывал мятежный барон и его сподвижники, начав кампанию против губернатора? Сам Валуев давал такой ответ на этот вопрос: во-первых, уверенности придавало «монаршее благоволение, объявленное курляндскому дворянству во время Крымской войны, во время визита монарха в Митаву»; во-вторых, бароны мечтали, что Валуева сменит сын его предшественника, тогдашний лифляндский вице-губернатор фон Бреверн; наконец, на связи барона Гана, при которых Валуеву будет сложно «отстоять дело и оправдать свои действия» (Дневник графа... 1891: 73). Иначе говоря, курляндские дворяне, окрылённые поддержкой императора и наличием у них сильных заступников в столице, рассчитывали низвергнуть Валуева, поставив на его место своего протеже. Однако курляндский губернатор без боя сдаваться не собирался.

Ознакомившись с обвинительными пунктами, через несколько дней, к 1 февраля 1857 г., Валуев представил генерал-губернатору свои ответы на них. Правда, не на все, а лишь на три (про церковных попечителей, журналы на русском языке и неучастие дворян в собрании палат). В первом и третьем случаях Валуев ограничился рутинными фразами: в первом случае – дворяне сами затянули дело и не предоставили вовремя необходимых документов; в третьем – «призыв к этим собраниям никогда не исходит от меня, но от канцелярии губернского правителя». А вот ответ на претензию о ведении журналов на русском языке вышел весьма эмоциональным: «Это дело не подлежит обсуждению дворянства, и не говоря о том, что по принятой мною мере доведено до высочайшего сведения в моём всеподданнейшем отчёте за тот год, она признана правильной со стороны вашей светлости, потому что вы не изволили отменить оной, и со стороны министров юстиции и внутренних дел, потому что они оставили без внимания протест прокурора и ассессора барона

Ливена²². Наконец, по этому предмету не было и не может быть никакой переписки с дворянством», – резюмировал курляндский губернатор²³.

С формально-правовой точки зрения, и Валуев, и барон Ган имели основания считать себя правыми. Курляндские бароны апеллировали к ст. 121 «Свода...», в которой говорилось: «В присутственных местах Остзейских губерний производятся дела вообще на немецком языке, кроме лишь мирских крестьянских судов, в коих оные производятся на местных по принадлежности языках леттском или эстском»²⁴. О русском языке, как видно, речь вообще не шла, хотя языковой вопрос давно уже был головной болью петербургского правительства. Не решаясь прямо ввести повсеместно его в употребление в Остзейском крае, правительство выпускало с завидной регулярностью постановления, обязывавшие местные власти использовать его при составлении служебных бумаг в присутственных местах. Именно на такое высочайше утверждённое положение Комитета министров от 3 января 1850 г. и ссылался губернатор Валуев. Постановление предписывало ввести «производство дел на русском языке во всех коронных присутственных местах Прибалтийского края»²⁵. И вновь налицо явно противоречивая политика: с одной стороны, правительство одобряло использование немецкого языка, с другой, – насаждало язык государственный. Именно подобные обстоятельства и позволяли местной аристократии чувствовать себя уверенно, давая им законные основания для противостояния губернской администрации.

Конечно, конфликты между дворянством и губернаторами случались и в великорусских губерниях, в этом как раз ничего нового не было (Могилевский 2021). В Курляндии же дворянство не просто конфликтовало с местными властями, но и выступало с критическим разбором ошибок и упущений, допущенных губернатором в делах управления, т.е. вторгалось в явно не свою компетенцию. Поступать подобным образом дворянам не было дозволено ни законами, ни самой сутью политической системы России. Судить и оценивать действия местных властей могло только (и исключительно!) высшее столичное начальство: министры и государь. Курляндские дворяне, принимая на себя не свойственные им функции, делали тем самым заявку на желание отобрать эти полномочия у столичных чиновников и самого императора.

Опытный и ловкий царедворец, прибалтийский генерал-губернатор тотчас понял, какими последствиями грозит демарш барона Гана и его приверженцев. В конфиденциальном отношении на имя министра внутренних дел С.С. Ланско-

²² По словам Валуева, барон Ливен в конфликте с губернской властью очень рассчитывал на помощь двоюродного брата, генерал-адъютанта В.К. Ливена, который, к слову, сменил А.А. Суворова на посту генерал-губернатора Прибалтийского края в 1861 г.: (Дневник графа... 1891: 76).

²³ *Российский государственный исторический архив* (далее – РГИА). Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 13-14.

²⁴ *Свод...* Ч. 1. Ст. 121.

²⁵ *ПСЗРИ*. Второе собрание. №23796.

го от 19 февраля 1857 г. А.А. Суворов убеждал того, что, во-первых, о каком бы то ни было сепаратистском мятеже речь не идёт («... Я неоднократно имел случай убедиться в превосходном расположении умов и в неограниченной преданности всех сословий [...] трёх губерний престолу и Отечеству»), и, во-вторых, злосчастное заявление 33 дворян на ландтаге о поддержке барона Гана ни в коей мере не является отражением общественного мнения²⁶.

В этих словах была доля истины. Мятежного барона Гана поддержали далеко не все дворяне (Валуев писал, что некоторые уездные предводители, графы Медем и Коскуль «всегда защищали мои действия» (Дневник графа... 1891: 74)). Говорить о желании курляндского дворянства «отпасть» от России, чего так всегда боялись петербургские власти, тоже не приходилось. Весь вопрос заключался лишь в желании баронов вернуть себе бразды правления, от которых их отодвигал губернатор. Именно на это упирал генерал-губернатор Суворов в другом конфиденциальном послании Ланскому от 22 февраля 1857 года. «Что же касается породивших вышеозначенные беспорядки причин, то я могу со своей стороны усмотреть их лишь в неудовольствии представительства курляндского дворянства, или, точнее, барона Гана, против настоящего начальника губернии, устранившего дворянство от такого в делах участия, на которое оно, по силе существующих постановлений, не имеет никакого права, но которое было ему предоставлено в течение почти четверти столетия, вследствие принятой прежним губернским начальством и основанной на личном влиянии барона Гана привычке»²⁷.

Попытки Суворова смягчить реакцию в Петербурге помогли слабо. Управляющий Министерством внутренних дел С.С. Ланской, при всей своей мягкости и гуманности, был настроен весьма решительно. «Особенного внимания в этом неприятном случае заслуживает упоминаемый Вами, допущенный дворянством разбор действий начальника губернии и составление по оному обвинительных пунктов. Таковое неуместное вмешательство дворянства в распоряжения правительственные ни в каком случае не может быть терпимо и требует точнейшего разъяснения...», – настаивал он в отношении на имя А.А. Суворова от 21 февраля 1857 года. Во втором письме Суворову министр однозначно объявлял действия барона Гана и участвовавших в том членов ландтага «несогласными с законом», а выражения в адресе ландтага к барону Гану «крайне неуместными». Если у дворян были претензии к Валуеву, то им следовало обратиться конфиденциально к генерал-губернатору, «отнюдь не возбуждая об этом рассуждений на ландтаге», резюмировал Ланской²⁸.

²⁶ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 11 об.–12.

²⁷ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 17 об.–18.

²⁸ Там же. Л. 20.

В конце письма министр предлагал вариант разрешения конфликта: «По-сему, находя со своей стороны, что возникшие между губернским начальством и дворянством неудовольствия лучше бы погасить в самом начале, нежели доводить о том до высочайшего сведения, последствия коих будут, вероятно, не в пользу барона Гана, о долговременной и полезной службе которого ваша светлость неоднократно свидетельствовали, я имею честь наипокорнейше просить Вас, милостивый государь, силою представленной вам власти объяснить лично барону Гану и фон Руммелью неосновательность действий их и внушить им, чтоб они воздержались от подобных отступлений от закона»²⁹.

До высочайшего сведения конфликт, разумеется, был доведён. И реакция монарха была ровно такой, какой ожидал многоопытный министр внутренних дел. 15 марта 1857 г. последовал царский рескрипт на имя А.А. Суворова, в котором император, отметив «степень благоустройства и порядка, до которых доведено управление в Курляндской губернии», высказывал уверенность, что «столь удовлетворительное состояние управления Курляндией следует отнести к особенному усердию начальника сей губернии, камергера д. ст. сов. Валуева, успевшего благоразумными распоряжениями ... сохранить и упрочить порядок и устройство во всех частях вверенной ему губернии. За столь достохвальное служение д. ст. сов. Валуеву поручаю вам изъявить ему особое моё благоволение» (Дневник графа... 1891: 78). Триумф Валуева был очевиден: 25 апреля 1857 г. барон Ган был вынужден подать в отставку (Губернии Российской империи 2003: 149).

Как можно оценить итоги этого конфликта? С одной стороны, они кажутся вполне очевидными: партия барона Гана была повержена, сам он оставил должность губернского предводителя, каковую занимал дольше всех в истории губернии (21 год). Губернатор П.А. Валуев, в свою очередь, укрепил позиции как на местном уровне (теперь у его противников не было столь авторитетного и опытного вожака, как барон Фёдор фон Ган), так и в Петербурге. Недаром и министр внутренних дел С.С. Ланской, и сам Александр II недвусмысленно заняли именно его сторону в конфликте с курляндцами. Интересно, что сам Валуев объяснял, что решился вообще возбудить эту борьбу с бароном Ганом, чтобы получить ответы на два вопроса: «До какой степени высшие власти способны и намерены усмотреть правду в местных делах, и до какой степени сильно влияние на эти власти здешних немцев, вертящихся в столице?» (Дневник графа... 1891: 78).

Стоит признать, что полученные ответы вышли весьма неоднозначными. Формальный победитель в схватке, курляндский губернатор П.А. Валуев в 1858 г. оставил свой пост, уйдя на повышение в Петербург: в начале 1859 г. он

²⁹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.

получил высокое назначение в Министерство государственных имуществ, откуда в апреле 1861 г. переместился в кресло министра внутренних дел, оставаясь в этой должности до 1868 г. А вместо него в Курляндию был поставлен тот самый И.Х. фон Бреверн, о назначении которого мечтал Ган. Курляндские бароны могли торжествовать: проиграв схватку, они выиграли сражение. Назначение фон Бреверна (который губернаторствовал в Курляндии в 1858–1868 гг.) означало возврат к привычному укладу жизни и к прежней модели политического управления, гарантировавшей дворянам почти полный контроль над всеми аспектами жизни края.

* * *

«Остзейский вопрос» в русской общественной жизни не исчез в последующие годы. То обостряясь, то вновь затухая, он будет тлеть до конца столетия (Исаков 1961: 27-28; Михайлова 2007: 164, 173). И, несмотря на усилия российских властей, полностью решить его так и не удастся – Прибалтийский край будет выделяться на политико-правовом пейзаже Российской империи. Связанные с остальной империей фактически только фигурой государя, остзейские губернии, по сути, оставались особой территорией со сформированными на ней немецкими и шведскими юридическими, политическими и даже бытовыми традициями³⁰. Европейский феодальный принцип политического устройства, по существу, одержал там победу над принципом московским, вотчинным.

В случае конфликта губернатора с местными элитами центральная власть, как это показано в статье, недвусмысленно вставала на сторону первого. При этом задача, стоявшая перед имперской администрацией, была двуединая: с одной стороны, поддержать полномочного представителя императора (губернатора) в сложившейся конфликтной ситуации. С другой стороны, сделать это было нужно по возможности осторожно, не вызывая острого недовольства местной аристократии. Страх сепаратизма был силён в столичных кабинетах, поэтому решительные меры по отношению к фрондирующим прибалтийским баронам были, по сути, исключены.

Об авторе:

Николай Алексеевич Могилевский – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: n.mogilevskiy@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

³⁰ Для иллюстрации последних прекрасно подходят рассказы Н.С. Лескова «Железная воля», «Александрит» и, в особенности, «Колыванский муж».

UDC: 94, 353
Received: April 30, 2022
Accepted: August 08, 2022

Provincial Administration and Local Nobility in Courland in the Middle of the 19th Century

N.A. Mogilevskii
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-60-80](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-60-80)

Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University)

Abstract: In the article, on the example of the conflict of the Courland governor P.A. Valuev with the Baltic nobility, happened in 1857, the legal status of the Baltic nobility in the Russian Empire is considered. The main issue considered in the work is the problem of the relationship between the imperial center and the national outskirts in the middle of the 19th century, which, in turn, is closely related to the results of the Northern War (1700-1721), which ended for Russia with a victory over Sweden and the annexation of the former part of the Swedish kingdom Estonia and Livonia. The local aristocracy received guarantees from the highest Russian authorities to preserve all privileges, which put it in a slightly different position than the nobility of the inner Russian provinces. Under Catherine II, when Courland was incorporated into Russia, these privileges were extended to the Courland barons. In the XIX century, under Nicholas I and Alexander II, all the "rights and liberties" of the Baltic nobles were also invariably confirmed. As a result, there was a situation in which the German barons considered themselves bound by personal obligations personally with the Russian monarch. This situation, typical of medieval feudal Europe, ran counter to the Russian patrimonial socio-political model, which irritated the Russian elite. The special position of the Courland nobility eventually led to a clash with the governor P.A. Valuev, who, acting within the framework of general imperial legislation, tried to establish general imperial orders in the province. Governor-General of the Baltic Region A.A. Suvorov, Interior Minister S.S. Lanskoy and Emperor Alexander II himself were involved in the clash. And although Valuev's position ultimately triumphed, and his opponent, Baron Gan, was forced to leave the post of Courland leader of the nobility, in general, this did not change the situation in any way. The model of "center-outskirts" relations considered in the article allows a deeper analysis of the difficulties that the local administration in the Baltic region faced when trying to unify the local administration system with the general imperial one. The main conclusion of the article can be considered the thesis that the Russian central government, represented by the governor and the governor-general, did not dare to drastically break the existing management model, in which the local elite (nobility) had a significant impact on the situation in the region. Courland, along with other Baltic provinces, remained a special territory in the political and legal landscape of the Russian Empire.

Keywords: Baltic Region, Courland, Valuev, Alexander II, privileges, Ostseje nobility, Suvorov

About the author:

Nikolai A. Mogilevskii – PhD (Historical science), Associate Professor, Associate Professor of the World and Patriotic history department of Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University), Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

E-mail: n.mogilevskiy@my.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Blok M. 2003. *Feodal'noe obshchestvo* [The Feudal Society]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovy`x. 504 p. (In Russian)

Dnevnik grafa Petra Aleksandrovicha Valueva. 1847–1860 [Diary of Count Pyotr Alexandrovich Valuev. 1847–1860]. 1891. Russkaya starina. (In Russian)

Gubernii Rossijskoj imperii. Istoriya i rukovoditeli [Provinces of the Russian Empire. History and Leaders]. 1708 – 1917. 2003. Moscow. (In Russian)

Isakov S.G. 1961. *Ostzejskij vopros v russkoj pečati 1860-x godov* [The Ostzei Question in the Russian Press of the 1860s]. Tartu. 185 p. (In Russian)

Krasnyakov N.I. 2018. Nachal'ny`j e`tap inkorporacii pribaltijskix territorij v sostav Rossijskoj imperii [The Initial Stage of Incorporation of the Baltic Territories into the Russian Empire]. *Razvitie territorij*. 1(11). P. 6–10. (In Russian)

Leskov N.S. 1882. Irodova rabota. Russkie kartiny v Ostzejskom krae [Herod's work. Russian paintings in the Ostzei region]. *Istoricheskij vestnik*.

Mixajlova Yu.L. 2007. Osobennosti upravleniya Pribaltijskim kraem v 1860-x – 1870-x gg. v kontekste nacional'noj politiki Rossijskoj imperii [Features of the Management of the Baltic Region in the 1860s – 1870s in the Context of the National Policy of the Russian Empire]. *Imperskie i nacional'ny`e modeli upravleniya: rossijskij i evropejskij opy`t. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow: IVI RAN. P. 164–173. (In Russian)

Mogilevskij N.A. 2021. «Dvoryane protivodejstvovali vsemu, čto prezhde imelo vliyanie, i samomu gubernatoru...»: konflikty` gubernskix vlastej i dvoryanstva v seredine XIX veka [“The Nobles Opposed Everything that had Influence, and the Governor Himself ...”: Conflicts of the Provincial Authorities and the Nobility in the Middle of the 19th Century]. *Vestnik MGPU*. Seriya «Istoricheskie nauki». №2. P. 23–32. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.42.2.02. (In Russian)

Ostzejskij komitet v Peterburge v 1856-57 gg. Iz vospominanij Pavla Antonovicha SHul'ca. 1915. *Golos minuvshego*. №2. (In Russian)

Pajps R. 1993. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Neza-visimaya gazeta. 424 p. (In Russian)

Samarin Yu.F. 1869. Okrainy` Rossii [The Outskirts of Russia]. Seriya pervaya: *Russkoe baltijskoe Pomor'e*. Ed.1. Berlin: Behr. X. 187 p. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Evropa. Nachalo dialoga. Konecz XV — XVI vv.* [Russia and Europe. The Beginning of the Dialogue. The End of the 15-16th Centuries]. Moscow: Akademicheskij proekt; izdatel'stvo «Kul'tura». 438 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Блок М. 2003. *Феодальное общество*. Москва: Издательство им. Сабашниковых. 504 с.

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. 2003. Москва
Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860. 1891. *Русская старина*.
№7. С. 76.

Исаков С.Г. 1961. *Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов*. Тарту. 185 с.

Красняков Н.И. 2018. Начальный этап инкорпорации прибалтийских территорий в состав Российской империи. *Развитие территорий*. 1(11). С. 6–10.

Лесков Н.С. 1882. Иродова работа. Русские картины в Остзейском крае. *Исторический вестник*. Т.8. С. 199.

Михайлова Ю.Л. 2007. Особенности управления Прибалтийским краем в 1860-х – 1870-х гг. в контексте национальной политики Российской империи. *Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт*. Сб. материалов Международной научной конференции. Москва: ИВИ РАН. С.164–173.

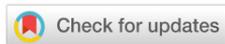
Могилевский Н.А. 2021. «Дворяне противодействовали всему, что прежде имело влияние, и самому губернатору...»: конфликты губернских властей и дворянства в середине XIX века. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. № 2. С. 23–32.

Остзейский комитет в Петербурге в 1856-57 гг. Из воспоминаний Павла Антоновича Шульца. 1915. *Голос минувшего*. №2.

Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. Москва: Независимая газета. 424 с.

Самарин Ю.Ф. 1869. Окраины России. Серия первая: *Русское балтийское Поморье*. Вып. 1. Berlin: Behr. X. 187 с.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV—XVI вв.* Москва: Академический проект; издательство «Культура». 438 с.

Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России

А.А. Сидоров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье исследуются современные направления и особенности протекционизма США и ЕС в отношении России, возможные последствия и пути реагирования на него. Протекционизм усиливается с 2020 г., что проявляется в активизации применения имеющихся инструментов и разработке новых.

Проанализированы возможные последствия всплеска компенсационных расследований США против России. В качестве дополнительного риска выделено возможное применение аналогичных ограничительных мер другими партнёрами. Беспрецедентным представляется рассмотрение вопроса отзыва у России статуса рыночной экономики для проведения антидемпинговых расследований. Такая попытка направлена на расширение возможностей США «насчитать» демпинг и ввести пошлины, чтобы усложнить российским производителям деятельность на внешних рынках. Хотя на данном этапе США признали отсутствие достаточных оснований для изменения рыночного статуса России, нельзя исключать продолжения подобных попыток в будущем.

Евросоюз продолжает практику энергокорректировок, приводящую к завышению издержек производства, нормальной стоимости и антидемпинговых пошлин для российских товаров. Недавняя публикация доклада о существенных искажениях в экономике России – очередной протекционистский шаг в сторону продолжения и усиления ограничительных мер.

В статье проанализирован новый инструмент экологического протекционизма – пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС, фактически сбор с импортируемой продукции на основе объёма парниковых газов, выделенных при её производстве. Он коснётся важных статей российского экспорта – цемента, электроэнергии, удобрений, продукции чёрной металлургии, алюминия. С помощью этого механизма ЕС пытается компенсировать отсутствие естественных конкурентных преимуществ по минеральному сырью, навязывая остальному миру своё видение целей экономической политики.

В заключение выделены особенности американского и европейского протекционизма в отношении России: всё более активное задействование фактора участия государства в экономике в качестве предлога для введения или ужесточения ограничительных мер, а также усиление экологической составляющей. В качестве основных направлений реагирования России на новые вызовы представляется использование площадки ВТО в кооперации с другими странами, поиск новых

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 10.12.2021

Принята к публикации: 10.08.2022

экономических рычагов в отношениях с партнёрами (в том числе более активное применение защитных мер), выявление возможных рыночных искажений в ЕС и США для использования в расследованиях ЕАЭС.

Ключевые слова: протекционизм, внешняя торговля, США, ЕС, компенсационные меры, антидемпинговые меры, рыночный статус, энергокорректировки, искажения, пограничный корректирующий углеродный механизм

США и Европейский союз имеют давнюю практику применения протекционистских мер, в том числе в отношении России. Несмотря на то, что во втором десятилетии XXI в. на экономические отношения России с этими крупнейшими развитыми центрами мирового хозяйства усилилось воздействие политических условий, многие меры и инициативы США и ЕС продиктованы именно экономическими соображениями – защитой собственных производителей от иностранной конкуренции и продвижением своего экспорта. Эти действия одновременно создают препятствия для доступа российских товаров на соответствующие рынки.

Внешнеторговой политике указанных экономик и их воздействию на отношения с Россией посвящён ряд исследований. В частности, среди последних выделю работы, посвящённые актуальным тенденциям и механизмам внешне-торговой политики США (Yalcin, Steininger 2018; Desai, Feinberg 2020; Федякина, Тинькова 2020; Metiu 2021; Whalley, Li 2021); торговой политике администрации бывшего президента США Д. Трампа (Williams 2019; Wraight 2019; Давыдов 2019; Ревенко, Ревенко 2019; Дмитриев 2020); текущим тенденциям экономических отношений США с Россией (Зименков 2020); анализу ключевых проблем и препятствий для развития экономических отношений России и ЕС (Исаченко, Медведкова 2019).

С 2020 г., начала пандемии COVID-19, протекционистский характер внешнеторговой политики США и ЕС усиливается. Возникают новые явления и тенденции во внешне-торговой политике названных экономик, которые оказывают (или могут оказать) непосредственное влияние на Россию и потому требуют отдельного исследования.

Протекционизм проявляется как в более активном применении уже известных, но ранее сравнительно редко применявшихся видов ограничений, так и в разработке относительно новых инструментов. В настоящей статье выделено четыре наиболее важных направления современного протекционизма США и ЕС в отношении России:

- 1) всплеск компенсационных расследований в США;
- 2) рассмотрение США вопроса отзыва рыночного статуса экономики России для целей проведения антидемпинговых расследований;

3) закрепление в официальном документе ЕС (в форме доклада) перечня «искажений» в экономике России для проведения защитных расследований и продолжения практики использования «нерыночных» методик;

4) экологический протекционизм (впрочем, относящийся не только к России) – планируемое ЕС введение пограничного корректирующего углеродного механизма.

Эти новые явления пока не получили достаточного освещения в отечественной научной литературе, а в зарубежной представлены фрагментарно, особенно применительно к России. В настоящей статье предпринята попытка на основе анализа первичной статистической информации и регуляторных источников восполнить этот пробел, выделить наиболее важные направления современного протекционизма США и ЕС в отношении России, его возможные последствия для отечественной экономики и пути реагирования нашей страны на новые вызовы.

За рамками данного исследования осталось такое важное проявление протекционизма, как применение США и отдельными странами Евросоюза различных ограничительных (в том числе санкционных) мер в отношении проекта магистрального газопровода «Северный поток – 2» из России в ЕС. Данный феномен начался до 2020 г., получил обширное освещение в научной литературе и находится на стыке экономики и политики, хотя, по мнению автора, мотивация США в данном случае носит во многом протекционистский характер и связана, прежде всего, со стремлением обеспечить своим компаниям долю на европейском рынке газа.

Всплеск компенсационных расследований США против России

С 2020 г. в США отмечается резкий рост числа компенсационных расследований в отношении российской продукции. Цель подобных расследований – доказать наличие субсидируемого импорта и обусловленного им ущерба национальной отрасли экономики (США), что даёт право ввести в отношении страны (России) компенсационную меру.

Американская сторона с 2020 г. начала пять компенсационных расследований, два из которых завершились введением компенсационных пошлин (см. Табл. 1). Речь идёт именно о всплеске подобных расследований, поскольку последний раз до 2020 г. такое расследование в отношении российской продукции (некоторые виды холоднокатаного плоского проката) проводилось США в 2015 г. и завершилось без введения меры.

Таблица 1. Компенсационные расследования США против России с 2020 г.
Table 1. US countervailing investigations against Russia since 2020

Товар	Дата начала расследования	Результат	Средний объём поставок в США, млн долл. США (оценки)
Фосфорные удобрения	16 июля 2020 г.	с 7 апреля 2021 г. – компенсационные пошлины на пять лет в размере 9,19 – 47,05 %	195,5
Бесшовные углеродистые и легированные трубы	28 июля 2020 г.	с 20 августа 2021 г. – компенсационные пошлины на пять лет в размере 48,38 %	34,0
Политетрафторэтилен в гранулах	17 февраля 2021 г.	расследование продолжается	15,7
Карбамидно-аммиачная смесь	20 июля 2021 г.	расследование продолжается	237,9
Нарезные трубы нефтяного сортамента	26 октября 2021 г.	расследование продолжается	132,5

Источники: составлено и рассчитано по Import injury investigations. URL: https://www.usitc.gov/investigations/import_injury; Реестр ограничительных мер. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/; Trade map. URL: <https://www.trademap.org/en/index.aspx> (accessed 10.09.2022).

Важная особенность компенсационных расследований состоит в том, что по сути они проводятся не столько в отношении производителя, сколько в отношении государства, поскольку именно оно может осуществлять субсидирование продукции компаний с помощью различных мер поддержки, влияя таким образом на формирующиеся на основе законов рынка конкурентные условия. При этом, например, демпинговая практика находится полностью в сфере ответственности компаний, которые принимают решение о её осуществлении.

По двум введённым компенсационным пошлинам – в отношении фосфорных удобрений и бесшовных труб – основные претензии американской стороны связаны с получением российскими производителями природного газа по ценам «ниже разумных», а также «льготных кредитов в банках с участием государства». При этом США не принимают во внимание естественные конкурентные преимущества России в виде относительно низких внутренних цен на сырьё, а участие государства в капитале банков используется как предлог для их обозначения в качестве государственных организаций.

Проблема и опасность компенсационных мер заключается в том, что, если одной стране удалось формально обосновать и доказать факт наличия субсидирования, то другие внешнеторговые партнёры могут пойти тем же путём и ввести аналогичные меры (при условии доказательства ущерба от такой практики). В таких обстоятельствах для России наиболее чувствительной может стать потеря не столько американского, сколько иных рынков, прежде всего, ЕС.

Особенность компенсационных, как и антидемпинговых, пошлин заключается в том, что их размер, как правило, столь высок, что делает экономически невыгодными поставки из страны, в отношении которой они применяются.

Кроме того, эти пошлины взимаются в дополнение к ввозным таможенным, установленным в таможенном тарифе государства или интеграционного объединения.

В результате пяти указанных компенсационных расследований под угрозой находится российский экспорт в США на сумму около 616 млн долл. ежегодно. Акцент был сделан именно на такого рода расследованиях, поскольку это достаточно неординарное событие: в международной торговле компенсационные меры применяются сравнительно редко, прежде всего, в силу трудностей доказывания наличия недобросовестной конкуренции на уровне государства. Так, по данным ВТО, в 2020 г. в мире применялось 24 компенсационные меры. Для сравнения, число другого вида мер защиты внутреннего рынка – антидемпинговых – составило 113¹.

Согласно последней доступной статистике ВТО, США в 2020 г. начато 30 компенсационных расследований в отношении третьих стран (в первую очередь, Китая). По имеющимся данным, это максимальный годовой показатель с 1995 г. Именно США обеспечили резкий прирост (на 53%) числа компенсационных расследований в мировом масштабе, которое достигло 55².

Такая динамика может быть связана, с одной стороны, с ухудшением общеэкономической конъюнктуры в 2020 г. в условиях распространения новой коронавирусной инфекции и спада экономики. Компании и государства стали искать новые способы ограничения иностранной конкуренции и поддержания собственной экономической активности.

С другой стороны, подобное развитие событий находится в русле долгосрочной тенденции роста протекционизма в мировом масштабе, прежде всего, со стороны США. Как отмечают немецкие исследователи К. фон Вайцзекер и Х. Крэмер, протекционистский вектор торговой политики США входит в повестку президента Д. Байдена (Weizsäcker, Krämer 2021: 271). Его предшественник Д. Трамп активно использовал доступ на внутренний рынок как инструмент торговой дипломатии, и Д. Байден не может себе позволить от него отказаться.

О рыночном статусе экономики России в США

Помимо компенсационных, США проводят в отношении России и гораздо более распространённые антидемпинговые расследования – преимущественно по различным видам металлургической, а также химической продукции.

В рамках одного из таких расследований (в отношении карбамидно-аммиачной смеси, начатого 20 июля 2021 г.) по заявлению американских производи-

¹ Subsidies and countervailing measures. WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/scm_e.htm (accessed 10.09.2022).

Anti-dumping. WTO. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/adp_e.htm (accessed 10.09.2022).

² Ibid.

телей Министерство торговли США подняло вопрос о лишении России статуса страны с рыночной экономикой. Речь идёт о статусе, в котором, с точки зрения законодательства США, страна рассматривается для целей проведения антидемпинговых расследований.

Подобное заявление, а также рассмотрение вопроса отзыва ранее присвоенного рыночного статуса на уровне государственного органа США является беспрецедентным. Рыночный статус, который имеет подавляющее большинство торговых партнёров США, означает, что в случае проведения антидемпингового расследования нормальная стоимость и, следовательно, демпинговая маржа (размер антидемпинговой пошлины) будут определяться на основе фактических данных по издержкам производства и ценам в стране.

При отсутствии такого статуса американская сторона исходит из предпосылки, что издержки производства и цены у торгового партнёра формируются не по законам рынка, а искусственно, при большем или меньшем вмешательстве государства в экономику. Соответственно, они, по мнению США, не объективны (по сути рассматриваются как заниженные), и возникает необходимость самостоятельно оценить, какой должна быть нормальная стоимость «в рыночных условиях». В таком случае нормальная стоимость рассчитывается на основе данных о ценах и издержках в третьей («суррогатной») стране. Подобные оценки приводят к завышению нормальной стоимости, демпинговой маржи и размеров антидемпинговых пошлин.

Текущий статус России как страны с рыночной экономикой в части антидемпингового законодательства США действует в соответствии с решением Министерства торговли США с 1 апреля 2002 г. В настоящее время в списке нерыночных экономик Министерства торговли США находятся ряд постсоветских республик – Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Вьетнам и Китай³.

В числе приводимых США аргументов в пользу лишения России статуса страны с рыночной экономикой назовём следующие:

- 1) государство в значительной степени владеет и управляет средствами производства;
- 2) государство управляет распределением ресурсов, решениями предприятий касательно установления цен и производства;
- 3) российский рубль не может свободно конвертироваться в валюту других стран;
- 4) ставки заработной платы в России не определяются на основе переговоров между наёмными работниками и руководством;

³ Countries currently designated by commerce as non-market economy countries. *International Trade Administration*. URL: <https://www.trade.gov/nme-countries-list> (accessed 10.09.2022).

5) государство ограничивает доступ иностранных инвесторов на российский рынок;

6) иные аргументы в пользу рассмотрения России в качестве страны с нерыночной экономикой (проблемы верховенства закона, коррупции; кибератаки и другие нарушения международных норм)⁴.

Участие в расследовании и качественная подготовка аргументов российской стороной (как бизнесом, так и государственными органами) в совокупности с явной предвзятостью претензий США позволили сохранить России рыночный статус. В докладе Министерства торговли США признано, что в настоящее время нет достаточных оснований для изменения рыночного статуса России. Однако отмечено, что американская сторона продолжит мониторинг рыночных реформ в экономике России для целей антидемпингового законодательства США⁵. Это означает, что вопрос с рыночным статусом России не закрыт окончательно. Американская сторона сохраняет за собой право использовать фактор роли государства в экономике России как основание для возможного ограничения российского экспорта. Нельзя исключать, что по прошествии определённого времени в будущем в рамках одного из антидемпинговых расследований США снова предпримут попытку отзыва рыночного статуса российской экономики.

Реализация подобной инициативы означала бы игнорирование естественных конкурентных преимуществ России и несправедливое установление антидемпинговых пошлин. Более того, принятое в рамках одного расследования решение относительно нерыночного статуса будет распространяться на все другие расследования. Таким образом, гораздо проще становится «насчитать» России демпинг практически по любому товару, при производстве которого используются относительно дешёвое отечественное сырьё (прежде всего, энергоносители). Это может поставить под угрозу значительную часть российского экспорта в США (см. Рис. 1).

В первую очередь это касается металлургической продукции и удобрений – товаров, наиболее часто подпадающих под защитные меры в международной торговле. Их совокупный экспорт в США в среднем за 2018–2020 гг. оценивался в 2,8 млрд долл. Впрочем, и по любым другим товарам становится легче найти признаки демпинга и ввести пошлины при условии установления обусловленного им ущерба отрасли экономики США. Одновременно и ранее введённые меры могут подвергнуться пересмотру в направлении ужесточения.

⁴ Petitions for the Imposition of Antidumping and Countervailing Duties on behalf of CF Industries Nitrogen LLC; Terra Nitrogen, Limited Partnership; and Terra International (Oklahoma) LLC. *International Trade Administration*. P. 7-27. URL: <https://access.trade.gov/public/home.aspx> (accessed 10.09.2022).

⁵ Review of Russia's Status as a Market Economy Country, 2021, October 29. *International Trade Administration*. URL: <https://access.trade.gov/public/home.aspx> (accessed 10.09.2022).

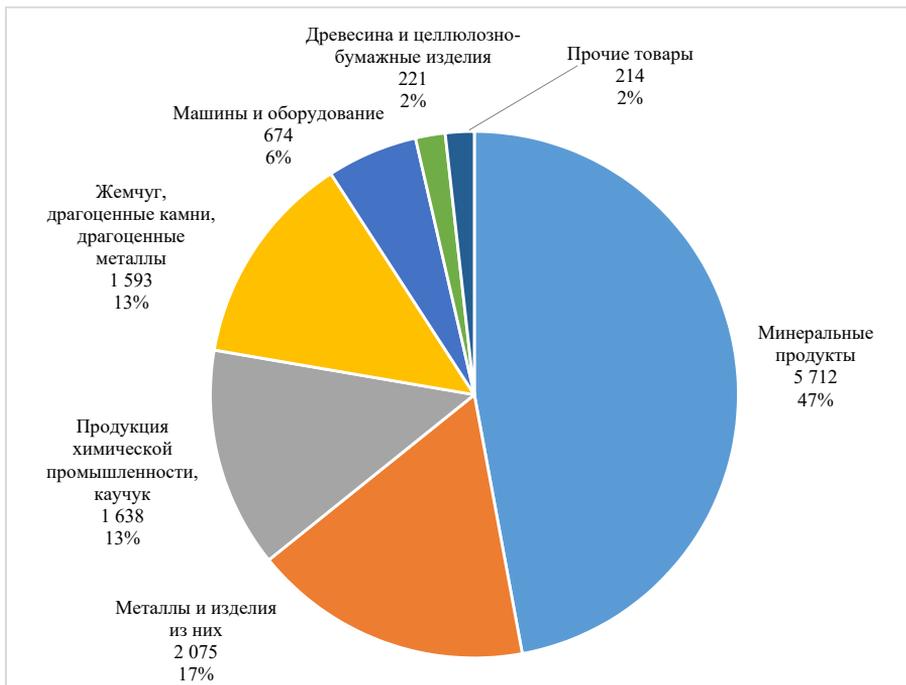

Рисунок 1. Товарная структура экспорта России в США (усреднённые данные за 2018–2020 гг.)⁶, млн долл. США; % от совокупного экспорта в США

Figure 1. Commodity structure of Russian exports to the United States (averaged data for 2018–2020), USD million; % of total US exports

Источник: составлено и рассчитано по Trade map. URL: <https://www.trademap.org/en/index.aspx> (accessed 10.09.2022).

Опыт Китая показывает, что после введения антидемпинговых пошлин при наличии нерыночного статуса объёмы экспорта падают в среднем на 65%, а в случае рыночного статуса – на 55% (Sandkamp, Yalcin 2021: 1137). Вместе с тем нередко антидемпинговые пошлины носят запретительный характер, в этом случае их дальнейшее повышение, вероятно, принципиально не поменяет условия доступа на рынок.

Ещё одним элементом современного протекционизма США, связанным с фактором нерыночности, но выходящим за рамки антидемпинговых расследований, является новое преференциальное торговое соглашение ЮСМКА с Мексикой и Канадой, вступившее в силу в 2020 г. В статье 32.10 этого

⁶ Здесь и далее взяты усреднённые показатели за 2018–2020 гг. как наиболее репрезентативные для получения представления об объёмах торговли; 2020 г. отдельно не рассматривался, поскольку все основные экономические (в том числе торговые) показатели сократились и находились на рекордно низком уровне вследствие распространения новой коронавирусной инфекции и её влияния на экономику.

документа⁷ предусматривается обязательство заблаговременно сообщать участникам ЮСМКА о намерении начать переговоры о заключении соглашения о свободной торговле с нерыночной страной, а также представить участникам ЮСМКА для изучения планируемое к подписанию соглашение с такой страной. В свою очередь другие участники ЮСМКА имеют право прекратить его действие в отношении того, кто заключил соглашение о свободной торговле с нерыночной страной.

Можно согласиться с тем, что статья 32.10 имеет цель прежде всего ограничить возможности Канады и Мексики заключать соглашения о свободной торговле с «нерыночным» Китаем (Комкова 2020: 55). Вместе с тем с учётом попытки США лишить Россию статуса страны с рыночной экономикой указанная статья потенциально может затронуть и нашу страну. Пока вопрос о заключении соглашения о свободной торговле Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Канадой или Мексикой не рассматривался и вряд ли возможен в обозримой перспективе, прежде всего, в силу политических причин.

«Искажения» в экономике России в представлении ЕС

Евросоюз, крупнейший торговый партнёр России, также использует аргумент «нерыночности» для проведения антидемпинговых расследований. В этом заключается важнейшая общая черта европейского и американского протекционизма.

При этом практика ЕС в данном отношении является более давней и обширной. Не признавая напрямую «нерыночность» российской экономики, ЕС исходит из предпосылки о том, что внутренние цены на энергоносители в России формируются не на рыночных основаниях, а под влиянием государства, тем самым отрицая естественные конкурентные преимущества. Под этим предлогом ЕС в рамках антидемпинговых расследований применяет методологию энергокорректировок. Нормальная стоимость товара, основанная на издержках производства, пересчитывается путём искусственной корректировки цен на энергоносители, использованные при производстве товара, в сторону повышения до «рыночного», по мнению ЕС, уровня. В итоге размер демпинговой маржи и антидемпинговых пошлин завышается.

Новым протекционистским шагом ЕС стала публикация 22 октября 2020 г. доклада Европейской комиссии (ЕК) «О существенных искажениях в экономике Российской Федерации для целей защитных расследований»⁸, подготовленного

⁷ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20 Text. *Office of the United States Trade Representative*. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (accessed 10.09.2022).

⁸ On significant distortions in the economy of the Russian Federation for the purposes of trade defence investigations. *European Commission*. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/october/tradoc_158997.pdf (accessed 10.09.2022).

в рамках обновлённого законодательства ЕС (Регламент от 12 декабря 2017 г. № 2017/2321)⁹ по применению антидемпинговых мер. По новым правилам при наличии на рынке экспортирующей страны существенных искажений, которые не позволяют использовать цены и издержки данной страны для определения нормальной стоимости, последняя будет определяться исключительно на основе «неискажённых» издержек и цен.

Кроме того, в случае наличия обоснованных признаков возможных существенных искажений ЕК может подготовить и выпустить доклад с описанием ситуации на рынке страны или в отдельной отрасли. Цель такого доклада заключается в том, чтобы, с одной стороны, охарактеризовать рыночные обстоятельства, имеющиеся в стране или отрасли экономики, а с другой – упростить европейским производителям возможность инициирования антидемпинговых расследований. В указанном Регламенте прямо указано, что отрасль экономики ЕС может использовать доказательства, содержащиеся в таком докладе, для обоснования расчёта нормальной стоимости.

В день вступления в силу обновлённого антидемпингового законодательства ЕС, 20 декабря 2017 г., ЕК выпустила первый доклад, посвящённый существенным искажениям в экономике Китайской Народной Республики¹⁰, и анонсировала подготовку доклада по Российской Федерации¹¹.

Доклад об «искажениях» в экономике России содержит описание и анализ особенностей функционирования и мер государственного регулирования в различных сферах национальной экономики. По отдельным отраслям приводится анализ программ поддержки и развития, экспортных ограничений (при наличии). Подробный анализ доклада и его соответствия правилам ВТО представлен в российской литературе (Смбатян 2020).

По сути, доклад об «искажениях» в экономике России закладывает основу для игнорирования фактических данных (издержек, цен) российских экспортёров и установления завышенных антидемпинговых пошлин. Речь идёт о дополнительной основе, поскольку и ранее, до публикации доклада и обновления антидемпингового законодательства Еврокомиссия применяла методику «энергокорректировок», то есть аналогичным образом под предлогом наличия «искажений» в отдельных секторах экономики не принимала предоставленные российскими производителями данные, основанные на стоимости сырья (при-

⁹ Regulation (EU) 2017/2321 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2017 amending Regulation (EU) 2016/1036 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union and Regulation (EU) 2016/1037 on protection against subsidised imports from countries not members of the European Union. *EUR-lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/> (accessed 10.09.2022).

¹⁰ On significant distortions in the economy of the People's Republic of China for the purposes of trade defence investigations. *European Commission*. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/december/tradoc_156474.pdf (accessed 10.09.2022).

¹¹ EU puts in place new trade defence rules. *European Commission*. URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1774&title=EU-puts-in-place-new-trade-defence-rules> (accessed 10.09.2022).

родного газа). Например, такая методика была использована в рамках антидемпинговых расследований в отношении российского нитрата аммония (аммиачной селитры) и сварных труб.

Примечательно, что в рамках спора России с ЕС третейская группа ВТО пришла к выводу, что в ходе изначальных расследований в отношении указанных товаров были допущены нарушения в части применения методики «энергокорректировок». Третейская группа ВТО призвала ЕК привести указанные меры в соответствие с нормами ВТО (что фактически должно означать их пересмотр, результатом которого может стать их отмена).

Со своей стороны, Евросоюз принял решение обжаловать в апелляционном органе ВТО выводы третейской группы, что даёт право отложить исполнение указанного решения. При этом деятельность Апелляционного органа ВТО с декабря 2019 г. фактически приостановлена на неопределённый срок из-за позиции США, которые заблокировали назначение в него новых членов. Таким образом, ЕС противоречит собственным призывам к другим членам ВТО не обращаться в неработающий Апелляционный орган ВТО и пытается избежать исполнения решения третейской группы, подав так называемую апелляцию «в пустоту»¹². Подобные действия служат дополнительным свидетельством протекционистского характера внешнеторговой политики ЕС в отношении России. Кроме того, ЕС обратился в ВТО с жалобой по поводу отдельных мер, принятых Россией в рамках политики импортозамещения; 20 декабря 2021 г. учреждена третейская группа для рассмотрения спора¹³.

В случае более активного использования Евросоюзом инструментов антидемпинговых и компенсационных мер по примеру США под угрозу подпадает также российский экспорт металлургической продукции и удобрений, только речь идёт о больших в разы цифрах (см. Рис. 2).

В структуре российского экспорта в ЕС 79% приходится на минеральные продукты, в получении которых по самым низким ценам данное интеграционное объединение заинтересовано и по которым ограничительные меры маловероятны. В абсолютном выражении экспорт металлургической продукции и удобрений в ЕС значителен и в среднем за 2018–2020 гг. оценивался в 14,8 млрд долл. (32% общего экспорта этих товаров во все страны), что в 5,3 раза больше, чем в США.

При наличии формальных оснований возможно введение антидемпинговых мер и по иным товарам.

¹² ЕС воспользовались кризисом Апелляционного органа ВТО, чтобы не исполнять решение по «энергокорректировкам». *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://economy.gov.ru/material/press/official_position/es_vospolzovalis_krizisom_apellyacionnogo_organa_vto_chtoby_ne_ispolnyat_reshenie_po_energokorrekcirovkam.html (дата обращения: 10.09.2022).

¹³ WTO panels to review Russian procurement measures, Dominican duties. *WTO*. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news21_e/dsb_20dec21_e.htm (accessed 10.09.2022).

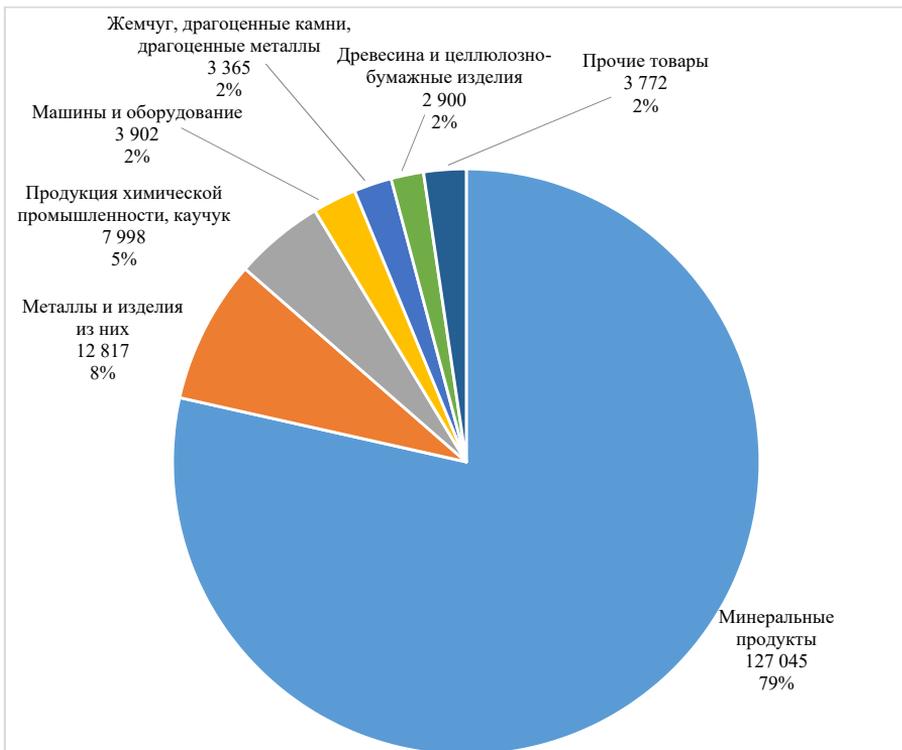

Рисунок 2. Товарная структура экспорта России в ЕС (усреднённые данные за 2018–2020 гг.), млн долл. США; % от совокупного экспорта в США

Figure 2. Commodity structure of Russian exports to the EU (averaged data for 2018–2020), USD million; % of total US exports

Источник: составлено и рассчитано по Trade map. URL: <https://www.trademap.org/en/index.aspx> (accessed 10.09.2022).

Пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ) как новое проявление экологического протекционизма ЕС

Важная особенность современного протекционизма, применяемого в том числе против России, заключается в расширении практики использования целей защиты окружающей среды как предлога для введения ограничительных мер в торговле и поддержки собственных производителей. Среди партнёров России этим отличается в первую очередь Европейский союз.

Совершенно новый, планируемый инструмент экономической политики ЕС – пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ) – может оказать ещё большее ограничительное воздействие на российский экспорт, чем прочие получившие распространение в последнее время меры, в том числе антидемпинговые и компенсационные. Проект документа, в котором предла-

гаются введение ПКУМ, Европейская комиссия опубликовала 14 июля 2021 г.¹⁴. Данный механизм будет представлять собой сбор с импортируемой ЕС продукции на основе объёма парниковых газов, выделенных при производстве этой продукции. ПКУМ призван уравнивать меры климатического регулирования в отношении внутренних и внешних производителей продукции, продаваемой на рынке ЕС, с целью предотвращения «утечки углерода» (*carbon leakage*). Декларируемая цель ПКУМ состоит в противодействии изменению климата посредством предотвращения выбросов углерода не только в ЕС, но и за его пределами. Однако ряд аргументов заставляют расценивать ПКУМ, прежде всего, как меру протекционизма.

Экономика ЕС больше других центров мирового хозяйства пострадала от последствий, вызванных пандемией коронавирусной инфекции. Реальный ВВП в 2020 г. сократился на 5,8% по сравнению с его снижением на 3,5% в США, на 3,4% по миру в целом, на 3,0% в России¹⁵. Именно в период коронакризиса ускорилась работа по ПКУМ и ЕК опубликовала соответствующий документ.

Одновременно необходимо отметить, что в ЕС проблемы экономического роста и поиска его новых источников не ограничиваются периодом 2020-2021 гг., а имеют более давнюю историю. Второе десятилетие XXI в. для экономики ЕС по праву можно назвать «потерянным» (Сидоров 2021). На этом фоне коронакризис, по-видимому, послужил катализатором для выработки решений по ПКУМ, являющемуся основой стратегии Зелёной сделки ЕС, которая может дать импульс развитию энергетики и промышленности объединения. Данный механизм также во многом мотивирован соображениями пополнения Общего бюджета ЕС (Сидорова 2021: 148, 171), особенно после выхода Великобритании из состава ЕС.

Экономика ЕС лишена естественных конкурентных преимуществ, связанных с энергоносителями и промышленным сырьём в целом. В частности, импортные цены на газ в ЕС втрое выше внутренних американских, а стоимость электроэнергии в ЕС вдвое выше американской¹⁶. Существенно больше в этом отношении разрыв с Россией.

ПКУМ, таким образом, будет поддерживать европейских производителей на внутреннем рынке в конкуренции с зарубежными, обладающими более низкими издержками, поскольку последние будут вынуждены платить сбор за углеродоёмкость собственного производства, а первые используют более дорогие, но экологичные технологии и сырьё. Такая ситуация порождает вопрос о соответствии данного механизма базовым принципам ВТО.

¹⁴ Carbon Border Adjustment Mechanism. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/green-taxation-0/carbon-border-adjustment-mechanism_en (accessed 10.09.2022).

¹⁵ *World Development Indicators*. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 10.08.2022).

¹⁶ Clark P. 2014. Energy price gap with the US to hurt Europe for 'at least 20 years'. *Financial Times*. 29.01.2014. URL: <https://www.ft.com/content/80950dfe-8901-11e3-9f48-00144feab7de> (accessed 10.09.2022)

Можно провести определённую параллель между ПКУМ и практикой энергокорректировок ЕС в антидемпинговых расследованиях. ПКУМ основан на похожей логике, что энергетическое сырьё, используемое экспортёром конечной продукции, должно по стоимости соответствовать уровню ЕС или другой развитой экономики, следовательно, и уровень цен конечной продукции должен быть сопоставимым. По сути ПКУМ выступает средством корректировки стоимости сырья и конечной продукции в сторону повышения, но не в рамках расследования, а непосредственно в рамках внешней торговли.

Дополнительным преимуществом для ЕС от ПКУМ будет снижение стимулов для переноса производств в страны с мягким экологическим регулированием, поскольку такие компании при ввозе продукции на рынок объединения должны будут уплачивать сбор. Соответственно, стимулируется сохранение или организация таких производств в ЕС, а, следовательно, и рост ВВП, то есть имеет место поддержка собственной экономики.

На первом этапе ПКУМ затронет экспорт в ЕС цемента, электроэнергии, удобрений, продукции чёрной металлургии, алюминия и изделий из него. С 2023 г. будет введена обязательная отчётность для экспортёров о выбросах углерода, а с 2026 г. будет взиматься углеродный сбор в форме покупки импортёрами необходимого количества сертификатов ПКУМ.

По данным таможенной статистики, в среднем за 2018–2020 гг. экспорт российских товаров, подпадающих под ПКУМ, составил 9,4 млрд долл., что эквивалентно 28,5% российского экспорта соответствующей продукции (см. Табл. 2). Максимальный объём российских поставок в ЕС приходится на продукцию чёрной металлургии (5,0 млрд долл.). При этом наибольшая доля ЕС в российском экспорте указанных видов продукции приходится на электроэнергию (65,2%).

Оценки финансовых потерь российских экспортёров от ПКУМ варьируются и основаны на цене квот на выбросы в ЕС парниковых газов. По данным консалтинговой компании VCG, годовые издержки импортёров российской продукции от ПКУМ к 2030 г. могут достигнуть 3,5–6,3 млрд долл. США. Консалтинговая компания KPMG оценила среднегодовую финансовую нагрузку в связи с ПКУМ в отношении импорта российских товаров в размере 1,55–3,41 млрд евро в 2026–2035 гг.¹⁷ (при пересчёте по курсу за 2020 год – 1,36–2,99 млрд долл. США). Следует ожидать увеличения размеров такой нагрузки с течением времени в связи с предполагаемым ростом цены квот на выбросы углерода.

Если сопоставить приведённые оценки со средней стоимостью поставок подпадающих под ПКУМ товаров за 2018–2020 гг., то есть рассчитать дополнительную финансовую нагрузку в адвалорном эквиваленте ввозной таможенной пошлины, то получается ставка в диапазоне 37,1–66,8% по сценарию VCG и

¹⁷ Ткачёв И. 2021. Эксперты изменили оценку потерь для России от углеродного налога ЕС. *РБК*. 06.08.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2021/610beca39a79474b026be65f> (дата обращения: 10.09.2022).

14,4–31,7% по сценарию KPMG. Такой размер пошлин носит как минимум ограничительный, а скорее – запретительный характер. Соответственно, ущерб для России может проявиться не только в дополнительных издержках для экспортеров, но для отдельных компаний – и в уходе с рынка, прекращении поставок, которые могут стать нерентабельными.

Таблица 2. Экспорт России в ЕС товаров, подпадающих под ПКУМ (усреднённые данные за 2018–2020 гг.)

Table 2. Russian exports to the EU of goods subject to CBAM (averaged data for 2018–2020)

Товар	Экспорт в ЕС, млн долл. США	% от совокупного экспорта в ЕС	% от экспорта данной продукции во все страны
Цемент	3,0	0,002	3,7
Электроэнергия	481,0	0,3	65,2
Удобрения	2 094,7	1,3	30,5
Продукция чёрной металлургии	4 983,2	3,1	25,2
Алюминий и изделий из него	1 868,0	1,2	33,2
Итого	9 429,9	5,8	28,5

Источник: составлено и рассчитано по Carbon Border Adjustment Mechanism. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/green-taxation-0/carbon-border-adjustment-mechanism_en; Trade map. URL: <https://www.trademap.org/en/index.aspx> (accessed 10.09.2022).

Негативные последствия ПКУМ для России не ограничиваются взиманием денежного сбора с компаний; возможно возникновение дополнительных административных барьеров для доступа на рынок ЕС, связанных с процедурами проверки выбросов углерода предприятиями. Речь идёт о возможных временных затратах на прохождение таких процедур либо о затратах денежных, если проверку будут осуществлять сторонние организации.

Наиболее дискуссионный вопрос связан с влиянием ПКУМ на экономический рост России и с целесообразностью реализации аналогичной ЕС стратегии по снижению углеродоёмкости экономики. Ряд исследователей расценивает ПКУМ как возможность для технологической перестройки российской экономики, внедрения возобновляемых источников энергии (ВИЭ), усиления экологической составляющей политики во всех сферах жизни (Piskulova 2021; Соколов 2021). Не оспаривая возможные положительные последствия ПКУМ, необходимо посмотреть на этот вопрос и с другой стороны.

В нынешнем виде ПКУМ выглядит скорее как навязывание Евросоюзом другим странам своего стратегического видения и своих целей социально-экономической политики. Новый инструмент, оказывающий непосредственное влияние на внешнюю торговлю, вводится в одностороннем порядке в условиях функционирования многосторонней торговой системы. В краткосрочной пер-

спективе ПКУМ окажет скорее сдерживающее влияние на экономический рост России, поскольку приведёт к снижению экспорта, из которого только часть сможет найти сбыт на других рынках – при благоприятной конъюнктуре.

Относительно средне- и долгосрочной перспективы необходимо понимать, что затраты на адаптацию экономики России к новым условиям весьма высоки. Высоки они и в самом ЕС при том, что в течение длительного периода времени там осуществлялись активные инвестиции в ВИЭ, чья доля в энергопотреблении достигла 2019 г. 19,7% (в том числе 56,4% в Швеции, 43,1% в Финляндии, 41% в Латвии)¹⁸. В России в условиях низких цен на традиционные энергоносители целесообразность такой кардинальной перестройки экономики неочевидна, в отличие от ЕС, где подобный путь развития практически безальтернативен. Перед Россией стоят более приоритетные и финансово затратные задачи социально-экономического развития, такие, например, как создание конкурентоспособной обрабатывающей промышленности, строительство современной инфраструктуры, развитие науки и техники, повышение уровня жизни населения. Научно-технический прогресс нельзя отождествлять с развитием ВИЭ, поскольку второе – лишь одна из многих составляющих первого. Многочисленные вложения в снижение углеродоёмкости экономики России могут не оправдать себя, существенно сократив при этом возможности по финансированию других сфер.

С приходом президента Д. Байдена США стали уделять больше внимания климатической повестке, в том числе с учётом курса ЕС на снижение углеродоёмкости экономики. В частности, 8 декабря 2021 г. подписан президентский указ, направленный на стимулирование использования экологически чистой энергии, обязывающий правительство к 2050 г. достичь нулевого уровня выбросов парниковых газов¹⁹. В стране также рассматривалась возможность введения ПКУМ по аналогии с ЕС, однако пока определённого решения не принято. Обеспеченность традиционными энергоносителями в США существенно выше, чем в ЕС, а ужесточение экологических стандартов может ослабить американские позиции в конкуренции с Китаем. Возможные потери России в случае введения США ПКУМ (в зависимости от его параметров) только предстоит оценить. Если рассматривать исключительно российский экспорт в США, то с учётом его объёмов очевидно, что ущерб будет меньше, чем от применения ПКУМ в ЕС.

Ущерб может возрасти в случае применения как ЕС, так и США углеродного регулирования к отдельным составляющим глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) с участием России, то есть, например, к экспортируемой други-

¹⁸ What is the share of renewable energy in the EU? *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-4c.html> (accessed 10.09.2022).

¹⁹ Federal Sustainability Plan. *Office of the Federal Chief Sustainability Officer*. URL: <https://www.sustainability.gov/federal-sustainability-plan/index.html> (accessed 10.09.2022).

ми странами конечной продукции, при производстве которой использовались отечественные углеродоёмкие полуфабрикаты. При таком сценарии возможно снижение российского экспорта в другие страны, а в самом неблагоприятном случае – снижение участия России либо её вытеснение из отдельных ГЦСС.

* * *

На основе проведённого анализа можно выделить две ключевые особенности современного протекционизма в отношении России со стороны ведущих развитых центров мирового хозяйства.

Первая особенность заключается во всё более активном задействовании фактора роли государства в экономике в качестве предлога для введения или ужесточения ограничительных мер в отношении России. Этот протекционистский приём используется и США, и ЕС в рамках как компенсационных, так и антидемпинговых расследований.

Вторая особенность заключается в усилении экологического протекционизма, попытках под предлогом защиты окружающей среды ограничить конкуренцию на рынках промышленной продукции и навязать России (и остальным партнёрам) своё видение приоритетов социально-экономического развития.

В связи с вышесказанным представляются следующие возможные пути реагирования России на данные вызовы.

Смягчение протекционистского вектора внешнеторговой политики США и ЕС зависит от возможностей и готовности России противодействовать соответствующим практикам на площадке ВТО в кооперации с другими странами. К таким странам относятся, прежде всего, Китай и Индия, перед которыми стоят приоритетные задачи обеспечения экономического роста и повышения уровня жизни населения, а также нефтедобывающие страны Персидского залива. Главным условием для реализации этого пути является укрепление авторитета ВТО, изрядно подорванного в последние годы, в том числе из-за провала Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров. На данном этапе кооперация с другими странами возможна преимущественно в формате консультаций и заявлений в рамках профильных комитетов ВТО, поскольку механизм разрешения споров задействуется уже после вступления в силу соответствующих ограничительных мер США и/или ЕС.

России также необходимо найти ответные экономические рычаги для выстраивания торговых отношений с США и ЕС в складывающихся условиях, например, в сфере тех же защитных мер. В ЕС против России применяется 10 антидемпинговых мер, в то время как в ЕАЭС против ЕС – лишь одна. В ЕАЭС нет ни одной действующей антидемпинговой меры против США, а также ни одной компенсационной меры.

Ещё одним возможным направлением ответных действий является исследование экономик ЕС и США на предмет наличия рыночных искажений в целях упрощения инициирования российскими производителями антидемпинговых

и компенсационных мер. Соответствующий вопрос в отношении ЕС уже прорабатывается Евразийской экономической комиссией, заказана научно-исследовательская работа на данную тему²⁰. В числе прочего планируется проанализировать финансовый сектор ЕС, энергетику (включая ВИЭ) и иные отрасли на предмет наличия рыночных искажений, а также разработать подходы к оценке влияния выявленных искажений на цены и издержки производства в ЕС.

Поиск рыночных искажений в экономике ЕС, безусловно, представляет собой оригинальный подход к возможному реагированию на европейский протекционизм. Вместе с тем в случае появления доказательств их наличия в экономике ЕС для использования в расследованиях ЕАЭС может потребоваться изменение действующих правил применения мер защиты внутреннего рынка.

Об авторе:

Алексей Александрович Сидоров – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России, начальник отдела Департамента аналитического сопровождения внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития России. E-mail: alexey.sidorov@live.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.9
Received: December 10, 2021
Accepted: August 10, 2022

Features of the Modern Protectionism of the USA and the EU towards Russia

A.A. Sidorov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101)

Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University)

Abstract: The article examines the current trends and features of US and EU protectionism towards Russia, its possible consequences and ways of response. Protectionism has been

²⁰ О проведении открытого конкурса на право заключения договора на выполнение научно-исследовательской работы для официального использования Евразийской экономической комиссией по теме «Первый этап анализа наличия искажений в экономике Европейского союза». *Евразийская экономическая комиссия*. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/auction/Documents/2020/K_917.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

increasing since 2020, which is manifested in the intensification of the use of existing instruments and the development of the new ones.

The article analyzes possible consequences of the spike in countervailing investigations by the US against Russia. The author highlights possible application of similar restrictive measures by other partners as an additional risk. An unprecedented event is the US Department of Commerce review of Russia's status as a market economy country for purposes of antidumping duty investigations. Non-market economy status expands the capabilities of the US to "overcount" dumping and impose duties, thus impeding the activity of Russian companies on foreign markets. The US acknowledged for now that there does not exist a sufficient degree of evidence to justify a change in Russia's market economy designation, nevertheless, one cannot rule out such attempts in the future.

In the EU context, the practice of energy adjustments, which results in overstated production costs, normal value and anti-dumping duties for Russian goods, is continued. A new protectionist step is the publication of the report "On significant distortions in the economy of the Russian Federation for the purposes of trade defence investigations", which lays an additional basis for the continuation and strengthening of restrictive measures. The article analyzes a new instrument of environmental protectionism, the EU's carbon border adjustment mechanism, a levy on imported products based on the embedded CO₂ emissions. The measure will affect important positions of the Russian exports – cement, electricity, fertilizers, iron & steel and aluminum. The mechanism can be considered an attempt to make up for the EU's lack of natural competitive advantages in mineral raw materials and to impose its vision of economic policy goals on the rest of the world.

In conclusion, the author highlights features of American and European protectionism towards Russia – active employment of the role of the state in the economy factor as well as environmental factor as pretexts for introducing or tightening restrictive measures.

The main ways of Russia's response to new challenges can be the use of the WTO platform in cooperation with other countries, the search for new economic levers in relations with the partners (including application of trade defence measures), the detection of possible market distortions in the EU and the US for possible use in EAEU investigations.

Keywords: protectionism, foreign trade, USA, EU, countervailing measures, anti-dumping measures, market economy status, cost adjustment methodologies, distortions, carbon border adjustment mechanism.

About the author:

Alexey A. Sidorov – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs of N.N. Liventsev, MGIMO University; Head of the Division of the Department for Foreign Economic Activity Coverage, Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Desai P., Feinberg R. 2020. Are US Antidumping Cases Being Crowded out by Other Forms of Protectionism? *Journal of International Trade Law and Policy*. 19(1). P. 1-7. DOI: 10.1111/1467-923X.12709.

Metiu N. 2021. Anticipation Effects of Protectionist U.S. Trade Policies. *Journal of International Economics*. Vol. 133. P. 1-21. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103536.

Piskulova N. 2021. The European Green Deal: Risks and Opportunities for the EU and Russia. *Russian International Affairs Council*. April 21. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytically-and-comments/analytically/the-european-green-deal-risks-and-opportunities-for-the-eu-and-russia/>.

Sandkamp A., Yalcin E. 2021. Different Antidumping Legislations within the WTO: What Can we Learn from China's Varying Market Economy Status? *Review of International Economics*. 29(7). P. 1121–1147. DOI: 10.1111/roie.12538.

Weizsäcker C., Krämer H. 2021. *Saving and Investment in the Twenty-First Century. The Great Divergence*. Springer. 344 p. DOI: 10.1007/978-3-030-75031-2.

Whalley J., Li C. 2020. Trade protectionism and US manufacturing employment. *Economic Modelling*. Vol. 96. P. 353–361. DOI: 10.1016/j.econmod.2020.03.017.

Williams N. 2019. The Resilience of Protectionism in U.S. Trade Policy. *Boston University Law Review*. 99(2). P. 683–719.

Wraight T. 2019. From Reagan to Trump: The Origins of US Neoliberal Protectionism. *The Political Quarterly*. 90(4). P. 735–742. DOI: 10.1111/1467-923X.12709.

Yalcin E., Steininger M. 2018. Weltweite ökonomische Folgen einer zunehmend protektionistischen US-Handelspolitik. *IFO Schnelldienst*. 71(4). S. 30–38. (In German)

Davydov A. 2019. Torgovaia politika administratsii Trampa [President Trump's Trade Policy]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. №10. P. 40–53. DOI: 10.31857/S032120680006804-8. (In Russian)

Dmitriev S. 2020. Protekcionistskij vektor torgovoj politiki administratsii Trampa [Protectionist Vector of Trump Administration Trade Policy]. *World Economy and International Relations*. 64(2). P. 15–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-15-23. (In Russian)

Fedyakina L., Tinkova A. 2020. Vneshnetorgovaia politika SShA kak instrument zashchity natsional'nykh interesov [US Foreign Trade Policy as a Tool for Protecting National Interests]. *RUDN Journal of Economics*. 28(4). P. 842–857. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857. (In Russian)

Isachenko T., Medvedkova I. 2019. Rossiia – ES: torgovoe regulirovanie kak osnova perspektiv dvustoronnego sotrudnichestva [Russia – EU: Trade Regulation as a Future of Bilateral Relations]. *Contemporary Europe*. №3. P. 92–103. DOI: 10.15211/soveurope3201992103. (In Russian)

Komkova E. 2020. Soglashenie SShA – Meksika – Kanada na finishnoi priamoi [United States-Mexico-Canada Agreement at the Finish Line]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(4). P. 42–57. DOI: 10.31857/S268667300008878-5. (In Russian)

Revenko L., Revenko N. 2019. «Sdelano v SShA»: amerikanskii opyt stimulirovaniia ekonomiki [«Made in the USA»: American Experience in Stimulating the Economy]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 49(9). P. 15–36. DOI: 10.31857/S032120680006295-8. (In Russian)

Sidorov A. 2021. Kon"iunktura evrozony: itogi razvitiia za 20 let [Eurozone General Business Situation: Results of 20 Years]. *World Economy and International Relations*. 65(6). P. 86–94. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-86-94. (In Russian)

Sidorova E. 2021. *Fiskal'naiia integratsiia v Evropeiskom soiuze* [Fiscal Integration in the European Union]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". 200 p. (In Russian).

Smbatyan A. 2020. Novelty antidempingovoi politiki ES v svete pravil VTO [Novelties in EU Anti-Dumping Policy and WTO Rules]. *Russian Foreign Economic Journal*. №11. P. 16–35. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10109. (In Russian)

Sokolov M. 2021. Strategii Rossii po vvedeniju transgranichnogo uglernodnogo regulirovaniya v ES [Russia's Strategy for the Introduction of Cross-Border Carbon Regulation in the EU]. *Geoeconomics of Energetics*. 15(3). P. 84–97. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_84. (In Russian)

Zimenkov R. 2020. Torgovo-ekonomicheskie otnosheniia SShA so stranami BRIKS [Trade and Economic Relations between USA and BRICS Countries]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(8). P. 52–69. DOI: 10.31857/S268667300010628-0.

Список литературы на русском языке:

Давыдов А.Ю. 2019. Торговая политика администрации Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. №10. С. 40–53. DOI: 10.31857/S032120680006804-8.

Дмитриев С.С. 2020. Протекционистский вектор торговой политики администрации Трампа. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(2). С. 15–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-15-23.

Зименков Р.И. 2020. Торгово-экономические отношения США со странами БРИКС. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(8). С. 52–69. DOI: 10.31857/S268667300010628-0.

Комкова Е.Г. 2020. Соглашение США – Мексика – Канада на финишной прямой. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(4). С. 42–57. DOI: 10.31857/S268667300008878-5.

Исаченко Т.М., Медведкова И.А. 2019. Россия – ЕС: торговое регулирование как основа перспектив двустороннего сотрудничества. *Современная Европа*. №3. С. 92–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3201992103>.

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. 2019. «Сделано в США»: американский опыт стимулирования экономики. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 49(9). С. 15–36. DOI: 10.31857/S032120680006295-8.

Сидоров А.А. 2021. Конъюнктура еврозоны: итоги развития за 20 лет. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(6). С. 86–94. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-86-94.

Сидорова Е.А. 2021. *Фискальная интеграция в Европейском союзе*. ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Москва: Издательство «Весь мир». 200 с.

Смбатян А.С. 2020. Новеллы антидемпинговой политики ЕС в свете правил ВТО. *Российский внешнеэкономический вестник*. №11. С. 16–35. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10109.

Соколов М.М. 2021. Стратегии России по введению трансграничного углеродного регулирования в ЕС. *Геоэкономика энергетики*. 15(3). С. 84–97. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_84.

Федякина Л.Н., Тинькова А.А. 2020. Внешнеторговая политика США как инструмент защиты национальных интересов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 28(4). С. 842–857. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857.

Business Incubators in Russia: 2020 Survey in International Comparative Perspective

M.A. Slesarev

Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University)

Abstract: Small innovative and venture enterprises face significant financial and managerial difficulties in the early stages of their development, which makes it necessary to provide them with sufficient support at the start. Different governments choose different ways to solve this problem. In Russia, in the 2010s, an emphasis was made on creating business incubators as SME support infrastructure and key players (as well as a potential driver) of regional entrepreneurial ecosystems. Nevertheless, the latest official data shows that the number of business incubators in Russia has gradually declined over the past five years, making it a critical phenomenon to analyze. We conducted a comprehensive survey among a selection of Russian business incubators.

Comparing the world BI average characteristics (secondary data from InBIA, International Business Innovation Association) and UBI Global (the data obtained through Surveys conducted in 2012, 2016, and 2020) helps us understand the actual state and dynamics of business incubation in Russia. The surveys contain a wide range of questions covering essential aspects of business incubators' activities, including BI program, clients, environment, effectiveness, and finance.

The study shows that business incubators in Russia have undergone several external positive changes, including increased square space, staff quantity, the average annual number of residents, the annual budget, etc. At the same time, the total number of business incubators also significantly dropped, which means that all of the above positive changes do not reflect the growth of the business incubation market and the scaling of the most effective structures; on the contrary, it is an optimization.

As a result of the study, we formulate several additional questions for future research and study to understand better the challenges business incubators currently face in Russia, the reasons for their recent consolidation, and possible ways out.

Keywords: business incubator, entrepreneurship, entrepreneurial ecosystem, small business, SME

UDC 334, 338.

Received: 05 June, 2022

Accepted: 28 August, 2022

New enterprises are now widely recognized as essential boosters for economic growth, so many developed and emerging economies have implemented the creation of new business incubators and other types of business support infrastructure into their national economic strategies (Haugh 2020). As a result, from its inception in 1959 as a concept in the United States (Soltanifar, Keramati, Moshki 2012), business incubation being a critical integral part of the entrepreneurial ecosystem (Spigel 2015), has been involved a lot in the process of creation and development of new companies all over the world.

Business incubators (BIs) are agencies that render the business incubation services and play a unique role in the growth of small creative companies since they serve as a springboard for the creation of new entrepreneurs and also bear a heavy social burden in their local area by bringing in new social groups and communities (Sentana et al. 2018). As the name suggests, a business incubator is a place where startups and entrepreneurs that lack the financial resources, expertise (e.g., in business, management, marketing, etc.), or talent may go to work on their ideas obtaining the needed assistance (Hausberg, Korreck 2020: 151-152).

BIs are for-profit or non-profit organizations whose mission is to help startup firms expand and become self-sufficient, increasing the overall competitiveness and survival rates and accelerating their growth (Voisey et al. 2006; Villares, Miguéns-Refojo, Ferreiro-Seoane 2020). Incubated companies often access BIs' premises (physical spaces, shared infrastructure equipment) and intangible resources (knowledge base, business training, coaching, networking, logistical support, etc.).

In the context of the entrepreneurial ecosystem, incubators also work with various stakeholders to help entrepreneurs access critical information (Indiran, Khalifah, Ismail 2017) and create business networks (Soetanto, Jack 2013; Antunes, de Castro, da Costa Mineiro 2021). BIs also may act as intermediaries or international intermediaries (Gao et al., 2021) to promote collaborations between entrepreneurs, universities, corporations, and venture markets. They accelerate technology transfer and knowledge spillovers (Cantù 2017), implement open innovation practices (Sutopo, Astuti, Suryandari 2019), helping businesses scale globally via soft-landing programs (Fernández Fernández, Blanco Jiménez, Cuadrado Roura 2015; Blackburne, Buckley 2019), etc. Therefore, BIs are often acknowledged as an effective tool to support and develop new industry sectors, such as the bioeconomy (Oriama, Mudida, Burger-Helmchen 2021).

The classification of BIs is broad and has several perspectives. Based on their primary objectives, BIs divide into virtual (Mohamadian, Manian, Khodadad Beromy 2015) and classical, university-based incubators (Hassan 2020; Mele et al. 2022), corporate incubators (Becker, Gassmann 2006), etc. BIs may also have industry orientation leading to another approach to classification: technological incubators (Xiao, North 2018), service incubators, manufacturing incubators, IT incubators, biotech incubators (Phillips 2022), food incubators (Seminar et al. 2021), agri-business incubators (Bose, Kiran, Goyal 2019), mixed-use incubators (Schiopu, Vasile, Tuclea 2015), etc.

According to tenant type, BIs may be focused on innovative startups, small companies, or specific social groups (Sansone et al. 2020): students, women (Gabarret, d’Andria 2021), etc. Many studies, however, divide BIs into two groups based on their funding source: public and private, also referred to as non-profit and for-profit (Phillips 2022). The first group is primarily presented by university-based business incubators or publicly financed social-oriented BIs (Ferreiro-Seoane, Rodríguez-Rodríguez, Vaquero-García 2018), while private entities found in the second group (e.g., venture capitalists) and rely on rent and service fees (Grimaldi, Grandi 2005).

The reason for such a comprehensive categorization of incubators is that since the number of BIs globally has already reached its peak, their services are being tailored to more specific client needs. Another type of BIs, which is sometimes used in the literature as a synonym for a business incubator, is a business accelerator (Hausberg, Korreck 2020). Table 1 presents a comparative examination of several kinds of business incubators known today.

Table 1. Comparison of different types of business incubators

Type / Criterion	Premises for Rent	Services (expertise, consulting, etc.)	Own Investment Fund	Limited period of participation in the program	Group recruitment to the program	Competitive selection
Business Incubator (BI)	Y	Y	N	N	N	Y
Business Accelerator (BA)	Y	Y	Y	Y	Y	Y
Pre-Accelerator Program	N	Y	N	Y	Y	Y
Virtual Business Incubator	N	Y	N	N	N	Y/N
Virtual Business Accelerator	N	Y	Y/N	Y	Y	Y

Composed by the author.

Although both BIs and BAs maintain the ability to undertake competitive assessment and selection for program participation, accelerators are primarily focused on executing time-limited startup development programs that, besides the standard SME support services, also entail investments in companies from venture funds affiliated with (or owned by) the accelerator.

Projects in a pre-accelerator (Merguei, Costa 2022) are developed to the point where they can attract funding, which is to say, they are ready to go on to the acceleration program. Typically, programs of this kind are created and operated by business accelerators. According to the literature, a “pre-incubator” concept also exists, but it does not make any sense since a BI program commonly does not need the preparation of projects for entry (as opposed to BA programs). If there is an exception, it is generally the business incubators themselves that provide pre-incubation services (such as support in discovering and developing a potentially viable idea) at the so-called “pre-incubation stage” (Giordano Martínez, Fernández-Laviada, Herrero Crespo 2018).

The development of virtual BIs and BAs, which operate online and render services to their clients through remote access, is another trend (Saavedra, Kotey, Sandhu

2020). Virtual incubators may collaborate with startups with lower operating costs and in the earliest phases of development without requiring a physical presence in a particular place. Due to their specifics, it is nearly impossible to evaluate the exact quantity of these organizations, although some believe there are a few hundred virtual BIs in existence worldwide.

Because business incubators are involved with the dynamic incubation process, key performance indicators (KPIs) are vital in assessing their effectiveness (Al-Mubarak, Busler 2012; Torun et al. 2018) which include a comprehensive set of indicators and parameters such as the annual quantity of startups incubated, percentage of successful exits, percentage of space occupancy, financial sustainability of the incubator and the structure of its income and costs, level of engagement with external mentors, academic sphere and investors and many others.

Business Incubators World Overview

The International Business Innovation Association (InBIA, USA), which was formerly known as the International Business Incubation Association before rebranding in 2015, compiles statistics on the global scope of business incubator activity (as InBIA, it is currently expanding its scope to include other aspects of the entrepreneurial ecosystem). InBIA estimates that there were over 12,000 business incubators worldwide at the end of 2018, with 93% of them being non-profitable¹. Most typically, business incubators are set up to carry out government policies to assist small and medium-sized enterprises (SMEs) and address any underlying socio-economic issues in their area. Most business incubators in the United States (84%) aim to produce new employment, although the goals may differ: promoting entrepreneurial activity and fostering an entrepreneurial culture in the area, activating the commercialization process, etc.

Some BIs are established as an integral part of educational institutions, as well as technical parks and corporations (intra-corporate BIs). Around 1,100 university-based BIs were operating in 2018 (excluding accelerators), or around 9% of all incubators, according to UBI Global². By helping students find employment and a career path, such business incubators enhance the educational process' emphasis on real-world application. Speaking about technopark-based BIs, it can be noted that by helping technoparks broaden the services they offer current customers while also attracting new types of businesses, BIs benefit both the park's existing customers and the businesses they attract. Industrial zones are home to more than half of all business incubators (52%).

IT startups are present in 54% of BIs, and services (44%), manufacturing (40%), and biotech (33%) are among the other most common areas in which entrepreneurs start businesses in incubators throughout the globe. However, fewer than half of BIs

¹ International Business Innovation Association. URL: <https://inbia.org/> (accessed 18.08.2022)

² UBI Global Publications. URL: <https://ubi-global.com/publications/> (accessed 18.08.2022)

specialize in a single area, resulting in a diverse pool of startups (referred to as mixed-use incubators). Tech businesses make up 39% of incubators' focus, whereas service firms make up only 1%.

The business incubator employs an average of 12 employees and covers an average of 3700 square meters, with occupancy rates of residents and anchor tenants approaching 80%. Note that a workspace and rent on favorable terms and aid in developing a business plan are still among the most requested BI services — supplied by 96% of BIs across the globe. Among highly demanded services also are marketing consulting (provided by 90% of BIs), accounting (present in 84% of BIs), administration (81%), assistance and support in acquiring investments and bank loans (79%), help in creating presentations (77%), establishing communication with academic institutions (73%), etc.

A typical BI comprises 35 residents and 3 to 4 anchor tenants, while the total yearly stream of enterprises serviced (not permanently present in BI) goes up to 141. Startup entrepreneurs come up with an average of 72 business plans and two patents every year with the help of a BI. It takes an average of 30 months for a resident company to complete its incubation program, and the great majority of them depart because of the need to scale and find larger space or because they achieve breakeven, which is commonly a criterion for finishing the program.

A business incubator's average yearly running costs are 518,000 USD, with most of that amount going toward infrastructure upkeep and employee salaries. Although there are favorable conditions on rental agreements, about 60% of incubators' revenue comes from renting out their facilities to their clients. Public subsidies cover roughly 15% of BI expenses globally, although this may vary substantially in various locations and could reach 40% in extreme cases. For a more detailed breakdown of incubator expenditures and earnings, see Figures 1–2.

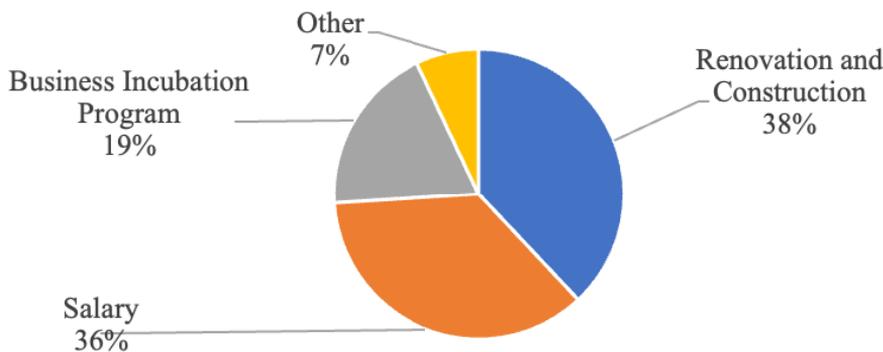

Figure 1. The average cost structure of business incubators in the world³

³ International Business Innovation Association official site. URL: <http://inbia.org> (accessed 18.08.2022)

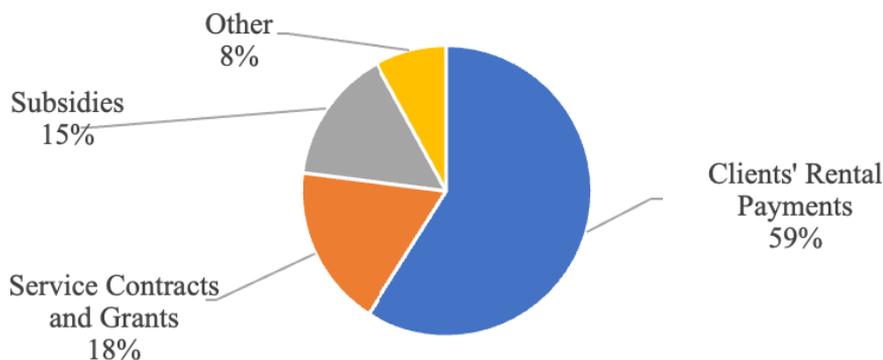

Figure 2. Average income structure of business incubators in the world⁴

87% of entrepreneurs who successfully finish the BI program survive for more than five years, compared to just 60% of those who begin new businesses outside BIs. A business incubator resident generates an average of almost five jobs, combined with the average number of BI residents and graduates, constituting a substantial share of the employed population. In addition, according to InBIA, in the United States, every \$1 of subsidies invested in a startup business incubation program subsequently generates \$30 in taxes.

The overview of the global average indicators of the activity of business incubators is used as a starting point for assessing the situation and dynamics in the Russian business incubation market. The study focuses on two research questions: (1) What are the characteristics of BIs in Russia, and how did they change over the last decade? (2) How do the characteristics of Russian BI compare to the world average?

The data was collected through Survey-2020 among Russian business incubators. The survey questions correspond with the content of Surveys conducted in 2012 and 2016 by the Fund for Innovation and Business Incubation (MGIMO University, Russia). They, therefore, include data on the main strategic challenges the BI is currently facing: the age of the companies that apply to BI, the type of BI, the primary sources of financing, questions regarding the economic climate in the region of operation, questions regarding effectiveness evaluation, industry affiliation of residents, incomes and expenditures, strategic goals and mission, BI staff and director competences, etc.

Survey Design

The questionnaire in Survey-2020 is divided into five sections associated with different aspects of business incubators' work: (1) BI Program, (2) Clients, (3) Environment, (4) Effectiveness, and (5) Finance. More specifically, the aspects covered in each section can be seen in Table 2.

⁴ International Business Innovation Association official site. URL: <http://inbia.org> (accessed 18.08.2022)

Table 2. Key aspects of business incubators' work divided into 5 sections Covered by Survey-2020

#	Section	Key aspects covered
1	BI Program	<ul style="list-style-type: none"> • Type of BI, focus on any industry or social groups • Services, terms
2	Clients	<ul style="list-style-type: none"> • Age and stage of the companies that apply to BI • Industry affiliation of residents
3	Environment	<ul style="list-style-type: none"> • Economic climate in the region of operation • Main strategic challenges the BIs are currently facing
4	Effectiveness	<ul style="list-style-type: none"> • Strategic goals and mission • Key performance indicators used • BI staff and director competencies, etc.
5	Finance	<ul style="list-style-type: none"> • Main sources of financing • Incomes and expenditures

Composed by the author.

The 2020 survey questionnaire included most of the questions from past surveys, making it possible to speak about the comparability of the obtained data for subsequent comparative analysis. The complete list of survey questions is presented in the Appendix. The inclusion of some of them is explained below.

The indicator collected in Q4 (the age of the companies in % of the total number that applies to BI) is essential for identifying the degree of demand for a business incubator and its services on the part of a startup business, the support and development of which business incubation programs are initially created. Suppose a high proportion of companies over two years are among the business incubator's new clients. In that case, that indicates either a secondary role of the consulting services of a business incubator (since such companies most often apply to receive preferential rent or attract investments) or low entrepreneurial activity in the home region. This indicator is complemented and clarified by the stages at which client companies apply to BI (Q5), showing the initial demand for certain services of a business incubator from the target market and the potential initial motivation of entrepreneurs to contact the BI.

A group of questions Q9–Q11 is associated with the type of BI – in terms of profitability (for-profit; non-profit), ownership (public; private or public-private), and primary source of financing. The ratio between profitable and non-profitable and public/private business incubators in the economy says a lot about the role of business incubators as a tool for stimulating small businesses and the entrepreneurial ecosystem level of development. A high proportion of profitable business incubators may indicate a high degree of self-organization and self-sufficiency of the ecosystem, which can produce startup projects and keep all the constituent elements sustainable. The high proportion of unprofitable business incubators, on the contrary, indicates a high level of state intervention, stimulating entrepreneurial activity, including through the creation and financing of unprofitable support infrastructure.

Questions Q12 to Q14 are related to the assessment of the effectiveness of a business incubator. Respondents should indicate whether performance evaluation of the

business incubator is practiced, and if so, in what year it was last carried out and what key performance indicators (KPIs) are used. Performance indicators may vary depending on the industry specialization of the BI, as well as on the economic tasks set by the regional authorities. Therefore this group of questions sheds light on the economic role of the BI within the regional economy.

Since large corporations are usually the customers of open innovations, question Q15 reflects the degree of involvement of the business incubator in communications within the ecosystem and its interaction with large businesses. In addition, working with open innovation projects often serves as a significant additional channel for attracting finance and a method of stimulating staff and residents of a business incubator, which increases its independence and sustainability⁵.

The block of questions Q17 through Q19 is designed to understand Russian business incubators' industry specialization or other focus. More specifically, question Q17 deals with the social orientation of BI, which is typical for mature ecosystems in developed countries like the USA.

Question Q18 reflects the industry affiliation of BI by its residents. Respondents are also asked to choose up to three main areas of specialization from an extensive list of industries to categorize BIs with even more detail. The sectoral specialization of a business incubator serves as a natural economic indicator. It is vital for determining the competitiveness of the respective regions and the whole country in the production of certain goods and services, which can serve as a good clue for the authorities on what should be emphasized in stimulating economic activity and support for small and medium businesses.

The next set of questions (Q20–Q23) is about the workspace provided by the business incubator to their residents and anchor tenants and its various parameters. First, respondents are asked if the workspace is provided or only services are provided (without the workspace). Both options are possible nowadays, and a high percentage of BIs without workspace (they are usually called virtual business incubators) may be a sign of a well-developed ecosystem (in case of the high level of specialization of those virtual BIs) or, on the contrary, may indicate a low level of communication or support infrastructure development of regional ecosystems. It would explain why startups must reach out to virtual incubators located elsewhere, e.g., in the country's capital city. That is why it is crucial to analyze answers to question Q20 keeping in mind answers given to questions Q17 to Q19.

Another important indicator that shows the growth or consolidation in the business incubation industry is the change in BI square in the last five years. The next question deals with shares of the total area (in %) allotted for anchor tenants, residents, administrative premises, shared space, and others. This indicator reflects the industry

⁵ Kalyuzhnova Y., Khotyashева O., Slesarev M., Medetov D., Krasenkova A. 2021. *Promoting Innovation for Sustainable Development through Incubators*. A UNECE policy handbook for SPECA countries.

focus and specifics of the business incubator from a completely different angle, although it does not directly show the effectiveness of the business incubator. The final question from this block sheds light on the latter, in which respondents are required to answer, what is the average load of the space (in %) allocated to residents? Both meager and very high load rates indicate structural or communication problems in the ecosystem.

According to the InBIA international certification standards for business incubators, developed institutions must have a strategic development plan and a documented mission, the subject of questions Q24 and Q25.

Question Q26 is devoted to the business incubator's listed goals (to be set on a scale from 1 to 5), which again reflects its specifics and tasks implemented as part of the development of the region's economy. It is important to note that the respondents assess the importance of these goals based on their applied experience and daily work and not following the official founding documents of the organization, which increases the cognitive value and practical meaning of this question.

Speaking about the next block of questions (from Q27 to Q32), which is aimed at analyzing the personnel of the business incubator, it should be stressed that much attention in the research questionnaire is paid to the personality, experience, background, and professional competencies of the business incubator leader since the effectiveness of the functioning of any organization in Russia heavily depends on this factor. For instance, in question Q30, respondents need to indicate how long the head of BI has been working in the field of SME support, while Q31 and Q32 shed light on the background of the BI leader: experience in entrepreneurship (if any) and education.

An essential block of questions (Q36 to Q39) is devoted to the services of a business incubator. One of the main KPIs of the business incubator's activity is the average term for providing services to residents. This indicator is convenient for conducting cross-country comparative analyses and studying the dynamics of business incubation development in the country. As a rule, too short terms for the provision of services can be explained either by a high mortality rate of startup projects or by the fact that most established companies apply to a business incubator for short-cycle services (consultations, etc.). At the same time, too long terms for the provision of services indicate the impossibility of small businesses to scale and switch to a market basis of functioning (refuse preferential rent, etc.) or that the business incubator is viewed by local enterprises more as a business park with cheap rent than as infrastructure for full business support.

As mentioned above, an essential feature of a developed entrepreneurial ecosystem is the ability to produce startup projects independently and regularly, which is also reflected in the activities of its key players. Thus, in addition to the main program, business incubators introduce pre-incubation and post-incubation services, increasing the incoming flow of projects and maximizing each resident's potential profit. When answering question Q38, respondents should indicate whether the business incubator

provides pre-incubation and post-incubation services.

Another set of questions is about financial indicators. Answering question Q40, respondents have to reveal the leading financial indicators of BI based on the results of the last financial year: total revenue and total expense (both in a million rubles). For a more detailed analysis of these indicators questions, Q41 and Q42 were designed. First, respondents are to indicate approximate shares of the specified articles in the entire revenue structure (in %). This information directly shows the level of involvement of BI in the local economy and its connections with other actors in the entrepreneurial ecosystem, as well as the level of financial independence and stability.

Next, respondents are asked to indicate approximate shares of the specified articles in the total expense structure (in %). Based on this information, important conclusions can be drawn regarding the level of development of business incubator services, as well as possible internal problems that hinder the organization's development and are a reflection of threats in the external economic environment.

Additionally to all the previous questions connected to services and finance, there is question Q43 regarding the participation of BI in the authorized capital of its residents. The high share of business incubators participating in the capital of residents can be perceived in two ways. On the one hand, this may indicate a high degree of development of the entrepreneurial ecosystem⁶ as business incubators provide a wide range of services, including venture financing, and startups are prepared to pay for them through a share in their business and its subsequent buyout. On the other hand, on the contrary, this indicator may indicate the embryonic level of ecosystem development, in which business incubators are not able to provide the proper level of support to startup businesses and, due to lack of funding, are forced to invest in the capital of absolutely all business projects.

The biggest block of questions is focused on BI clients and residents. In question Q44, respondents are expected to indicate the number of BI clients depending on their status. The structure of clients, depending on their status from a new perspective, reflects the specifics of the business incubator and indirectly shows its effectiveness. However, the latter is even more shown by the next monitored indicator - the survival ratio of residents within two years after they graduate from the business incubator. However, it is typical for a business incubator not to track this indicator for graduated residents.

The resident survival rate is far from the only indicator business incubators track for their residents; therefore, in question Q47, respondents must answer what information is collected and, in question Q46, how often this information is updated.

There can be many indicators monitored by business incubators about their residents and graduates, so only one of them was included in the questionnaire: the average number of employees of BI's clients. This indicator is significant because it shows the number of jobs created by clients of the business incubator and therefore reflects the overall contribution of that business incubator to the business activity and development of the region's economy.

To further assess the performance of a business incubator, the questionnaire includes question Q49 regarding the average annual number of companies that graduate from BI. Of even greater interest, however, are not the absolute graduation rates of BI clients but the graduation criteria (Q50).

Finally, four open questions in the questionnaire (Q51 to Q54) are designed to understand better the potential of the business incubator's future development and the possible constraining forces for that process.

Survey Population

The sample of this research comprises 33 Russian business incubators, which are representative considering the number of incubators remaining active and running in the Russian market. The following main criteria were used in the selection of respondents to increase the representativeness of the sample and the accuracy of the conclusions:

- 1) The business incubator has been operating for at least five years and was running at the moment of the Survey-2020 being conducted.
- 2) The business incubator has previously taken at least one of the professional development programs for employees in the field of business project development or has a Russian or international certificate in the field of business incubation.
- 3) The business incubator has a regularly updated website and/or pages on social networks, which publish up-to-date information on the terms and conditions of admission and the services provided to residents.
- 4) The business incubator provides a range of services that is standard for structures of this type: rent of premises and equipment on preferential terms, business training and consulting, project expertise, assistance in finding and attracting investments, etc.

The primary data was collected through a survey using SurveyMonkey software. The survey was sent to business incubator managers' personal and/or work emails.

Survey Results & Discussion

This section presents the results of the Surveys (2012–2020) and compares them to the average world characteristics mentioned above. First of all, it is essential to note that as per the Second Comprehensive Study of the Business Incubation Market, there were approximately 250 BIs in Russia in 2016; however, this number has a strong tendency to fall rapidly (according to the Ministry of Economic Development, in 2018 there were only 143)⁶. One of the primary reasons for this can be a change in the direction of state policy in this field, as well as a general reduction in spending on

⁶ Ministry of Economic Development of Russian Federation. URL: <https://economy.gov.ru/> (accessed 18.08.2022)

the present system of small enterprise support, primarily because of the inability of many existing BIs to meet the performance indicators set by the government (e.g., the number of adopted residents, the volume of training conducted, the percentage of occupancy of the space allocated for rent, etc.).

It occurs not due to bad administration of these institutions but rather due to the absence of some essential aspects of regional EEs and the practical impossibility of fulfilling the intended KPIs (for instance, low entrepreneurial activity or unavailability of venture investments). Almost one-half of Russian BIs refer to difficulties in getting angel and pre-seed investments as the primary factor for the failure of innovative start-ups. BIs obviously cannot substitute all other crucial EE elements, so their existence does not immediately result in the fast growth of entrepreneurship and innovative local business.

Most Russian BIs (almost 67%) belong to the mixed type, which does not have any specialization (Figure 3). The previous decade observed a downward trend in the number of services BIs: in 2010, their proportion was around 6%, and in 2016 — 3.6%. The share of industrial BIs is also declining (by 5.87 percentage points compared to 2016), while technological incubators are growing (by 6.91 percentage points). Specializing in a particular field in Russia does not justify itself, as it might exacerbate the lack of client companies (reported by 42% of BIs). Globally, the proportion of mixed incubators is comparable to Russia (54%), but at the same time, the share of tech-focused BIs is as high as 39%.

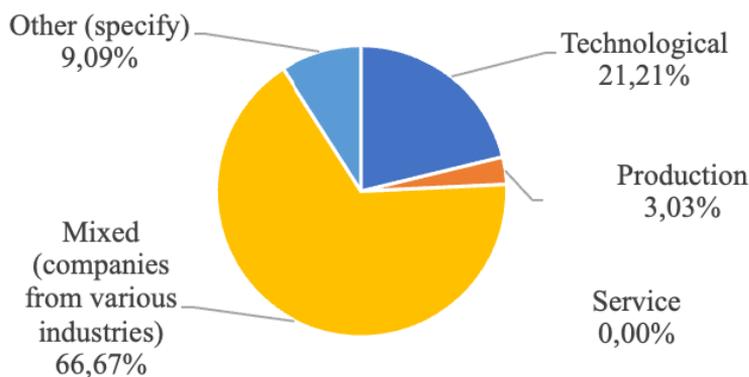

Figure 3. Specialization of business incubators in terms of industry affiliation of residents as of the end of 2019⁷

Due to the specifics of the activities of business incubators, only 7% of them in the world are profitable. Y Combinator and Plug and Play are famous examples of BIs that make a net profit from their services. In Russia, the number of profitable BIs is significantly lower since most are budgetary institutions or their structural divisions: almost

⁷ Russian Business Incubators Survey 2020.

half of all BIs are owned by the regional administration, 28% — by the administration of universities, and 21% — by the municipal administration. Private BIs in Russia are mostly unknown, and their names' "business incubator" does not always accurately describe what they do.

According to the findings, nearly 40% of Russian BIs reported their profitability, which is greater than the figure of 28.6% for the same period in 2016. It is essential to understand that budget-funded institutions get income for some of their services, but that only makes up a small portion of their total budget, and that certainly does not cover all their expenses. To be called "profitable" in the strictest sense, your business must be able to cover all its costs without relying on outside sources of financing. To put it another way, the phrase "profitable business incubator" is more suited to describing successful private company incubators and accelerators. Most Russian BIs participate in their residents' capital to a lesser extent than in 2016 (17%) and much less than the world figure — 24%.

Figure 4 shows the specifics of the social orientation of BIs in Russia. It is also important to note that more than a third of incubators focus on supporting entrepreneurs among university students (36.4%) and young people (42.4%). At the same time, these shares decreased significantly compared to 2016 — from 58.9 and 57.1%, respectively. Over the past five years, many Russian universities have tended to close business incubators.

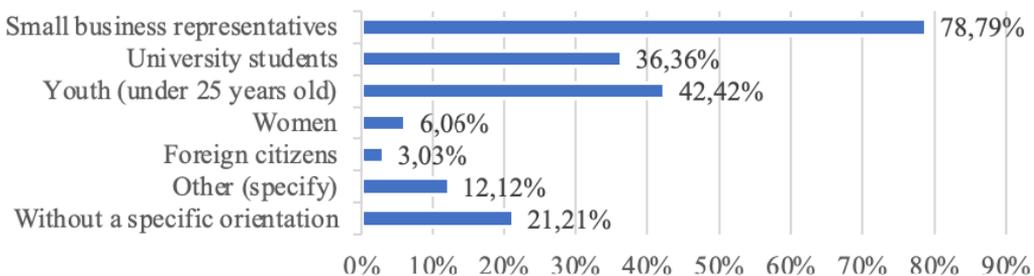

Figure 4. The social orientation of Russian business incubators (% of the number of respondents)⁸

Although the percentage of respondents who noted an orientation towards a particular social group increased by 2016 compared to 2011 in almost every category, in the last five years, there has been a reverse trend: the share of business incubators without a specific social group orientation increased almost two times — up to 21.2%. Although the degree of orientation towards representatives of small businesses remained at the level of 2016, the share of respondents who noted the orientation towards students of universities, youth and women have decreased (from 12.5 to 6.1%).

⁸ Russian Business Incubators Survey 2020.

Figures 5 and 6 reflect, respectively, the structure of client companies applying to BIs based on the level of development of projects and their age. It is worth noting that since 2011, incubators have seen a rise in the number of applications from more experienced entrepreneurs. From 44 to 33.6% (2016) and 29.3% (2020), the percentage of BI clients without their businesses has progressively declined while the percentage of clients with businesses between one and five years old has climbed. A similar trend was observed concerning the development level of projects: the share of clients applying to the incubator with a business idea decreased from 45.1 to 29.1%, while the share of customers applying at the sales stage in the local market increased from 9.9% to 17.5%. Based on that, it can be stated that more and more companies already operating on the market are turning to business incubators to scale up already launched projects.

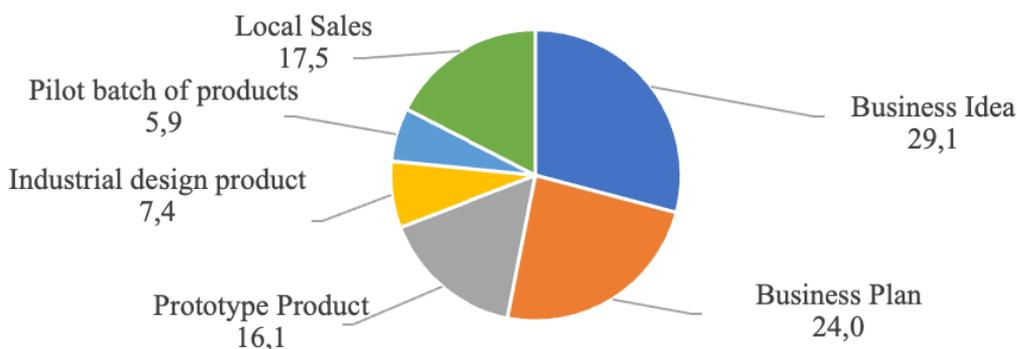

Figure 5. The structure of clients applying to the business incubator depends on the degree of development of projects (in% of the total number)⁹

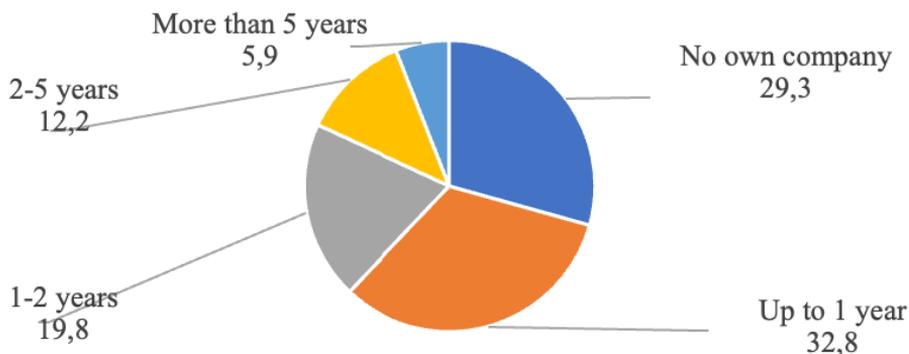

Figure 6. The age structure of companies applying to business incubators (in% of the total)¹⁰

⁹ Russian Business Incubators Survey 2020.

¹⁰ Russian Business Incubators Survey 2020.

The most common reason for the graduation of companies from Russian business incubators remains the same as in 2016 – the achievement of the maximum period allowed to stay in the program (this criterion was indicated as the most important by nearly 60% of participants). Considering that the average period for rendering services to residents in Russia is one and a half times less than worldwide — 24 months — the specified reason for the release of clients seems to be very controversial. At the same time, the criterion "The company's needs for workspace exceed the maximum permissible by the program," which is connected with the relatively successful development of startups, was indicated as unused by almost every fifth incubator (18.2%).

94% of BIs in Russia provide workspace to their clients. The average square space of a BI is 3,156 sq. M, 23% more than the same indicator in 2016 — 2,572 sq. M indicates not only the closure of small business incubators but also the process of consolidation in the industry (for five years, the space increased to 36.4% of business incubators, while it decreased only to 18.2%). On average, 51.1% of the square space of a business incubator is reserved for residents, 6.5% for anchor tenants, 22.4% for shared space, and 15.6% for administrative premises. The utilization of areas allotted for lease to residents in 2020 amounted to 79.9% (more than a quarter of incubators in Russia were able to reach the level of 90%), which is significantly higher than the same indicator in 2016 (73%) and is comparable with the world average level (80%).

Regarding the financial aspects of BIs, there are a few notable facts about Russia. Incubators here have a substantially smaller yearly budget than the global average — almost 9 million rubles, which is 80% higher than in 2016. The share of incubators with an annual income of no more than 1 million rubles decreased from 40 to 16%, indicating consolidation.

Secondly, the primary source of income is still targeted budget financing (41.4% in the structure of revenues), while on average, in the world, the largest share is made by rent payments from clients (59%). An alarming signal here is that compared to 2011 and 2016, the share of targeted budget financing in the income of business incubators not only did not decrease but, on the contrary, gradually grew (by a couple of percentage points). Rental income is the second most important item, accounting for 28.3% of the budget (see Figure 8). Local authorities are increasingly becoming the primary source of funding (42.4% of business incubators versus 30% in 2016) and universities (21.2% versus 27%) less often. 12% of BIs receive funding from commercial and non-profit organizations and private investors, and 3% operate without external financial support (in 2016, their share was higher — by 9%). Thus, the number of financially independent business incubators capable of covering their costs rapidly falls in Russia, indicating obvious problems in developing the entrepreneurial ecosystem.

Third, there is a strong "inflection" in the cost structure towards salary — 48% against the world average of 36%, although this share has slightly decreased compared to 2016 (52.9%). The most oversized expense item for BIs globally is infrastructure (38%), whereas, in Russia, only 23.6% of funds are spent on infrastructure

(see Figure 7). This disparity may be explained by the relative novelty of the infrastructure and the underutilization of the workspace.

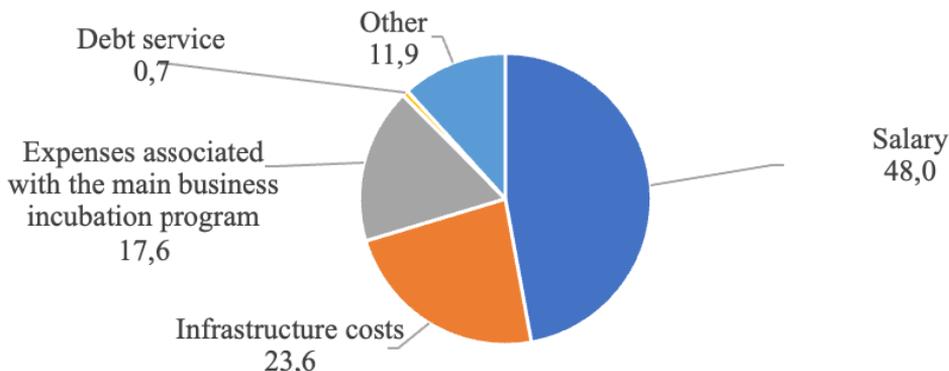

Figure 7. The average cost structure of Russian business incubators, 2020¹¹.

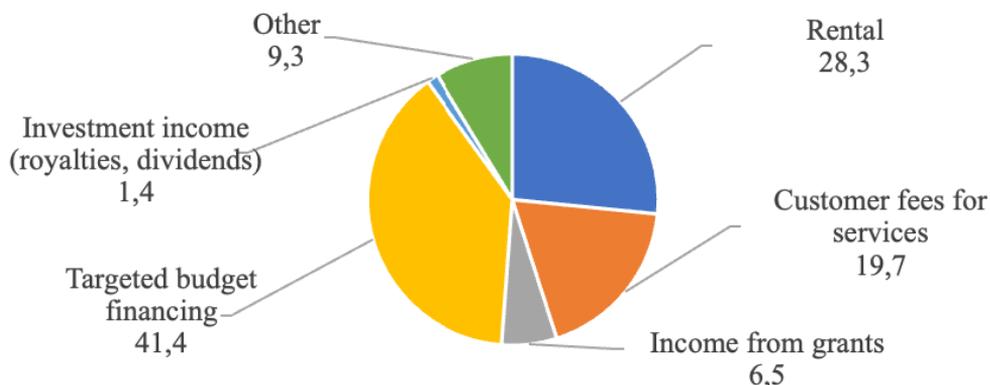

Figure 8. Average income structure of Russian business incubators, 2020¹²

A noticeable change in the structure of expenses of Russian business incubators since 2011 is the redistribution of costs for the implementation of the business incubation program (decrease from 34 to 17.6%) in favor of expanding the salaries fund (from 36 to 48%). However, this tendency has slowed in recent years. Such a drastic shift may be attributed to the growing number of activities within the primary programs of BIs that are carried out by their staff, with little reliance on external experts and contractors. This aspect is difficult to be determined as beneficial or harmful.

Based on the analysis, it is possible to compare the average portraits of the Russian and world business incubator according to the most important criteria set (see Table 3).

¹¹ Russian Business Incubators Survey 2020.

¹² Ibid.

The table shows that compared to 2012, business incubators in Russia have undergone several positive external changes. Thus, their average square space increased by almost 23% (which is still 15% less than the world average), the staff increased by 27%, and the annual number of residents almost doubled, reaching the world average. At the same time, if we correlate these data with a significant decrease in the total number of business incubators in our country, it becomes clear that all of the above positive changes do not reflect the growth of the business incubation market and the scaling of the most effective structures (although, undoubtedly, there are some noteworthy good examples among business-incubators in Russia), but on the contrary, its optimization.

Table 3. Average portrait of the Russian and world business incubator, 2016–2020

Parametres	Russia (2020)	Russia (2016)	World
Total space, sq.m.	3156	2572	3700
Staff, people	19	15	12
The average annual number of residents	34	18	35
The average annual number of anchor tenants	4	4	3
The average period for rendering services to residents, months	19,3	24	33
The average number of employees per resident	15	n/a	4-5
The average occupancy of space by residents	79,9%	73%	80%
Average annual budget	9 mln RUR	5 mln RUR	300,000–600,000 USD
The main source of income	Targeted budget financing (41.4%)	Targeted budget financing (40.1%)	Customer rental payments (59%)
Main expense item	Salary (48%)	Salary (52,9%)	Infrastructure costs (38%)

Composed by the author based on InBIA data and Russian Business Incubator surveys.

An indirect sign of the weak effectiveness of business incubators in Russia as actors in the entrepreneurial ecosystem is their financial indicators, which differ very much and unprofitably from the global ones. Thus, the primary source of BI income in Russia is budget financing, while on average, business incubators worldwide provide 60% through rental payments from client companies. The cost structure is also distorted: almost half of the funds go to staff salaries, while in the world, the main item of expenditure is the cost of infrastructure and business incubation programs development (including its scaling and transfer to new formats). Between 2016 and 2020, the budgets of Russian business incubators have almost doubled, while their dependence on targeted state funding yet increased.

* * *

In 2012 and 2016, the first two comprehensive BI studies were done in Russia. Clearly, by 2020 there have been significant quantitative and qualitative changes in that field, yet very few findings show any positive dynamics. Growth of Russian business incubation in 2004–2005 relatively quickly led to a stage of maturity when the main flaws became obvious: low activity and interest of entrepreneurs in incubation services (mainly due to the emergence of alternative opportunities), difficulty in obtaining venture funding at the previous stage, lack of professional staff, low entrepreneurial culture, etc.

According to the results of the study, it can be stated that it is not the business incubators themselves who are to blame for the negative trends in the business incubation market in Russia, but rather inconsistency, inconstancy, and the lack of comprehensiveness of state support measures in this direction. Business incubators are not capable of becoming the only driver for the emergence and development of an entrepreneurial ecosystem in their region – for this, their services must be in demand from small businesses, and the latter, in turn, seeks to develop where there is a favorable environment in the form of demand for products, access to talent and venture financing.

Growth of Russian business incubation in 2004–2005 rather quickly changed to a stage of maturity, at which the main problem areas became aggravated: low activity and interest of entrepreneurs in BI services (largely due to the emergence of alternative opportunities), difficulty in obtaining startup capital at the preceding stage, lack of professional staff, low entrepreneurial culture.

According to world practice, incubators, accelerators, and technoparks are the cornerstone elements of EEs, so the entrepreneurship development process heavily depends on the level of distribution and efficiency of BI, no less than on state support for SMEs and the accessibility of venture funding.

Thus, the strategic priority of state support for the institution of business incubation as the most crucial subject of the ecosystem of the Russian Federation becomes obvious.

It is important to note that the COVID-19 pandemic, which began at the end of 2019, had a complex and unpredictable impact on all aspects of socio-economic life, including the activities of business ecosystem actors (Escobar et al. 2022), that is why this issue requires a separate study. Also, judging by the answers of respondents given to the open questions Q51–Q54, several important trends in the Russian business incubation market can be named which need closer examination: (1) the recent shift in the funding of BIs from federal to regional levels which seems to have a significant impact on activities of many regional BIs across Russia; (2) boom of intra-corporate business incubators and business accelerators creation. Therefore, the following questions for future research can be formulated:

1. How has the COVID-19 pandemic affected the BI activities, and what impact did it have on the BI indicators? Has the COVID-19 pandemic affected the number of business incubator residents, and if so, in what direction and how much? How did

the consequences of COVID-19 affect the occupancy level of space allocated for the resident companies? Has the composition of resident companies and anchor tenants changed in terms of business fields, type of ownership, size, etc.? How and to what extent did the shift to online activities take place? Has the business incubator launched an online (virtual) business incubation program, and if so, how was it organized?

2. What changes does the shift of funding from the federal to regional level bring to funding mechanics, amounts of financing, the annual goal for BI, and ways of reporting? What are efficiency metrics used when BI gets funding from the federal or regional budget? Is funding from the federal or regional budget linked to BI yearly outcomes? Does the shift of funding grant BIs any freedom in implementing additional ways of monetization (commercial services, etc.)?

3. Could the trend of intra-corporate business incubators and business accelerator creation become a new driver of the BI industry in Russia? Has the level of interaction between BIs and the corporate sector risen, and in what directions (open innovation, etc.)? Can those intra-corporate business incubators and accelerators be considered competitors as they attract traditional incubators' potential clients and residents? Has the focus in the business incubation industry changed in any direction because of the activities of intra-corporate incubators and accelerators?

About the author:

Maxim A. Slesarev – senior lecturer, Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities, MGIMO University.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

УДК 334, 338.
Поступила в редакцию: 05.06.2022
Принята к публикации: 28.08.2022

Бизнес-инкубаторы в России: сравнительный анализ результатов международных опросов 2020 года

М.А. Слесарев
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-102-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-102-129)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Малый инновационный и венчурный бизнес сталкиваются с серьёзными финансовыми сложностями и сложностями управления на ранних стадиях своего развития, что обуславливает необходимость оказания им необходимой поддержки на старте. Правительство каждой страны избирает свой путь решения данной проблемы. Для России в 2010-х, в частности, было характерно предоставление помощи в форме создания бизнес-инкубаторов в качестве вспомогательной инфраструктуры малого и среднего предпринимательства и ключевых игроков (как и потенциального драйвера) региональных предпринимательских экосистем. Тем не менее, согласно недавно опубликованным официальным данным, за последние пять лет количество бизнес-инкубаторов в России постепенно уменьшалось, что представляется важным фактом для анализа. С этой целью был проведен масштабный опрос, в выборку которого вошли представители функционирующих бизнес-инкубаторов.

Сопоставление среднемировых характеристик бизнес-инкубаторов (использованы вторичные данные, публикуемые Международной ассоциацией инновационных идей для бизнеса, а также данные опросов 2012, 2016 и 2020 гг., проведенных UBI Global) позволяет понять фактическое состояние и динамику развития бизнес-инкубаторов в России. Опросы содержат широкий круг вопросов по различным важным аспектам деятельности бизнес-инкубаторов, включая программы инкубации, клиентов, условия ведения бизнеса, эффективность и финансирование.

В ходе исследования авторы пришли к выводу о том, что, с одной стороны, бизнес-инкубаторы в России претерпели некоторые позитивные изменения, например, они стали располагаться в более просторных помещениях, увеличился штатный состав, среднегодовое количество компаний резидентов, годовой бюджет и т.д. С другой стороны, общее количество бизнес-инкубаторов серьёзно сократилось, что говорит о том, что упомянутые выше позитивные изменения не отражают рост рынка бизнес-инкубации и развитие наиболее эффективных структур, но наоборот, их оптимизацию.

По итогам исследования авторы формулируют несколько дополнительных вопросов для проведения дальнейших исследований для лучшего понимания тех проблем, с которыми сталкиваются бизнес-инкубаторы в России, причин их консолидации, равно как возможных путей выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: бизнес-инкубатор, предпринимательство, предпринимательская экосистема, малый бизнес, МСП

Об авторе:

Максим Александрович Слесарев – преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой, МГИМО, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Aarstad J., Jakobsen S., Foss L. 2022. Business Incubator Management and Entrepreneur Collaboration with R&D Milieus: Does the Regional Context Matter? *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. 23(1). P. 28-38. DOI: 10.1177/14657503211030808
- Ahmed N., Li C., Qalati S.A., Rehman H.U., Khan A., Rana F. 2022. Impact of Business Incubators on Sustainable Entrepreneurship Growth with Mediation Effect. *Entrepreneurship Research Journal*. 12(2). P. 137-160. DOI: 10.1515/erj-2019-0116
- Al-Mubarak H.M., Busler M. 2012. The Incubators Economic Indicators: Mixed Approaches. *Journal of Case Research in Business and Economics*. №4.
- Antunes L.G.R., de Castro C.C., da Costa Mineiro A.A. 2021. Network Orchestration: New Role of Business Incubators? *Innovation and Management Review*. 18(1). P. 51-68. DOI: 10.1108/INMR-12-2019-0151
- Becker B., Gassmann O. 2006. Corporate Incubators: Industrial R&D and what Universities Can Learn from Them. *The Journal of Technology Transfer*. 31(4). P. 469-483.
- Blackburne G.D., Buckley P.J. 2019. The International Business Incubator as a Foreign Market Entry Mode. *Long Range Planning*. 52(1). P. 32-50. DOI: 10.1016/j.lrp.2017.10.005
- Bose S.C., Kiran R., Goyal D. 2019. Critical Success Factors Of Agri-Business Incubators and Their Impact on Business. *Custos e Agronegocio*. 15(1). P. 352-378.
- Cantù C. 2017. Entrepreneurial Knowledge Spillovers: Discovering Opportunities Through Understanding Mediated Spatial Relationships. *Industrial Marketing Management*. №61. P. 30-42.
- Dementieva A., Kandinskaia O., Khotyashева O. 2018. Friendly Laser: Can We Boost Sales? *Journal of Critical Incidents*. №11. P. 32-33.
- Dhochak M., Acharya S.R., Sareen S.B. 2019. Assessing the Effectiveness of Business Incubators. *International Journal of Innovation and Learning*. 26(2). P. 177-194. DOI: 10.1504/IJIL.2019.101277
- Escobar D.D.E., De-Pablos-Heredero C., Montes-Botella J.L., Jiménez F.J.B., García A. 2022. Business incubators and survival of startups in times of COVID-19. Sustainability (Switzerland). 14(4). DOI: 10.3390/su14042139
- Fernández Fernández M.T., Blanco Jiménez F.J., Cuadrado Roura J.R. 2015. Business Incubation: Innovative Services in an Entrepreneurship Ecosystem. *The Service Industries Journal*. 35(14). P. 783-800. DOI: 10.1080/02642069.2015.1080243
- Ferreiro-Seoane F., Rodríguez-Rodríguez G., Vaquero-García A. 2018. Public Investment in Business Incubators, is It Better than Doing Nothing? *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 33(4). P. 553-574. DOI: 10.1504/IJESB.2018.090355
- Gabarret I., d'Andria A. 2021. Improving Gender Equality through Entrepreneurship: The Role of Women-Dedicated Business Incubators. *Journal of the International Council for Small Business*. 2(2). P. 79-89. DOI: 10.1080/26437015.2021.1882916

Gao Q., Cui L., Lew Y.K., Li Z., Khan Z. 2021. Business Incubators as International Knowledge Intermediaries: Exploring Their Role in the Internationalization of Start-ups from an Emerging Market. *Journal of International Management*. 27(4). DOI: 10.1016/j.int-man.2021.100861

Giordano Martínez K.R., Fernández-Laviada A., Herrero Crespo A. 2018. Influence of Business Incubators Performance on Entrepreneurial Intentions and its Antecedents during the Pre-Incubation Stage. *Entrepreneurship Research Journal*. 8(2). DOI: 10.1515/erj-2016-0095

Grimaldi R., Grandi A. 2005. Business Incubators and New Venture Creation: An Assessment of Incubating Models. *Technovation*. №25. P. 111–121.

Harper-Anderson E., Lewis D.A. 2018. What Makes Business Incubation Work? Measuring the Influence of Incubator Quality and Regional Capacity on Incubator Outcomes. *Economic Development Quarterly*. 32(1). P. 60-77. DOI: 10.1177/0891242417741961

Hassan N.A. 2020. University Business Incubators as a Tool for Accelerating Entrepreneurship: Theoretical Perspective. *Review of Economics and Political Science*. DOI: 10.1108/REPS-10-2019-0142

Haugh H. 2020. Call the Midwife! Business Incubators as Entrepreneurial Enablers in Developing Economies. *Entrepreneurship and Regional Development*. 32(1-2). P. 156-175. DOI: 10.1080/08985626.2019.1640480

Hausberg J.P., Korreck S. 2020. Business Incubators and Accelerators: A Co-Citation Analysis-Based, Systematic Literature Review. *The Journal of Technology Transfer*. №45. P. 151–176.

Indiran L., Khalifah Z., Ismai K. 2017. A Model for Intellectual Capital of Business Incubators. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. 23(9). P. 8450–8457.

Kalyuzhnova Y., Figueira C., Theodorakopoulos N., Khotyashева O., Slesarev M.M. 2019. *What Matters for Business Incubation? Lessons from the Russian Experience for the United Nations Special Programme for the Economies of Central Asia (SPECA)*. P. 1–60. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/SPECA/documents/kdb/2019/Moscow_event/4._Business_Incubation_report_ENG.pdf.

Kandinskaia O., Dementieva A., Khotyashева O. 2019. Norilsk Nickel: the Longest Corporate War in a Leading Russian Company. *The CASE Journal*. 15(3). DOI: 10.1108/TCJ-08-2018-0098

Li C., Ahmed N., Qalati S.A., Khan A., Naz S. 2020. Role of Business Incubators as a Tool for Entrepreneurship Development: The Mediating and Moderating Role of Business Start-Up and Government Regulations. *Sustainability (Switzerland)*. 12(5). P. 1-23. DOI: 10.3390/su12051822

Mele G., Sansone G., Secundo G., Paolucci E. 2022. Speeding up Student Entrepreneurship: The Role of University Business Idea Incubators. *IEEE Transactions on Engineering Management*. №6. P. 1-15. DOI: 10.1109/TEM.2022.3175655

Merguei N., Costa C. 2022. What are Pre-Acceleration Programs? *Journal of Business Venturing Insights*. №18.

Mohamadian A., Manian A., Khodadad Beromy M. 2015. A Systematic Review of Research and Future Research Directions of the Virtual Business Incubators. *IT Management Studies*. 3(12). P. 123-150.

Nicholls-Nixon C.L., Valliere D., Gedeon S.A., Wise S. Entrepreneurial Ecosystems and the Lifecycle of University Business Incubators: An integrative case study. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 17(2). P. 809-837. DOI: 10.1007/s11365-019-00622-4

Oriama R., Mudida R., Burger-Helmchen T. 2021. Capturing Niche Development in Secondary Disease Prevention through a Salutogenesis-Bioeconomy Framework: Trends from Kenya. *International Journal of Technological Learning Innovation and Development*. №13. P. 341–369.

Persada S.F., Baihaqi I., Abidah K.N. 2019. Developing a Prototype of E-Incubator Based on Triple Helix Business Model for Sustainable Learning of the Small and Medium Enterprises (SMEs): A case study in developing country. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 8(9). P. 793-802.

Phillips R. 2022. Critical Success Factors for Biotech Incubators-A Qualitative Study of Successful Incubators in China and the US. Jingwei Wu, Ling Wan, Fabio Della Bianca, Altynbek Kabdolov, Karina J Tang and Robert A. Phillips. *Journal of Asia Entrepreneurship and Sustainability*. 18(2). P. 92-124.

Radko N., Belitski M., Kalyuzhnova Y. 2022. Conceptualising the Entrepreneurial University: the Stakeholder Approach. *The Journal of Technology Transfer*. P. 1-90.

Saavedra A., Kotey B., Sandhu K. 2020. The Digital Value Propositions for Virtual Business Incubators. *Digital Innovations for Customer Engagement, Management, and Organizational Improvement*. IGI Global. P. 1-19.

Sansone G., Andreotti P., Colombelli A., Landoni P. 2020. Are Social Incubators Different from Other Incubators? Evidence from Italy. *Technological Forecasting and Social Change*. №158. P. 120-132. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120132

Schiopu A.F., Vasile D.C., Tuclea, C.E. 2015. Principles and Best Practices in Successful Tourism Business Incubators. *The Amfiteatru Economic Journal*. №17. P. 474-487.

Seminar E., Wooster O.H., Schiffrick C., Sikandar E., King K., Moledina A., Leeper T. 2021. *Catalyzing Food Entrepreneurship: Insights for Food Incubators*.

Sentana E., Gonzalez R., Gasco J., Llopis J. 2018. New Strategies to Measure and Strengthen the Social Role of business incubators: their application to a Spanish region. *European Journal of International Management*. 12(5-6). P. 536-553.

Soetanto D.P., Jack S.L. 2013. Business Incubators and the Networks of Technology-Based Firms. *The Journal of Technology Transfer*. 38(4). P. 432-453.

Soltanifar E., Keramati A., Moshki R. 2012. An Innovative Model of Business Management in Knowledge-Based Organisations: The case of the business incubators. *International Journal of Business Innovation and Research*. №6. P. 573-596. DOI: 10.1504/IJBIR.2012.048787

Spigel B. 2015. The Relational Organization of Entrepreneurial Ecosystems. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 41(1). P. 49-72. DOI: 10.1111/etap.12167

Sutopo W., Astuti R.W., Suryandari R.T. 2019. Accelerating a Technology Commercialization; with a Discussion on the Relation between technology Transfer Efficiency and Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 5(4).

Torun M., Peconick L., Sobreiro V., Kimura H., Pique J. 2018. Assessing Business Incubation: A Review on Benchmarking. *International Journal of Innovation Studies*. 2(3). P. 91-100.

Villares M.O.D.C., Miguéns-Refojo V., Ferreiro-Seoane F.J. 2020. Business Survival and the Influence of Innovation on Entrepreneurs in Business Incubators. *Sustainability*. №12. P. 61-97.

Voisey P., Gornall L., Jones P., Thomas B. 2006. The Measurement of Success in a Business Incubation Project. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 13(3). P. 454-468.

Wang Z., He Q., Xia S., Sarpong D., Xiong A., Maas G. 2020. Capacities of Business Incubator and Regional Innovation Performance. *Technological Forecasting and Social Change*. №158. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120125

Xiao L., North D. 2018. The Role of Technological Business Incubators in Supporting Business Innovation in China: A Case of Regional adaptability? *Entrepreneurship and Regional Development*. 30(1-2). P. 29-57. DOI: 10.1080/08985626.2017.1364789

Zotov V.B., Koniagina M.N., Shapkina E.A., Pikalova E.A., Stepanova D.I. 2019. Experience in Implementing Student Business Incubator in Entrepreneurship Education. *Journal of Entrepreneurship Education*. 22(4).

Konina N.Yu., Nozdryova R.B., Burenin V.A. i dr. 2018. *Sovremennye problemy menedzhmenta, marketinga i predprinimatel'stva: monografiya* [Modern Problems of Management, Marketing and Entrepreneurship: Monograph]. Moscow. 485 p. (In Russian)

Hotyasheva O.M., Slesarev M.A. 2018. Biznes-inkubatory kak element innovacionnoj ekosistemy: sovremennoe sostoyanie i tendencii (Chast' I) [Business Incubators as an Element of the Innovation Ecosystem: Current State and Trends (Part I)]. *Ekonomicheskie nauki*. №169. P. 45-50. (In Russian)

Hotyasheva O.M., Slesarev M.A. 2019. Biznes-inkubatory kak element innovacionnoj ekosistemy: sovremennoe sostoyanie i tendencii (Chast' 2) [Business Incubators as an Element of the Innovation Ecosystem: Current State and Trends (Part II)]. *Ekonomicheskie nauki*. №170. P. 23-28. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Кони́на Н.Ю., Ноздрёва Р.Б., Буренин В.А. и др. 2018. *Современные проблемы менеджмента, маркетинга и предпринимательства: монография*. Москва. 485 с.

Хотяшева О.М., Слесарев М.А. 2018. Бизнес-инкубаторы как элемент инновационной экосистемы: современное состояние и тенденции (Часть I). *Экономические науки*. №169. С. 45-50.

Хотяшева О.М., Слесарев М.А. 2019. Бизнес-инкубаторы как элемент инновационной экосистемы: современное состояние и тенденции (Часть 2). *Экономические науки*. №170. С. 23-28.

Appendix

Survey-2020 Question Full List

Q1. Business Incubator Snapshot (full name, address, phone, email, website, year of foundation, current space, director's full name & email, number of full-time & no-staff employees, capacity, and actual number of residents).

Q2. Evaluate how favorable the business environment is in your area in terms of conducting small business (1 - the least favorable, 5 - the most favorable).

Q3. Choose the main strategic challenges the BI is currently facing (select all that apply): Low entrepreneurial activity (lack of customers); Lack of experience in business incubation; Difficulties in finding partners and sponsors; Lack of support from authorities; Poorly developed infrastructure of the district/region; Other (specify)).

Q4. Specify the age of the companies (approximately in % of the total number) that apply to BI: No own company; Up to 1 year; 1-2 years; 2-5 years; More than 5 years.

Q5. Indicate how many clients (in %) at what stage apply to BI: Business Idea; Business Plan; Prototype Product; Industrial design product; a Pilot batch of products; Local Sales.

Q6. In what areas and industries is the small business in your region currently developing the most dynamic?

Q7. What are the main problems small businesses face in your region in these conditions?

Q8. To what extent does the state of the economic climate affect entrepreneurship in your region? (1 - extremely weak, 5 - very strong).

Q9. What type is your BI? For-profit/Non-profit.

Q10. What type is your BI? Public/Private/Public-private.

Q11. The main source of financing for BI: No source of financing / Higher educational institution / Local authorities / Non-profit organization / Commercial organization / Private sponsor/investor / Other (specify).

Q12. Has the BI been evaluated for effectiveness? (If so, in which year?)

Q13. Effectiveness evaluation of BI, in your opinion, should be (check all appropriate): Rating basis; Consulting tool.

Q14. What key performance indicators (KPI) do you use to measure your performance? Check all that apply: Occupancy of space reserved for residents/tenants; the number of successfully released projects; The volume of investments attracted to projects; the number of jobs created by resident companies; The amount of taxes paid by resident companies; Amount of registered patents; Other (specify).

Q15. Does your BI work with large corporations in the format of open or custom innovations? Yes/No.

Q16. Your BI is interested in access to a centralized database of (check all that apply): Mentors; Experts / expert communities; Investors; Projects; Service providers; Tenders; Other (specify).

Q17. What social groups does your BI focus on (select all that apply): Small business representatives; Foreign citizens; University students; Women; Youth (under 25 years old); Other.

Q18. Your BI according to the industry affiliation of its residents: Technological / Production / Service / Mixed (companies from various industries) / Other (specify).

Q19. Choose up to three main areas your BI specializes in: Computer equipment and hardware; Electronics/microelectronics; Telecommunications; Wireless technology; Software; Information technology; Internet; Media; New materials (films, polymers, etc.); Aerospace technology; Defense / national security; Energy; Ecology; Nanotechnology; Agriculture; Biotechnology; Health technology; Medical equipment; Health services; Art; Construction; Fashion; Catering; Non-profit organizations; Retail; Professional services; Tourism; Other (specify).

Q20. Do you provide workspace as part of your core business incubation program? Yes, workspace is provided / No, only services are provided.

Q21. Has your BI square changed in the last 5 years? Yes, increased / Yes, decreased / No, remained unchanged.

Q22. What shares of the total area (in %) were allotted for: Anchor tenants; Residents; Administrative premises; Shared space; Other.

Q23. What is the average load of the space (in %) allocated to residents?

Q24. Does your BI have a strategic development plan? Yes / No.

Q25. Does your BI have a documented mission? Yes / No.

Q26. Evaluate the importance of the goal stated below for your BI (1 - least important; 5 - most important, n/a - the goal is not pursued): (1) Job creation; (2) Local/regional economies diversification; (3) Stimulating the development of business and industry; (4) Maintaining business activity, attracting companies to the region; (5) Support for export-oriented companies; (6) Regional business climate improvement; (7) Revitalization of declining areas; (8) Supporting entrepreneurship among women and/or social minorities; (9) Technology commercialization; (10) Creation of additional benefits for funding organizations (joint research, etc.); (11) Net profit.

Q27. Indicate the number of full-time jobs in your BI for Administration, Accounting, Legal Services, Protocol, and Other.

Q28. How many external specialists (consultants, mentors, service providers, etc.) have your BI attracted since the beginning of 2019?

Q29. Estimate how much time on average (in % of the total time) the BI leader spends on the following activities: (1) Providing residents and affiliate customers with business development services; (2) Expanding the network of contacts and partners; (3) Interaction with authorities; (4) training; (5) Attraction of financing, search for sponsors; (6) Infrastructure Management; (7) customer acquisition; (8) Accounting; (9) Other.

Q30. For how long did the head of BI work in the field of SME support: Total;

Time spent in business incubator management; Time spent on managing this BI.

Q31. Does the head of your BI have (or had) their own business? Yes, in the past / Yes, currently / Never

Q32. What kind of education does the director of BI have? Higher economic / Higher technical / Scientific degree of Ph.D. / Scientific degree of Doctor of Science / Other (specify)

Q33. Does your BI have a Supervisory board? If yes, how many members does it consist of?

Q34. List all the functions of the Supervisory board of your BI (if any).

Q35. Select all the professions which represent the background of Supervisor board members (if any): (1) Representative of financial circles; (2) Representative of the Regional Office for Economic Development; (3) Member of the Chamber of Commerce; (4) Representative of the regional government; (5) Top manager of a large company; (6) Lawyer/business lawyer; (7) university representative; (8) BI Manager; (9) Former BI client; (10) Experienced entrepreneur; (11) Other.

Q36. Indicate the average period of services (in months) for your clients (based on data on graduate companies): Residents; Affiliates.

Q37. Indicate how much the following services are in demand among your clients (1 - least demanded, 5 - the most demanded, n / a - the service is not provided): (1) Initial assistance (writing a business plan, developing a business concept, etc.); (2) Provision of administrative and/or office services; (3) General legal issues; (4) Marketing support (advertising, marketing research, etc.); (5) Accounting and financial management; (6) Interaction with other customers; (7) High Speed Internet Access; (8) Specialized equipment (computers, kitchen, etc.); (9) Communication with educational institutions (students, specialized laboratories, etc.); (10) Trainings, staff education; (11) Management audit / consulting; (12) Support and training in the field of logistics and marketing; (13) Consulting, assessment by the Supervisory Board; (14) Engaging business angels; (15) Attraction of venture funds; (16) Assistance in obtaining bank loans; (17) Obtaining financial support from BI; (18) Intellectual Property Management; (19) Help in technology commercialization; (20) Assistance in e-commerce; (21) Search for partners; (22) Support for participation in tenders; (23) Escort to foreign markets; (24) Assistance in organizing and optimizing the production process; (25) Comprehensive business training; (26) Economic literacy training; (27) Help in creating presentations; (28) Assistance in product development and testing; (29) Business ethics training.

Q38. Does your BI provide pre-incubation and post-incubation services? Pre-incubation only / Post-incubation only / Both / Neither

Q39. Are you planning to add new services to those that your BI already offers? No / Yes (specify)

Q40. The main financial indicators of your BI are based on the results of the last financial year: Total revenue (mln roubles); Total expense (mln roubles).

Q41. Indicate approximate shares of the articles stated below in the total revenue structure (in %): Rental; Customer fees for services; Income from grants; Targeted budget financing; Investment income (royalties, dividends); Other.

Q42. Indicate approximate shares of the articles stated below in the total expense structure (in %): Salary; Infrastructure costs; Expenses associated with the main business incubation program; Debt service; Other.

Q43. Does your BI participate in the authorized capital of residents? Yes, in all / Yes, in some / No

Q44. Indicate the number of BI clients depending on their status (at the end of 2019): Residents; Affiliates; Graduates (residents and affiliates); Anchor tenants (including graduates who became anchor tenants and anchor tenants who did not participate in business incubation programs); Graduates remaining in business (including those acquired by other companies); Clients who quit the business incubation program without completing it.

Q45. Indicate the average survival ratio of residents during the first two years after graduation: Less than 10 / From 10 to 30 / From 30 to 50 / From 50 to 70 / More than 70 / This indicator is not tracked

Q46. Does your BI collect information about its residents, and if so, how often is it updated? No / Yes, quarterly / Yes, once every six months / Yes, once a year / Yes, once every 2 years or less often

Q47. What kind of information on your residents is collected (if collected): Employment; Income; Patents/copyrights; Grants and awards; Investments and equity; Other (specify).

Q48. Provide information on the average number of employees of your clients: Residents; Affiliates; Graduates.

Q49. What is the average number of companies that graduate from BI every year?

Q50. Evaluate how often you use each of the following criteria to release a client from the BI program (1 - least often; 5 - most often; n/a - the criterion is not used): The client company participated in the program for the maximum allowed time; The company's needs in the workspace exceed the maximum allowable for the program; The client company has reached mutually agreed levels of specific indicators (for example, income level, staff count, market share, etc.); Other (specify).

Q51. What kind of impediments did you (the manager/the incubator) face in your activities? What are the constraining forces?

Q52. What could the government do to enhance the impact of this business incubator (jobs, joint-up services, etc.)?

Q53. Looking back, what would you as a BI director do differently?

Q54. What kind of good practices can you share?

Мультимодальные медийные инструменты популярной геополитики: российская политика в карикатурах зарубежных СМИ

Н.К. Радина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

В статье на примере политических карикатур о России анализируются возможности использования мультимодальных медийных текстов в качестве инструментов популярной геополитики. Кроме популярной геополитики в качестве теоретических рамок используется концепция С. Холла о пропаганде, рассматривающая текст карикатуры с семиотических позиций. Автор целенаправленно интегрирует теоретические подходы популярной геополитики и пропаганды, так как политические карикатуры не только формируют у читателей медиа стереотипы о политике и международных отношениях, но и выполняют пропагандистские функции, транслируя точку зрения информационной площадки на российскую аудиторию. Эмпирическая база исследования составила 242 политических карикатуры из русскоязычных и англоязычных зарубежных медиа 2020–2021 гг. (период пандемии COVID-19). Политические карикатуры анализируются при помощи экспертной оценки на основе межпредметного классификатора для анализа политических карикатур. Согласно результатам исследования, в зарубежных медиа политические карикатуры о России и российской политике создают два образа России. Первое описание типично для англоязычных карикатур, где Россия предстает, прежде всего, в контексте международных отношений, а персонажем-мишенью становится российский президент. Англоязычные карикатуры чаще ориентированы на жесткую критику и использование схематических изображений. В русскоязычных карикатурах зарубежных медиа доминирует умеренная критика, среди персонажей-мишеней присутствуют различные представители российского общества. Тематически русскоязычные карикатуры конструируются в контексте внутриполитических проблем России, с интенциональным «негативом» наиболее тесно связана область образования. Именно русскоязычные карикатуры зарубежных медиа обладают наиболее сложным и насыщенным визуальным кодом и «эзоповым языком». Автором обосновывается значимость дальнейшего изучения инструментов популярной геополитики, а также необходимость совершенствования практики создания мультимодальных медийных текстов в логике российского понимания геополитики.

Ключевые слова: политическая карикатура, Россия, российская политика, политическая коммуникация, мультимодальный текст, медиа, пропаганда, популярная геополитика

УДК: 003, 32.019.5, 327

Поступила в редакцию: 24.03.2022 г.

Принята к публикации: 01.07.2022 г.

В настоящее время востребованность политической карикатуры в цифровых медиа объясняется её ключевыми функциями: развлекать, снижать агрессию, устанавливать повестку дня и предлагать свою версию политики и истории (Вольская 2017; Мельников 2018; Chikaipa 2019; Hasanah, Hidayat 2020). Благодаря мультимодальной форме¹ и цифровым способам коммуникаций жанр политических карикатур продолжает развиваться: цифровые медиа активно тиражируют карикатуры; более того, создаются глобальные платформы с коллекциями карикатур из различных изданий на разных языках, такие как, например, Cartoon Movement, Today's Comics Online, Politico² и другие (Borjabad, Ruiz del Olmo 2020).

Представленное исследование обращено именно к новым – цифровым – форматам существования карикатур, делающих данные мультимодальные тексты максимально открытыми для читателей (следовательно, воздействующие на максимальное число читателей), а также опирается на количественные методы в изучении карикатур, что позволяет охарактеризовать закономерности создания и описать эмпирические модели существующих карикатур, посвящённых российской политике.

Международные отношения в контексте политической карикатуры: политическая карикатура и пропаганда

«Карикатура» в словарных статьях характеризуется как визуальный текст, отображающий реальность через призму комического эффекта³. Политические карикатуры, как правило, не требуя каких-либо специализированных фоновых знаний, доступные и выразительные, содержат ключевые установки из области политического, рисуют картину «политического мира», имплицитно содержащую отношения к объектам этого мира.

Как и другие мультимодальные тексты медиа (мемы, комиксы, плакаты и т.п.), политические карикатуры представляют эмпирическое поле для изучения популярной геополитики, анализирующей способы создания в обществе (стереотипных) геополитических представлений и установок, которые могут быть использованы субъектами геополитики для принятия обществом любых их действий (Rech 2014; Pickering 2017; Saunders 2017).

¹ Мультимодальный текст принимает формы сайтов, презентаций, систем мгновенных сообщений, соцсетей, каждая из которых функционирует по специфическим законам; в российской лингвистике также используется термин «креолизованный текст», разрабатывается теория креолизации, анализирующая взаимодействие двух кодов – вербального и визуального.

² Некоторые интернет-порталы, содержащие коллекции политических карикатур: «Cartoon Movement» (cartoon-movement.com), «Today's Comics Online» (gocomics.com), «Politico» (politico.com).

³ Прохоров А.М. (ред) 1984. Карикатура. *Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская Энциклопедия. С. 547.

Репрезентация международных отношений в политической карикатуре занимает заметное место (например: Иванова 2018; Мельников 2018; Свечникова Алейников 2019) наряду с карикатурами на конкретных политиках, воплощающих «образ оппонента» или «образ врага» (Аксенов 2020; Рогозинникова 2018). Согласно исследованиям, политическая карикатура отражает и метафорически иллюстрирует отношения между странами. Таким образом, изучая карикатуры, возможно относительно точно определить интенциональное поле международных связей (Питлёваная 2016). Кроме того, высказывается точка зрения, что политическая карикатура формирует у читателей медиа стереотипы относительно международных отношений, выстраивает систему (образ) глобальной политической картины мира, создаёт управляемый воображаемый мир, что и ожидается от инструментов популярной геополитики (Култышева Журавская 2016; Rech 2014).

Поскольку современная цифровая медийная коммуникация «приросла» «новыми медиа», а также новыми формами мультимодальных медийных текстов (например, мемами), можно усомниться в действенности политических карикатур как инструментов конституирования образа политического мира. Однако исследователи, сравнивая прежние и новые формы мультимодальных текстов, демонстрируют уверенный оптимизм относительно влияния карикатур: политическая карикатура по-прежнему является важным элементом политического коммуникативного поля, позволяющим формировать отношения в области политики и международных отношений, а также провоцирующим политические действия и даже террористические акты (Балакина 2021).

Что касается стереотипов в области международных отношений, цифровая коммуникация облегчает доступ общества к информации и ставит перед авторами посланий в «старых, но цифровых» и «новых» медиа привычные задачи: в конкурентной среде стать именно тем «контентом», который способен запомниться, повлиять, стать определяющим в объяснении событий окружающей реальности. Одним из эффективных инструментов воздействия становится мультимодальность, поликодовость цифрового текста: то, что по каким-то причинам невозможно транслировать при помощи слов, возможно передать (или усилить) картинкой, а также посредством сочетания образа и слова (Denisova 2019). Мультимодальность политической карикатуры объясняет, почему данные тексты имеют особое значение в контексте практики политической пропаганды.

В исследованиях пропаганда нередко имеет негативную коннотацию как искажённое и предвзятое изложение фактов. На пропаганду указывают при идентификации дезинформации, фейков, других элементов информационных войн. В то же время «пропаганда», согласно словарному определению, не является однозначно ложью или дезинформацией, а связана с распространением политических, философских, научных, художественных и др. взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой

практической деятельности⁴. Для пропаганды значение имеет только интенциональность: информация (взгляды, ценности и т.д.) представлены в контексте социальных интересов группы, продвигающих её. В то же время в современном социально-конструктивистском и социально-конструкционистском понимании окружающего мира субъективность и предвзятость (интенциональность) рассматриваются как базовые условия восприятия и осмысления реальности (Макаров 2003). Пропагандой является любое информационное конструирование реальности, которое через субъективность создаёт «мир определённого взгляда», определённой точки зрения.

В научной литературе представлены различные модели пропаганды, при этом модели пропаганды зачастую не противоречат друг другу, раскрывая специфику конструирования «точки зрения», уточняя его различные аспекты. Модель Н. Хомского и Э. Хермана разъясняет, как конструируется информационное поле посредством отсева информации через фильтры интересов владельцев медиа и их рекламодателей (как в обществе создаётся «согласованное» мнение) (Mullen, Klaehn 2010; Pedro-Carañana 2011), успешно соотносясь с моделью «установления повестки дня» (Manzoor, Safdar, Khan 2019). Модель Ж. Эллюля показывает, как при помощи различных информационных технологий конструируются сама повседневность, и что целью пропаганды является изменение поведения (Alves 2014). В модели декодирования С. Холла акцент смещён на неразрывную связь получаемой информации с особенностями понимания (семиотический аспект), процесс декодирования и понимания пропагандистского контента, включая ошибки или «чтение между строк» (Shaw 2017).

Рассматривая политическую карикатуру в качестве инструмента пропаганды, ряд исследователей подчёркивают эффективность данного инструмента (Цыкалов 2012). В то же время работ, которые разъясняли бы с опорой на значительный массив текстов, как именно устроена политическая карикатура и чем обусловлено данное воздействие, есть ли различия в построении текста карикатуры в зависимости от тематики или аудитории, по-прежнему недостаточно (Semotiuk 2019). В то же время, если анализировать карту «воображаемой геополитики», стереотипы в области международных отношений, проиллюстрированные политической карикатурой, а также просчитывать пропагандистский потенциал карикатур, знания об их существенных характеристиках крайне необходимы.

Цель настоящей статьи – в форме эмпирических моделей представить особенности конструирования политических карикатур о России и российской политике зарубежными медиа, ориентированными как на российских, так и зарубежных (англоязычных) читателей, а также охарактеризовать установки в

⁴ Прохоров А.М. (ред) 1984. Карикатура. *Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская Энциклопедия. С. 1063.

области международных отношений и в области представлений о своей территории (России), транслируемые при помощи мультимодальных медийных текстов (политических карикатур) с точки зрения их пропагандистской роли.

Методология и материалы исследования

Настоящее исследование основано на комбинации нескольких концепций. Анализ стереотипов об отношениях между странами, транслируемых в карикатуре («воображаемая геополитика»), восходит к наработкам популярной геополитики, изучающей воздействие геополитических образов на массовую культуру и формирование в обществе геополитических стереотипов (Окунев 2012). Пропагандистский потенциал политических карикатур анализировался с учётом возможностей декодирования семиотически обогащённого текста, то есть с опорой на модель пропаганды С. Холла (Shaw 2017). Декодирование мультимодального (или креолизованного) текста политической карикатуры в процессе эмпирического анализа производилось в логике теории креолизации (Вольская 2017; Эбзеева, Дугалич 2018).

Эмпирическая база исследования представлена 242 политическими карикатурами из русскоязычных и англоязычных зарубежных медиа, размещёнными в открытом доступе в сети Интернет (открытые коллекции карикатур: Deutsche Welle, CartoonStock, LiveJournal; 2020–2021 гг.), извлечённые на основе ключевых слов: «Россия», «российская политика», «Russia», «Russian politics». В изучаемой коллекции текстов 92 карикатуры были ориентированы на англоязычного читателя, 150 карикатур – на русскоязычную аудиторию. В открытых коллекциях не всегда указывается, для какого издания была создана карикатура, поэтому конкретная идеологическая направленность медиа при анализе не учитывалась.

Тексты политических карикатур были проанализированы при помощи метода экспертной оценки на основе Межпредметного классификатора для количественных медиаисследований политической карикатуры (Радина 2021). Данный классификатор ориентирован на сбор информации из вербального и визуального кодов карикатур и содержит четыре блока: (1) метаданные; (2) общая информация (фоновые знания, пресуппозиции, мишени и тематики карикатуры, критика, метафоры, юмора); (3) вербальный код карикатуры (прецедентность, интертекстуальность, интенциональность текста и др.); (4) невербальный код карикатуры (цвет, техники изображения и воображения, визуальные прецедентность и интертекстуальность, фреймирование изображенного действия, интенциональность визуальной части).

Экспертное оценивание карикатур осуществлялось пятью экспертами (психологи, политологи, политические лингвисты) для минимизации субъективности в интерпретациях. На основе классификатора эксперты фиксировали элементы карикатуры, характеризующие вербальное и невербальное сообщения, занося полученные данные в матрицу значений. Далее производился ста-

статистический анализ (использовался коэффициент сопряжённости/корреляции для бинарных признаков: $-1 \leq r\text{-Pearson} \leq 1$), создавалась система корреляций, раскрывающая связи при конструировании авторами текстов политической карикатуры. Для создания модели политической карикатуры учитывались только те коэффициенты, которые указывали на сильные корреляционные связи ($|r| > 0,50$).

Предполагалось, что в ситуации напряжённости между Россией и зарубежными странами («странами Запада») периода санкций (с 2014 г.) и пандемии коронавируса (но до специальной военной операции), российская политика будет представлена как опасная и разрушительная (то есть – негативно), с целью трансляции согласованного «образа врага» независимо от того, на какую аудиторию обращён данный образ – на российских граждан (в карикатурах зарубежных медиа на русском языке) или граждан других стран (на английском языке). В то же время различные аудитории определяют разницу в мишенях карикатур (российская политика по-разному «плоха» в русскоязычных и англоязычных карикатурах зарубежных медиа), поддерживают (и формируют) различные негативные стереотипы о России, используют различные инструменты, конструирующие «влияние».

Основные характеристики карикатур о российской политике

Согласно проведённому исследованию, при интерпретации политической карикатуры необходимо иметь базовые знания в политической области и уметь устанавливать логические связи (в текстах карикатур доминируют политическая и логическая пресуппозиции). Практически половина политических карикатур создаётся под конкретные факты (56%), вторая половина иллюстрирует общий контекст международных отношений (44%).

При идентификации групп – ключевых героев карикатур о России в зарубежных медиа – эксперты отмечают российский бизнес, российский народ и российскую власть. В каждой десятой карикатуре представлен собирательный образ России, также на периферии героев карикатур присутствует российское гражданское общество и зарубежные политики. При идентификации персон – ключевых героев политических карикатур о России – эксперты называют российского президента (40% всего объёма карикатур) или какого-либо другого российского общественного деятеля (39%), президента другой страны (около четверти карикатур), а также зарубежных политиков или общественных деятелей (около половины всего объёма, как правило, совместно с российскими политиками). И конкретные персоны, и социальные группы на политических карикатурах о российской политике существуют преимущественно в негативном контексте «все не хороши» («мы не ок – они не ок»).

Что касается реконструкции взаимодействий и отношений, на карикатурах чаще всего отражаются отношения России с США (около трети всех карика-

тур), а также отношения с различного рода деструктивными силами, включая пандемию (более половины). Связи со странами ЕС, СНГ, Китаем и т.д. представлены в незначительном объёме.

Тематически (тематики могли пересекаться) политические карикатуры данного периода (периода санкций и пандемии COVID-19) были ориентированы на проблемы: биополитики и управления в контексте новых вызовов (в совокупности – более трети), недоверия и ожесточения общества (более трети), социального неравенства и социальной несправедливости (более трети), коррупции (около трети), в области здравоохранения (около трети), в области образования (около трети), в области социальной сферы (около трети), науки (около трети), некомпетентности власти (каждая пятая карикатура). Темы, связанные с миграционными проблемами, особенностями национального характера россиян и т.п., в данный период публикации политических карикатур не обнаружены.

Таким образом, в 2020-2021 гг. в политических карикатурах о российской политике зарубежных медиа транслировались стереотипы относительно характеристик России, безуспешно решающей свои собственные (внутриполитические) проблемы. Поскольку жанр карикатуры предполагает высмеивание ошибок, проблем и недостатков, чтобы выявить особенности формирования стереотипов о России (какие стереотипы предлагаются русскоязычным читателям, а какие – англоязычным), рассмотрим в сравнительном контексте русскоязычные и англоязычные источники.

Статистически значимые различия между карикатурами на английском и на русском были получены в области мишеней. Так, российская власть ($p \leq 0,001$) и российский бизнес ($p \leq 0,05$) чаще становились персонажами русскоязычных карикатур. В то же время российский президент значимо чаще оказывался мишенью юмора и сатиры в англоязычных карикатурах (59% англоязычных и 29% русскоязычных; $p \leq 0,001$). В них же также значимо чаще упоминался президент другой страны (40% англоязычных и 11% русскоязычных; $p \leq 0,001$) или другой зарубежный политик (15% англоязычных и 3% русскоязычных; $p \leq 0,001$). Таким образом, русскоязычные и англоязычные политические карикатуры зарубежных медиа имеют принципиально разные мишени для сатиры.

С точки зрения тематик, значимые различия присутствуют в описании социального неравенства и справедливости (0% англоязычных и 7% русскоязычных; $p \leq 0,05$), некомпетентности власти (3% и 25% соответственно; $p \leq 0,001$), ожесточения общества (0% и 7%; $p \leq 0,05$). В англоязычных карикатурах значимо чаще иллюстрируются отношения между Россией и США (63% англоязычных и 11% русскоязычных; $p \leq 0,001$). Следовательно, в англоязычных карикатурах чаще репрезентируются международные отношения.

Что касается диспозиций, в русскоязычных карикатурах зарубежных медиа значимо чаще обращаются к намерениям и планам героев карикатур (20% англоязычных и 47% русскоязычных; $p \leq 0,001$), в англоязычных – к поведению (70% и 52%; $p \leq 0,05$) и отношениям (60% и 22%; $p \leq 0,001$) персонажей политиче-

ской карикатуры. Сюжеты русскоязычных карикатур более «психологичны» и претендуют на прогнозы, а англоязычные ориентированы на разъяснение актуальных позиций.

Русскоязычные карикатуры значимо чаще обладают умеренным критическим потенциалом (37% англоязычных и 65% русскоязычных; $p \leq 0,001$), а англоязычные – чаще бывают ориентированы на острую критику (17% и 1%; $p \leq 0,001$).

С точки зрения структуры и использования образных инструментов при создании политической карикатуры (метафор, прецедентных текстов, локализации юмора и т.д.) статистически значимых различий не обнаружилось. В русскоязычных карикатурах чаще использовалась артефактная (24%) и антропоморфная (19%) метафоры, в англоязычных – антропоморфная (19%), природоморфная (15%) и артефактная (14%). Это означает, что во всех карикатурах образный ряд строится вокруг игры воображения с человеческим образом; в качестве материала для воображения также используются символические предметы и объекты, а анималистические образы (например, стереотипный образ медведя) встречаются в немногочисленных карикатурах.

В том, что касается интенционального ряда, значимые различия между карикатурами на русском и английском обнаруживаются только в двух оценочных позициях: в интенции, связанной с выражением несогласия (14% англоязычных и 5% русскоязычных; $p \leq 0,05$) и одобрения (21% а и 9%; $p \leq 0,05$), что делает англоязычные карикатуры более контрастными в своих оценках.

Относительно визуального ряда, цветовые предпочтения (цветная карикатуры или чёрно-белая) у англоязычных карикатур (20% чёрно-белая и 76% цветная) и русскоязычных (17% и 80% соответственно) представлены равноценно. Однако в русскоязычных карикатурах значимо чаще используется приём воображения «акцентирование» (7% англоязычных и 42% русскоязычных; $p \leq 0,001$) и «типизация» (7% и 18%; $p \leq 0,05$), а в англоязычных – «схематизация» (24% и 9%; $p \leq 0,001$). Это означает, что в русскоязычных карикатурах обобщение и заострение идеи, транслируемой в карикатуре, передаётся в невербальной форме, а в англоязычной картинка чаще служит обычной иллюстрацией, не несёт дополнительного смысла.

Также в русскоязычных карикатурах чаще использовались прецедентные визуальные тексты (8% англоязычных и 34% русскоязычных; $p \leq 0,001$) и интертекстуальность (4% и 15%; $p \leq 0,05$), что позволяет говорить об использовании в русскоязычной карикатуре «эзопова языка» (прецедентные визуальные тексты и визуальная интертекстуальность «намекают» без слов и создают смысловой контекст без артикуляции критики).

Явные различия в работе с визуальной частью текста карикатуры у русскоязычных и англоязычных карикатур зарубежных медиа требуют самостоятельного и более тщательного исследования, поскольку это может быть связано как с социокультурными традициями в представлении визуальной сатиры, так и с индивидуальным авторским стилем художников, иллюстрирую-

щих медийные тексты, создающих политические карикатуры как сотрудники медиаизданий.

Поскольку карикатура всегда представляет некий сюжет, эксперты идентифицировали фреймы действий, изображённых на карикатуре (Рисунок 1).

Согласно экспертной оценке, политические карикатуры о российской политике в период пандемии не были однозначно негативными, раскрывали свои «послания», как правило, обращаясь к описанию проблем в контексте повседневности («фрейм социального ритуала» (18%), «фрейм повседневного социального взаимодействия» (17%), «фрейм поведения из профессиональной сферы» (10%), «фрейм игры» (9%)). Значимые различия между англоязычными и русскоязычными карикатурами были получены в отношении фреймов презентации и самопрезентации (28% англоязычных и 15% русскоязычных; $p \leq 0,05$), фрейма преследования (0% и 6% соответственно; $p \leq 0,05$), фрейма поведения из профессиональной сферы (20% и 5%; $p \leq 0,001$), фрейма эксцентричных действий (0% и 21%; $p \leq 0,001$). Фрейм эксцентричных действий, характерный только для русскоязычных карикатур, наиболее вероятно является маркером авторского стиля ключевого художника, создающего русскоязычные карикатуры для DW. В целом профиль фреймов действий у карикатур скорее схож, однако стоит отметить более разнообразное фреймирование отклонений в русскоязычной карикатуре (проявление фреймов преследования, эксцентричных действий и т.п.).

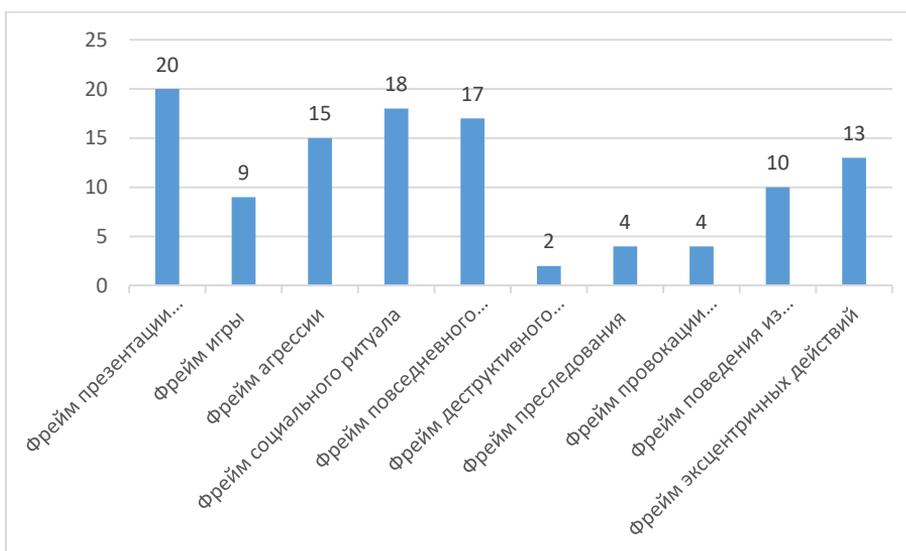

Рисунок 1. Основные фреймы действий в изображениях политических карикатур (%)
Figure 1. Key action frames in cartoon images (%)

Источник: составлено автором по результатам исследования

Примечание: анализируя карикатуры, эксперты могли идентифицировать несколько фреймов действий, связанных с одной карикатурой, поэтому % встречаемости фреймов превышает 100%

Персонажи карикатур были узнаваемы, как правило, благодаря характерной внешности (65% англоязычных и 65% русскоязычных), с опорой на вербальные маркеры – различного рода надписи, подписи и т.п. (41% и 25%; $p \leq 0,01$) и символы (16% и 30%; $p \leq 0,05$). Поскольку через изображение проблематизируется идентичность, эксперты сочли, что на персональную идентичность героев карикатур указывают изображения около половины изучаемой коллекции текстов (50% англоязычных и 47% русскоязычных; различия не значимы), на этническую или гражданскую идентичность – более трети англоязычных карикатур (39% англоязычных и 19% русскоязычных; $p \leq 0,001$), на политическую идентичность – каждая пятая русскоязычная карикатура (15% англоязычных и 21% русскоязычных; различия не значимы). Классовая или религиозная идентичность, принадлежность к экономической элите экспертами идентифицированы не были.

Таким образом, первичный анализ коллекции карикатур о российской политике в сравнительном контексте (англоязычных и русскоязычных карикатур зарубежных медиа) показывает, что это – содержательно и конструктивно – разные мультимодальные тексты. Англоязычные карикатуры чаще рассказывают о российской политике в контексте международных отношений, их мишенью чаще становится российский президент, они более резки и прямолинейны в оценках, охотнее используют вербальные опоры, как бы иллюстрируя собственные позиции, используют контекст повседневности, обыденности, «нормы», чтобы укрепить свою точку зрения.

Русскоязычные карикатуры о российской политике зарубежных медиа обращены к внутриполитическим проблемам России, активно включают широкий круг мишеней карикатуры (представляющих российское общество), более сдержаны в оценках, предпочитая прогнозы актуальным описаниям, охотнее и разнообразнее используют визуальную составляющую креолизованного текста, разнообразнее фреймируют действие, изображенное на карикатуре (подчёркивая его деструктивность), творчески используют невербальную составляющую карикатуры для трансляции своего сообщения.

Как правило, русскоязычные мультимодальные тексты карикатур читают русскоязычные читатели, а англоязычные карикатуры доступны читателям других стран (вне России). В то же время группы образованных россиян, интересующиеся зарубежной точкой зрения на российскую политику, знакомы с англоязычными медиа и англоязычными текстами (включая политические карикатуры), как и специалисты за рубежом, знающие русский язык, способны интерпретировать тексты русскоязычных карикатур. Представленный анализ позволяет предположить, что русскоязычным читателям всё же будут интереснее русскоязычные карикатуры (из изучаемой коллекции карикатур зарубежных изданий), поскольку данные тексты через метафоры и интертекстуальность насыщены смыслами, воспроизводят узнаваемые культурные коды. Однако данный феномен требует самостоятельного психолингвистического исследования,

разъясняющего суггестивное, скрытое воздействие мультимодальных текстов на родном языке на примере воздействия политических карикатур.

Различия между русско- и англоязычными карикатурами о российской политике зарубежных медиа при построении общей модели были учтены в рамках корреляционного анализа, который позволил выделить ведущие связи между компонентами текстов политических карикатур (независимо от того, русскоязычная это карикатура или англоязычная).

Эмпирические модели политических карикатур о российской политике в зарубежных медиа

Поскольку экспертная работа предполагала анализ множества элементов текста карикатур, на этапе математической обработки и математического анализа были получены корреляционные связи между элементами, ряд из которых оказался устойчивым (сильные связи: $|r| > 0,50$). Это позволило предположить, что при создании карикатур можно идентифицировать известные (или негласные, неотрефлексированные) правила, которые используют авторы карикатур для создания образов. Так, научные фоновые знания читателей, которые требуются для правильной интерпретации той или иной политической карикатуры, на практике сцеплены с острой критикой ($r=0,41$ – положительная умеренная связь), а политические пресуппозиции (понимание сложностей политической коммуникации и т.п.) не требуются для понимания русскоязычных карикатур о политике, представленных в зарубежных медиа ($r= -0,38$ – отрицательная умеренная связь).

В то же время литературно-художественные фоновые знания опираются на знания их произведений художественной литературы ($r=0,66$), знания прецедентных текстов ($r=0,41$) (включая знание знаменитых цитат ($r=0,42$)), а также визуальных прецедентных текстов ($r=0,52$) (Рисунок 2). Если же в качестве прецедентных текстов выступают анекдоты, авторы карикатур используют их для создания изображения, визуально успокаивающего читателя ($r=0,42$).

Рисунок 2. Эмпирическая модель фоновых знаний в карикатуре
Figure 2. Empirical model of background knowledge in caricature

Источник: составлено автором по результатам исследования

Наиболее устойчивыми оказались связи между элементами политической карикатуры из визуальной части мультимодального текста. Так, политические карикатуры, выполненные в чёрно-белом формате, использовали образность ($r=0,49$), как правило, содержали очевидное одобрение героя карикатуры ($r=0,71$), одобрение могло быть выражено визуально ($r=0,67$), а также использовались при акцентировании национальной или этнической идентичности персонажей ($r=0,53$) (Рисунок 3).

Цветная карикатура, по всем позициям отличная от чёрно-белой ($r = -0,9$ – сильная отрицательная связь), чаще опиралась на персональную идентичность героя ($r=0,48$) и практически не использовалась для одобрения кого-либо из персонажей ($r=-0,67$ – сильная отрицательная связь).

Чёрно-белая с цветовым акцентом достаточно часто использовалась для высказывания одобрения какой-либо из сторон взаимодействия, представленной на карикатуре (одобрение: $r=0,53$; визуальное одобрение: $r=0,41$).

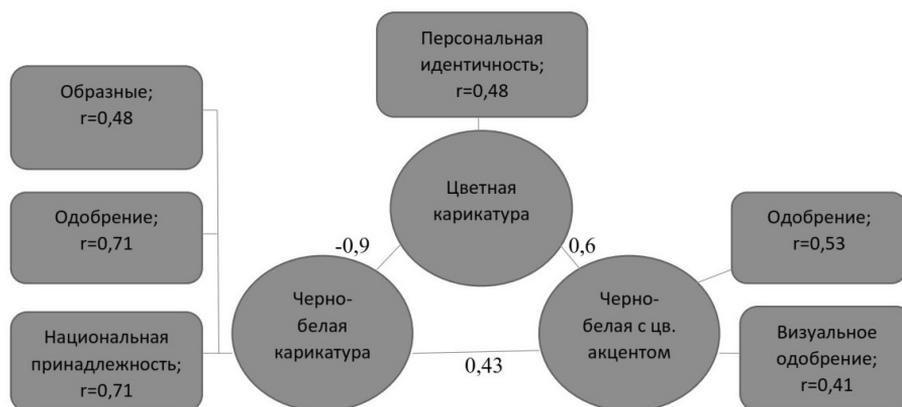

Рисунок 3. Эмпирическая модель использования цвета в политической карикатуре
Figure 3. Empirical model for the use of color in political caricature

Источник: составлено автором по результатам исследования

Для прикладной популярной геополитики в мультимодальных текстах особенно важно создание образа другой территории (другой страны) на основе ключевой проблемы, которая в карикатуре эту территорию олицетворяет.

Тематически сильные корреляции сконцентрированы вокруг популярных тем «отношения с США» (внешняя политика), «коррупция», «проблемы в сфере здравоохранения», «проблемы в сфере образования» (внутренняя политика) (Рисунок 4).

Корреляционные связи раскрывают логику создания карикатур. В контексте отношений с США в качестве персонажа используется образ президента Трампа ($r=0,47$), тема коррупции ожидаемо связана с провокацией и мошенничеством ($r=0,63$), проблемы образования тесно связывают с угрозами и устрашением ($r=0,50$), а проблемы в области здравоохранения представляют разные обще-

ственные деятели, члены правительства и т. д. ($r=0,40$). Таким образом, запугивание и устрашение читателей посредством политических карикатур о России в зарубежных медиа в 2020–2021 гг. происходило именно через проблематику образования. Примечательно, что устойчивые связи сформировались на основе разной детерминации («отношения с США»/«президент США» – конкретизация; «коррупция»/«фрейм провокации, мошенничества» – форма реализации; «проблемы здравоохранения»/ «российский общественный деятель» – персонализация) и только корреляционные связи, объединяющие сферу образования и интенции, указывают на супер-мишень политической карикатуры.

Рисунок 4. Эмпирическая модель тематик политической карикатуры

Figure 4. Empirical model of political cartoon themes

Источник: составлено автором по результатам исследования

Таким образом, политическая карикатура зарубежных медиа о России и российской политике оказывается разделённой на два блока. Разумеется, взгляд зарубежных медиа на Россию – это внешний взгляд, «оценка со стороны», оказывающий влияние на формирование автостереотипов (для русскоязычных читателей) и гетеростереотипов (для англоязычных). Следовательно, инструменты популярной геополитики также успешно вписаны и в контекст пропаганды, позволяя транслировать определённые установки и представления. Если тексты популярной геополитики анализировать с точки зрения пропаганды, важно определить, какая концепция пропаганды максимально продуктивно позволяет рассмотреть логику формирования «воображаемого геополитического контекста».

* * *

Популярная геополитика – относительно новое рефлексивное поле критической геополитики, позволяющее анализировать и выстраивать «воображаемые миры», формировать согласие общества относительно понимания тех или иных территорий. В этом контексте, согласно ряду исследований, страна Россия в мультимодальных текстах карикатур зарубежных медиа предстаёт в виде

сложного и амбивалентного образа медведя (Кипина, Плотникова, Тулайкина 2018; Ульянов, Чернышов 2015; Lazari, Riabov, Zakowska 2019). В то же время современные исследования показывают, что образ медведя на карикатуре скорее типичен для прошлого понимания России (в дискурсах военных конфликтов), а более «мирные дискурсы» вполне антропоморфны (Питлёванная 2016). В данном исследовании зооморфная метафора о России также встречалась лишь в ряде англоязычных политических карикатур и была совершенно не характерна для русскоязычных карикатур зарубежных стран. Необходимость выстраивать образ России не только в периоды открытого противостояния или военного конфликта, а в более мирные периоды требует создания новых образов.

Достаточно часто, анализируя карикатуры, исследователи обращаются к образам президента, «правителя» (Аксенов 2020; Mikhailova 2015). Например, интерес представляет исследование, утверждающее, что образ российского президента в политических карикатурах используется как фон для критики президентов собственных стран (Рогозинникова 2018). В данном исследовании также было показано, что фигура президента действительно часто оказывается в роли мишени сатиры (особенно явно – на англоязычном материале), при этом в политической карикатуре образ президента одной страны часто рассматривается в контексте его отношений с другими президентами (действует правило «общение равных»), однако количественных маркеров для утверждения более позитивного образа российского президента (в сравнении с другими) обнаружено не было.

При изучении политических карикатур также используется анализ фреймов действий (Semotiuk 2019). В обнаруженных исследованиях, однако, речь шла о карикатурах о военных действиях на Украине, поэтому фрейм, связанный с агрессивным поведением, достаточно активно использовался. В данном исследовании, напротив, значительная часть фреймов опиралась на практики повседневного поведения (2020-2021 гг. – период пандемии), поэтому фрейм агрессии был актуален, но не занимал лидирующей позиции.

Значительная часть исследований о политических карикатурах поднимает проблему пропаганды (Аксенов 2020; Цыкалов 2012), рассматривает политическую карикатуру как её инструмент, не фиксируя, какая концепция пропаганды использовалась при анализе текстов. В настоящей работе была предпринята попытка произвести декодирование креолизованных текстов карикатур, показать устоявшиеся практики создания политических карикатур (концепция С. Холла), однако изучение процесса декодирования требует социально-психологического анализа, поскольку различия между замыслом автора и пониманием карикатуры читателем могут быть существенны.

Подобная сконцентрированность на устройстве карикатуры в формате интереса к автору (анализ авторского стиля карикатуриста) также популярна среди исследований (Mikhailova 2015). Обращаясь к авторским инструментам, представляется важным выяснять, как авторы адаптировали редакционную по-

зицию под своё прочтение реальности. Данное исследование показало, что пропагандистские задачи в области «воображаемой геополитики» решаются по-разному в отношении разных аудиторий, при этом русскоязычные карикатуры зарубежных медиа «креативно невербальны» – используют различного рода визуальные приёмы и техники для трансляции идей без их проговаривания. Это позволяет связывать идею креативных индустрий (Каверина, Гретченко, Гретченко 2019) с популярной геополитикой, то есть рассматривать весь комплекс мультимодальных текстов (карикатур, мемов, комиксов, мультфильмов и т.п.) не только в контексте анализа влияния на русскоязычного читателя, но и – активно – в контексте построения «воображаемого мира» вне России. Креативные индустрии в отношении геополитики играют роль мягкой силы, переоценить роль которых невозможно.

Что же касается незначительного числа исследований в области популярной геополитики, особенно в сравнительном контексте, то это может быть связано с трудностями анализа сложных поликодовых и семиотически обогащённых текстов. Возможным решением проблемы могут стать междисциплинарные исследования с опорой на экспертное оценивание и классификаторы, релевантные для анализа мультимодальных текстов, учитывающие и ожидания лингвистики, и потребности политических и социальных наук.

* * *

В условиях международной напряжённости и информационного противоборства, когда общество по разным причинам (например, из-за территориальной удалённости) не может непосредственно наблюдать за событиями и давать им непосредственную оценку, важное значение имеет способность так изложить собственную версию событий, чтобы она была принята большинством и при этом была согласованной. Эту задачу успешно решают мультимодальные тексты (карикатуры, мемы, комиксы и т.п.), которые обладают комплексным воздействием, транслируя сообщение на вербальном и невербальном уровнях.

Согласно гипотезе данного исследования, и русскоязычные, и англоязычные политические карикатуры о российской политике, опубликованные в зарубежных медиа, в негативном свете представляют проблемы, связанные с Россией. Сравнительный анализ русскоязычных и англоязычных мультимодальных текстов карикатур показал, что, независимо от идеологической направленности медиа, русскоязычные и англоязычные политические карикатуры преследуют в чём-то схожие (критика), но в чём-то различные цели.

Формат политических карикатур успешно используется зарубежными медиа для влияния на установки своей аудитории. В англоязычных карикатурах Россия рассматривается в контексте внешней политики, чаще в контексте отношений с США. В условиях напряжённости (но не прямого конфликта) прежние образы («русский медведь», образ, востребованный в периоды открытой кон-

фронтации) уходят на задний план; образы оказываются персонифицированными; наиболее популярен в карикатурах образ российского президента.

В русскоязычных карикатурах зарубежных СМИ Россия предстает в ином ключе: тематическим полем становится внутривнутриполитическая жизнь, а ведущим способом посланий – невербальный и эзопов язык. «Популярная геополитика» русскоязычных карикатур зарубежных медиа конструируется как критический слепок с внутренней политики России в отличие от «популярной геополитики» англоязычных карикатур, ориентированной на критику внешней политики.

Политические карикатуры о российской политике в зависимости от языка раскрывают разные темы, бьют по разным мишеням, используют различную логику в интерпретациях фактов. Русскоязычные карикатуры из изучаемой базы зарубежных медиа ироничны (но не саркастичны), метафоричны и на уровне культурных кодов и смыслов укоренены в русскую культуру (что позволяет им работать с «культурными архетипами»), а англоязычные – резче (критичнее) и однозначнее. Таким образом, первоначальная гипотеза подтвердилась частично, а зарубежные медиа при помощи карикатур выстраивают более сложные стратегии влияния на разные читательские аудитории.

Полученные результаты позволяют предполагать большой потенциал влияния на россиян русскоязычных карикатур зарубежных изданий за счёт опоры на интертекстуальность и культурные тексты, знакомые большинству (прецедентные тексты), а также за счёт мягкой и косвенной критики, нежели англоязычные карикатуры (для российских читателей – однозначные и прямолинейные), что, однако, требует проверки и дополнительных исследований.

Также в исследовании были обнаружены закономерности, которые раскрывают условные «правила создания карикатур», однако для детализации и уточнения выявленных «правил» необходимо дальнейшее сравнение разных коллекций карикатур, собранных на основе различных тематик, языков и т.д. с использованием количественных методов изучения мультимодальных текстов.

В условиях открытости и доступности информации становится возможным ставить исследовательские вопросы, ответы на которые позволят не бояться информационного влияния, а находиться с ним «в диалоге». Практика российских исследований в области популярной геополитики может оказаться полезной для креативной практики создания карикатур: важно не только изучать, как создаются геополитические образы мира российскими оппонентами, но также искать продуктивные способы конструирования собственных геополитических образов, используя в качестве инструментов современные мультимодальные тексты.

Об авторе:

Надежда Константиновна Радина – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры общей и социальной психологии Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603022, Нижний Новгород, Университетский пер., 7. E-mail: rasv@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31335

UDC: 003, 32.019.5, 327
Received: March 24, 2022
Accepted: July 1, 2022

Multimodal Media Tools of Popular Geopolitics: Russian Politics in Foreign Media Cartoons

N.K. Radina

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-130-150](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-130-150)

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article focuses on the political cartoons about Russia and analyzes the potential of multimodal media texts as the tools of popular geopolitics. The author also employs S. Hall's concept of propaganda, considering the text of a caricature from semiotic perspective. The integration of the theoretical fields of popular geopolitics and propaganda is substantiated, since political cartoons not only form stereotypes about politics and international relations among media readers, but also perform propaganda functions, broadcasting the point of view of the information platform on Russian politics and Russia. The empirical base of the study embraces 242 political cartoons from Russian-language and English-language foreign media, posted in the public domain on the Internet in 2020-2021, the period of the COVID-19 pandemic. Political cartoons are analyzed with the method of expert evaluation and interdisciplinary classifier for the analysis of political cartoons. The obtained empirical results were subjected to statistical processing, including the identification of correlations. The results demonstrate that in foreign media political cartoons about Russia and Russian politics create two different images of Russia. The first description is typical for English cartoons where Russia appears in the context of international relations, mostly its ties with the United States; and the target character in English cartoon is the Russian president. English-language cartoons are more often focused on harsh criticism and the use of schematized images. Moderate criticism dominates in Russian-language cartoons of foreign media; the target characters are not only the president, but also other representatives of Russian society. Thematically, Russian-language cartoons are constructed in the context of Russia's in-

ternal political problems; the field of education is usually the most intentionally “negative”. According to the study, it is the Russian-language cartoons of foreign media that have the most complex and rich visual code and use Aesopian language. In conclusion, the author highlights the importance of further studies of the tools of popular geopolitics, as well as the need to improve the practice of creating multimodal media texts in the logic of the Russian understanding of geopolitics.

Keywords: political cartoon, Russia, Russian politics, political communication, multimodal text, media, propaganda, popular geopolitics

About the author:

Nadezhda K. Radina – Doctor of Political Sciences, Professor; Professor of the Department of General and Social Psychology, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Universitetsky per. 7, Nizhny Novgorod, Russia, 603022.

E-mail: rasv@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests

Acknowledgments:

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and Autonomous non-profit organization Expert Institute for Social Research within the framework of research project No. 21-011-31335

References:

Alves A.M. 2014. Jacques Ellul’s “Anti-Democratic Economy”: Persuading Citizens and Consumers in the Information Society. *TripleC*. 12(1). P. 169-201. DOI: 10.31269/triplec.v12i1.465

Borjabad S.A.F., Ruiz del Olmo F.J. 2020. Arab Political Cartoons and Facebook: Nadia Khiari, Ali Ferzat and Mohammed Sabaaneh. *Journal of Communication Inquiry*. 75(3). P. 1-23. DOI: 10.1177/0196859920977115

Chikaipa V. 2019. Caring Mother or Weak Politician? A Semiotic Analysis of Editorial Cartoon Representations of President Joyce Banda in Malawian Newspapers. *Critical Arts*. 33(2). P. 14-28. DOI: 10.1080/02560046.2019.1655583

Denisova G. 2019. Text Categories of Messages in the Form of a Political Cartoon. *SHS Web of Conferences* 69. 00031. DOI: 10.1051/shsconf/20196900031

Hasanah N., Hidayat D. N. 2020. A Semiotic Analysis of Political Cartoons on the First 100 Days of Anies Baswedan Government. *Journal of English Education, Literature, and Culture*. 5(2). P. 322-333.

Lazari A., Riabov O., Zakowska M. 2019. The Russian Bear and the Revolution: The Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917-1918. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 9. №2. P. 325-345. DOI: 10.21638/spbu15.2019.206

Manzoor S., Safdar A., Khan M.A. 2019. Application of Agenda-setting, Framing and Propaganda during News Production Process. *Pakistan Social Sciences Review*. 3(2). P. 213-228. DOI: 10.35484/pssr.2019(3-II)17

Mikhailova T. 2015. A Caricature of the President: Vladimir Putin in Sergei Elkin's Drawings. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 71(1). P. 175-212.

Mullen A., Klaehn J. 2010. The Herman–Chomsky Propaganda Model: A Critical Approach to Analysing Mass Media Behaviour. *Sociology Compass*. 4(4). P. 215-229. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2010.00275.x

- Pedro-Carañana J. 2011. The Propaganda Model in the Early 21st Century Part I. *International Journal of Communication*. №5. P. 1865-1905.
- Pickering S. 2017. *Understanding Geography and War Misperceptions, Foundations, and Prospects*. Palgrave Macmillan, New York. 223 p.
- Rech M.F. 2014. Be Part of the Story: A Popular Geopolitics of War Comics Aesthetics and Royal Air Force Recruitment. *Political Geography*. №39. P. 36-47. DOI: 10.1016/j.polgeo.2013.07.002
- Saunders R.A. 2017. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. NewYork: Routledge. 258 p.
- Semotiuk O. 2019. Russian-Ukrainian Military Conflict in American, German and Ukrainian Political Cartoons: Quantitative and Qualitative Analysis. *Visn. Lviv. Univ., Ser. Zhurn.* №45. P. 280-290. DOI: 10.30970/vjo.2019.45.10010
- Shaw A. 2017. Encoding and Decoding Affordances: Stuart Hall and Interactive Media Technologies. *Media, Culture & Society*. 39(4). P. 592-602. DOI: 10.1177/0163443717692741
- Aksenov V. 2020. Obrazy Lenina v vizual'noy satire i prichiny krakha antibol'shevistskoy propagandy [Images of Lenin in Visual Satire and the Reasons for the Collapse of anti-Bolshevik Propaganda]. *Quaestio Rossica*. 8(2). P. 455-472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474. (In Russian)
- Balagina Yu.V. 2021. Politicheskaya karikatura v zarubezhnykh media [Political Cartoon in Foreign Media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. №6. P. 95-115. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.95115. (In Russian)
- Ebzeeva Yu.N., Dugalich N.M. 2018. Metodika analiza kreolizovannogo teksta politicheskoy karikatury na arabskom i frantsuzskom yazykakh [Methodology for Analyzing the Creolized Text of a Political Cartoon in Arabic and French]. *Vestnik RUDN*. 23(1). P. 127-133. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133> (In Russian)
- Ivanova A.V. 2018. Funktsii politicheskoy karikatury o transtikho-okeanskom partnerstve [Functions of a Political Cartoon about the Trans-Pacific Partnership]. *Sotsiosfera*. №4. P. 222-226. (In Russian).
- Kaverina N.A., Gretchenko A.I., Gretchenko A.A. 2019. Sovremennoye razvitiye kreativnykh industriy v Rossii (opyt stolitsy i regionov) [Modern Development of Creative Industries in Russia (Experience of the Capital and Regions)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 1(75). P. 58-65. (In Russian)
- Kipina M.A., Plotnikova M.V., Tulaykina S.S. 2018. Zhertva russkogo medvedya: obraz Ukrainy vo frantsuzskoy politicheskoy karikature 2014-2018 gg. [Victim of the Russian Bear: the Image of Ukraine in the French Political Caricature of 2014-2018]. *Sopostavitel'naya lingvistika*. №7. P. 26-32. (In Russian)
- Kultysheva I.V., Zhuravskaya O.S. 2016. Kategoriya komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vruga (na primere politicheskoy karikatury) [The Category of the Comic in the Representation of the Image of a Political Enemy (on the Example of a Political Cartoon)]. *Politicheskaya lingvistika*. 4(58). P. 114-123. (In Russian)
- Makarov M.L. 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: ITDGG Gnozis. 280 p. (In Russian)
- Melnikov S.S. 2018. Konflikt mezhdru Rossiyey i Zapadom v rossiyskoy politicheskoy karikature [Conflict between Russia and the West in the Russian Political Cartoon]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. №2. P. 100-114. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.08. (In Russian)
- Okunev I.Yu. 2012. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskiy sdvig v issledovatel'skoy paradigme geopolitiki [Critical Geopolitics and the Post-Critical Shift in the Research Paradigm of Geopolitics]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. 1(2). P. 152-158. (In Russian)

Pitlovanaya L.Yu. 2016. Evolyutsiya obraza Rossii v karikature britanskogo zhurnala "Punch" vo vremya Pervoy mirovoy voyny: "chuzhoj sredi svoikh" – "chuzhoj" [The Evolution of the Image of Russia in the Cartoon of the British Magazine "Punch" during the First World War: "a Stranger among His Own" – "Alien"]. *Mirovyeye voyny v istorii chelovechestva (k 100-letiyu nachala pervoy i 75-letiyu nachala vtoroy mirovykh voyn)*. Kiiv: NİKA-Tsentr. P. 76-109. (In Russian)

Radina N.K. 2021. Mezhpredmetnyy klassifikator dlya kolichestvennykh mediaissledovaniy na materiale politicheskikh karikatur [Interdisciplinary Classifier for Quantitative Media Research based on Political Cartoons]. *Mediascope*. №3. URL: <http://www.mediascope.ru/2723>. DOI: 10.30547/mediascope.3.2021.8. (In Russian)

Rogozinnikova Yu.V. 2018. Obrazy prezidentov Rossii i SSHA v politicheskoy karikature [Images of the Presidents of Russia and the USA in Political Caricature]. *Politicheskaya lingvistika*. 2(68). P. 87-100. (In Russian).

Svechnikova S.V., Aleynikov S.S. 2019. Obraz sovetskogo vruga v nemetskoj karikature v otrazhenii sobytij Grazhdanskoj voyny v Ispanii 1936-1939 g.g. [Image of the Soviet Enemy in the German Caricature in the Reflection of the Events of the Spanish Civil War in 1936-1939]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(83). P. 41-45. (In Russian).

Tsykalov D.Ye. 2012. Karikatura kak orudiye propagandy v period pervoy mirovoy voyny [Caricature as a Propaganda Tool during the First World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*. 1(21). P. 85-90. (In Russian)

Ulyanov P.V., Chernyshov Yu.G. 2015. Rossiya v ambivalentnom "obrazе medvedya" (na primere yevropeyskikh karikatur perioda Pervoy mirovoy voyny) [Russia in the Ambivalent "Image of a Bear" (on the Example of European Cartoons during the First World War)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskiye nauki i arkheologiya*. 4(1). P. 259-265. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-42. (In Russian)

Vol'skaya N.N. 2017. Otsenka i yeye funktsii v kreolizovannom tekste karikatury. *Mediascope*. [Assessment and Its Function in a Creolized Text Cartoons]. *Mediascope*. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/2272>. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аксенов В. 2020. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды. *Quaestio Rossica*. 8(2). С. 455-472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474

Балакина Ю. В. 2021. Политическая карикатура в зарубежных медиа. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. №6. С. 95-115. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2021.95115

Вольская Н.Н. 2017. Оценка и ее функции в креолизованном тексте карикатуры. *Mediascope*. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/2272>

Иванова А.В. 2018. Функции политической карикатуры о транстихо-океанском партнерстве. *Социосфера*. №4. С. 222-226.

Каверина Н.А., Гретченко А.И., Гретченко А.А. 2019. Современное развитие креативных индустрий в России (опыт столицы и регионов). *Вестник СГСЭУ*. 1(75). С. 58-65.

Кипина М.А., Плотникова М.В., Тулайкина С.С. 2018. Жертва русского медведя: образ Украины во французской политической карикатуре 2014–2018 гг. *Сопоставительная лингвистика*. №7. С. 26-32.

Култышева И.В., Журавская О.С. 2016. Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры). *Политическая лингвистика*. 4(58). С. 114-123.

Макаров М.Л. 2003. *Основы теории дискурса*. Москва: ИТДГК «Гнозис». 280 с.

Мельников С.С. 2018. Конфликт между Россией и Западом в российской политической карикатуре. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 100-114. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.08

Окунев И.Ю. 2012. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. *Культурная и гуманитарная география*. 1(2). С. 152-158.

Питлёваная Л.Ю. 2016. Эволюция образа России в карикатуре британского журнала «Панч» во время Первой мировой войны: «чужой среди своих» – «чужой». *Мировые войны в истории человечества (к 100-летию начала первой и 75-летию начала второй мировых войн)*. Київ: НИКА-Центр. С. 76-109.

Радина Н.К. 2021. Междисциплинарный классификатор для количественных медиаисследований на материале политических карикатур. *Медиаскоп*. №3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2723> DOI: 10.30547/mediascope.3.2021.8

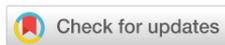
Рогозинникова Ю.В. 2018. Образы президентов России и США в политической карикатуре. *Политическая лингвистика*. 2(68). С. 87-100.

Свечникова С.В., Алейников С.С. 2019. Образ советского врага в немецкой карикатуре в отражении событий Гражданской войны в Испании 1936–1939 г.г. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2(83). С. 41-45.

Ульянов П.В., Чернышов Ю.Г. 2015. Россия в амбивалентном «образе медведя» (на примере европейских карикатур периода Первой мировой войны). *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. №4/1. С. 259-265. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-42

Цыкалов Д.Е. 2012. Карикатура как орудие пропаганды в период первой мировой войны. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. 1(21). С. 85-90.

Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. 2018. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках. *Вестник РУДН*. 23(1). С. 127-133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133

Народ против нации: аксиология коллективного самосознания

Г.Т. Сардарян

МГИМО МИД России

Автор анализирует политико-философское содержание нации и её аксиологические основы в политических теориях модерна и постмодерна, сопоставляя их с процессами изменения культурных парадигм в странах Запада и мира. Ключевым вопросом в данной связи выступают причины, по которым отдельные этносы оказались способны сформировать национальные государства с точки зрения различных политико-философских течений. Автор придаёт особое значение религиозному фактору, который в соответствующих модернистских теориях наделяется либо незначительной, либо отрицательной ролью в формировании нации, что не соответствует действительности, так как именно он служит образованию ценностей, позволяющих социуму обладать коллективной идентичностью, основанной не на родоплеменных связях. В соответствии с этим, автор противопоставляет нацию как форму политической организации социума, объединённого общими ценностями, народу в его современном виде как совокупность индивидов, движимых исключительно собственными интересами, что ведёт к недееспособности институтов национального государства. Автор приходит к выводу, что коллективная идентичность социума, основанная на наиболее устойчивых ценностях, формирующих политическую культуру и институты общества, будет определяющим фактором в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: нация, народ, модерн, постмодерн, либерализм, марксизм, конструктивизм

В эпоху постмодерна восприятие любых коллективных форм самоидентификации индивида трактуется как анахронизм, а в некоторых случаях – как противоречие социальному прогрессу, отвергающему общее как угрозу частному. Сам индивид предстаёт для современной философии чем-то сомнительным. Французский философ Жак Лакан говорит об исчезновении «индивида» как неделимого единства и заменяет его «дивидом» – разорванным и растерянным человеком (Лакан 1997). При этом введённый Цицероном термин «individuum» по аналогии с древнегреческим атомом обозначал «неделимый»,

УДК 321

Поступила в редакцию: 13.04.2022

Принята к публикации: 30.08.2022

и «именно целостность человеческой личности, его индивидуальность как уникальное, неповторимое своеобразие только ему присущих мыслительных, поведенческих, биологических и нравственных характеристик с их устойчивыми психофизиологическими особенностями и была той отрефлексируемой многими поколениями западных учёных догмой для создания мифологемы автономной личности, в которой усматривался залог демократической основы западной цивилизации (Ильин 2001)».

Все современные институты демократического и республиканского государства построены не просто на концепции индивида как целостного субъекта, но и на необходимости осознания им коллективной самоидентификации как части общего, что необходимо для достижения общего блага посредством общего дела в республике и обеспечении легитимного консенсуса в демократии. В данной связи важнейшей ролью обладает нация как политическая общность людей, объединённых в первую очередь гражданской принадлежностью. Все современные западные республики, так же как и большинство конституционных монархий, находят своё идейно-теоретическое основание в концепции гражданской нации, легитимизирующей собственным коллективным волеизъявлением систему управления государством.

В данной связи можно предположить, что разрушение сначала любых форм коллективной самоидентификации индивида, а затем и его самого как целостного единства неминуемо приведёт к распаду тех политических институтов, которые были созданы в условиях совершенно иной культуры. «Нации» как коллективной общности граждан всё чаще противопоставляется «народ» как обезличенная, не обладающая общей политической волей совокупность населения, способная уничтожить государственность в её основании. Сводя сложные механизмы политических систем республиканской модели к плебисцитарным формам участия населения в политической жизни страны, в особенности в условиях цифровизации, современное государство стоит на грани прихода к абсолютной дисфункциональности собственных политических институтов.

В данной связи, важной особенностью рассмотрения нации как политико-философской категории в данном исследовании является отказ от широко распространённого подхода, заключающегося в игнорировании роли религии и религиозной культуры. Подходы к соотношению религии и нации в современных исследованиях можно условно разделить на четыре группы (Brubaker 2012). Первая заключается в том, чтобы рассматривать религию и национализм наряду с этничностью и расой как аналогичные явления. Вторая определяет способы, которыми религия помогает объяснить национализм. Третья рассматривает религию как часть национализма и определяет способы взаимопроникновения и переплетения. Четвертая постулирует отчётливую религиозную форму национализма. Однако в данном случае речь идёт о тех исследованиях, которые в принципе рассматривают религию как фактор при исследованиях политико-философского содержания нации, что встречается в современных исследованиях значительно реже, чем исключительно секулярные трактовки генезиса и эволюции данной ка-

тегории. Данное же исследование видит в религии важнейший источник формирования наиболее устойчивых ценностей, определяющих коллективное самосознание социума, без чего формирование нации будет практически невозможно.

Данные обстоятельства определяют необходимость подробного рассмотрения сущности «нации», которая в отечественной практике, зачастую, имеет совершенно иное значение, чем в большей части зарубежных исследований. Отметим, что дискуссии относительно того, что есть народ, нация и этнос, ведутся не только в российской науке. Так, например, М. Вьеворка в своих работах задавался вопросом о том, что есть «народ»: это единое социальное тело или это небольшая группа «маленьких» людей, способных противостоять элитам? (Wieviorka 2012). В пример он приводит Россию во второй половине XIX в. и Францию после 1968 г. Он также отмечает, что о «нации» скорее будут говорить правые, тогда как о «народе» – левые (Wieviorka 2012).

А.И. Миллер в рамках одной из своих работ, посвященной генезису понятия «нация» в России (Миллер 2015), например, рассматривал понятия «народ» и «народность» в связке с понятием «нация», поскольку это позволило ему выделить ту область, где они получали политическое содержание. Кроме того, отметим и ряд статей, в которых на понятие «нация» Алексей Ильич смотрит в рамках истории культурных трансферов (Миллер 2010).

Автор считает необходимым проследить возникновение «нации» как политико-философской категории, её отличительные черты от «народа» в античной и современной трактовке, а также установить причины, по которым именно она является источником власти современной формы республики и демократии. Важно также рассмотреть метаморфозы понятия «нация» в политических теориях модерна, либеральной и марксистской, а в особенности – в марксистско-ленинской политической философии, так как они имели в своём основании политические процессы, протекавшие на практике, сформулировали теоретические категории, которые затем в том числе и до сих пор оказывают большое влияние на социум в современной России.

Таким образом, предлагается рассмотреть философские концепции, затрагивающие вопросы формирования и развития нации, сопоставляя их с культурными явлениями и политическими процессами, присущими данному периоду развития общества, а также сравнивая в динамике, для понимания причин, способных трансформировать нацию в современном её виде.

Генезис нации

Изначальное значение термина «нация» связано с фактором, который современные исследователи предпочитают отводить на второй план – местом рождения (*natio* в переводе с латыни). Схожим образом данный термин использовался в Средневековье региональными корпорациями студентов. В политическом смысле термин впервые был употреблён в названии Священной Римской империи гер-

манской нации, в состав которой, помимо прочего, входили также итальянские, славянские, франкские государства и народы.

Важнейшей вехой в попытке осмысления наций как философской концепции является труд Джамбаттиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций», изданный в 1725 г. В нём итальянский философ синонимизирует понятия «мира гражданственности» и «мира наций», указывая на гражданство как главный критерий выделения нации. Вико сознательно развивает своё представление о *scienza* (науке или знании) в противовес господствовавшей тогда философии Декарта с её упором на ясные и отчётливые идеи, самые простые элементы мысли, из которых, по мнению картезианцев, могло быть получено всякое знание. Как утверждал Вико, одним из следствий и недостатков этого гипотетико-дедуктивного метода является то, что он представляет явления, которые не могут быть выражены ни логически, ни математически, как иллюзии того или иного рода. Это в наибольшей степени относится не только к данным чувств и психологическому опыту, но также и к не поддающимся количественной оценке свидетельствам, составляющим гуманитарные науки.

Нации, по мнению Вико, не обязательно должны развиваться в одном темпе — менее развитые могут сосуществовать и сосуществуют с находящимися в более продвинутой фазе, — но все они проходят одни и те же отдельные стадии: эпохи богов, героев и людей. Нации развиваются в соответствии с этим делением в постоянном и непрерывном порядке причин и следствий, присутствующих в каждой из них. Каждая стадия, а тем самым и история любого народа, характеризуется проявлением свойственных ей естественных законов и различных языков (знаков, метафор и слов), правительств (божественных, аристократических государств, народных государств и монархий), а также системы юриспруденции (мистическое богословие, героическая юриспруденция и естественное равенство свободных государств), которые их определяют.

Таким образом, Вико, с одной стороны, находится в поиске универсального метода становления наций, при этом фиксируя невозможность единого идейно-теоретического наполнения их сущности. Каждая из выделяемых им стадий предполагает различие как «богов», так «героев» и «народов» в их ценностном наполнении, что и формирует различия между самими нациями. Вико утверждает, что открыл два вида мудрости — «поэтическую» и «философскую», — соответствующие двойственной природе человека (чувству и интеллекту), представленные в творениях богословских поэтов и философов соответственно. Институты возникают, прежде всего, из непосредственности чувственного опыта, чистого чувства, любопытства, удивления, страха, суеверия и детской способности людей подражать и антропоморфизировать окружающий мир. Поскольку в детстве люди были по своей природе возвышенными поэтами, рассуждает Вико, нации должны быть поэтическими в своём начале, поэтому их происхождение и направление можно обнаружить, воссоздав или вспомнив лежащую в их основе «поэтическую» или «метафизическую истину».

К этому можно отнести и мифы, и предания, но в первую очередь – религию, как наиболее систематизированное метафизическое представление социума об окружающем мире. То есть важно зафиксировать, что в формировании наций и их самосознании религия является важнейшим началом, в котором следует искать идейно-теоретические основания её сущности.

Нации в конструктивизме

Важное место в изучении природы наций играет политическая философия конструктивизма, которая полагает, что нации представляют собой искусственные явления, целенаправленно сконструированные интеллектуалами (учёными, политиками, идеологами) на основе единого проекта. В данном случае географическими границами нации обозначаются те, в которых существуют конкретные государства, вне зависимости от их этнического состава. Скажем, Бенедикт Андерсон говорил о том, что все сообщества, большие, чем первобытные деревни с непосредственным личным контактом, являются воображаемыми (Anderson 1991).

Ю. Хабермас в своём определении национального государства исключает религиозный фактор и определяет его как этнонациональную общность соотечественников и как республиканское объединение граждан (Хабермас 2001). С его точки зрения, такие концепты, как «нация», «национальная идея», «национальное сознание» являются сконструированными и нужны лишь для того, чтобы после утраты божественного обоснования власти сплотить население вокруг отдельного государства (Хабермас 2001).

Александр Вендт утверждает, что значение понятия «идентичность» (особенно идентичности государств) оказалось решающим в конструктивистской теории, но не определяющим, так как государства социализируются в процессе, то есть определяют и переопределяют свою идентичность и интересы, когда взаимодействуют с другими. Таким образом, именно посредством взаимодействия с другими акторами государства определяют себя, цели, которые они преследуют в своей международной повестке дня, и роли, которые они должны играть на международной арене. Таким образом, по его мнению, ядро конструктивистского понимания идентичности состоит в том, что взаимодействие между собой создаёт идентичность государств, понимание «себя» и «другого» становится ключевым в этой теории. В конструктивистском подходе идентичность автоматически понимается как «государственная», которая, следовательно, является коллективной и создаётся, а не даётся (Wendt 1994).

Подобная позиция вызывает целый ряд вопросов. Безусловно, нации подвержены динамике в своём развитии, и важным фактором в данном случае является их взаимодействие с окружающими их государствами. Многие исследования показывают, что население христианских государств, окружённых мусульманскими странами, в особенности тех, что находились под их властью, придаёт большее значение собственному религиозному наследию, чем те, что находятся в

более гомогенном этноконфессиональном окружении¹. Однако даже для динамики в процессе столкновения «мы» и «они» нациям необходимо изначальное осознание собственной идентичности. Принадлежность идентичности исключительно социальному конструированию интеллектуалов создавало бы волатильность, при которой с каждой сменой политико-философских эпох человечество имело бы дело с распадом существующих наций. Фактически каждое новое поколение интеллектуалов было бы способно сконструировать новую нацию, обладающую собственным набором идейно-теоретических сущностей, чего, однако, не происходило. Как отмечает В.А. Тишков, в российской этнологии этносы и этнофоры также вытесняются концептом идентичности (Тишков 2016), появились понятия «воображаемых сообществ» и «этничность без групп» (Тишков 2021).

Разные нации, безусловно, обладали кардинально отличающимися формами самоорганизации, сохраняя, при этом, собственную коллективную самоидентичность. Более того, данные утверждения являются отчасти верными, если рассматривать через их призму историю возникновения и развития государственности в Европе, лишая права обладания статусом нации любые государства, расположенные вне Запада, а также те, что предшествовали современным европейским странам. Позиция конструктивизма об отсутствии преемственности между этническими группами доиндустриального общества и современными нациями, ввиду того что в доиндустриальную эпоху этническая идентичность не играла такой важной роли, уступая другим формам самосознания, таким как сословие и религия, является лучшим тому доказательством.

Существует большое количество наций, для которых этническое и религиозное происхождение являются взаимосвязанными и служат способом самоидентификации во взаимоотношениях с соседними государствами. Есть и те, чьё этническое происхождение схоже, и лишь религия является главным определяющим фактором (сербы и хорваты). Коллективное самосознание такого этноса, как евреи сформировалось задолго до индустриального общества, сочетая в себе и этнический, и религиозный фактор, вылившийся впоследствии в самоорганизацию в виде государства.

Ярчайшим примером в данной связи может служить Россия, где одна и та же нация – русские, за 100 лет сменила три формы самоорганизации – империю, социалистическое государство, демократическую республику, сохранив при этом собственную идентичность. Безусловно, можно было бы возразить, что идентичность т.н. «советского человека» значительно отличалась от православного подданства времён империи, однако именно пример России наиболее ярко демонстрирует, что даже несмотря на попытку построения абсолютно нового типа общества не только со стороны интеллектуалов, но и государственной власти, опирающуюся на по-

Evans J., Baronavski C. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (accessed 10.09.2022)

литико-философскую концепцию, отрицающую религиозный фактор, цивилизационное наследие социума оказалось значительно важнее доктрины марксизма, вскоре найдя своё воплощение в более традиционных для русской нации ценностях, а затем и вовсе заполнив вакуум в социуме после распада СССР.

С данной точки зрения, изучение марксистского, в особенности марксистско-ленинского взгляда на сущность нации представляется важным, так как оно в значительной степени отличается от альтернативных концепций и оказало ключевое влияние на детерминацию национального не только в науке, но и в политической реальности.

Нации в политических теориях модерна

Маркс и Энгельс заявляют в Манифесте коммунистической партии, что они видят в нации фазу, через которую мир должен пройти, прежде чем он достигнет своего конечного состояния, которое является всеобщим коммунизмом. Поэтому такие понятия, как «нация», «национализм» и «родина» являются не более чем переходными состояниями, которые необходимо пройти перед конечной целью. У трудящихся нет родины, у них нельзя отнять то, чего у них уже нет. Пролетариат каждой страны должен сначала захватить власть, стать национальным классом и стать нацией (Маркс, Энгельс 2020).

Ленин несколько иначе трактовал значение и роль нации в собственной теории. Он утверждал, что нации появляются во время кризиса феодальной системы, вследствие необходимости государственного сплочения территорий с населением, говорящим на одном языке. Формой их выражения он называл национальное государство, из-за чего право наций на самоопределение рассматривалось как отделение от «чуженациональных коллективов» и «образование национального государства» (Ленин 1952).

Важнейшей вехой в рассмотрении марксизмом вопроса сущности нации является работа И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Он определяет нацию как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, при этом отрицая тождественность нации и государства, приводя в качестве примера Австрию и государство Кира.

Сталин умышленно отрицает значение религии в формировании единой нации, что объясняется идеологизированностью марксизма и его атеистическим характером. Так, он говорит о значимости общности языка, приводя в пример чехов, сохраняющих свою идентичность в Австро-Венгрии благодаря языку, общности территории, указывая на североамериканцев, говорящих на одном языке с англичанами, но не образующими с ними единой нации, общности экономической жизни, отмечая разрозненность экономического уклада грузин до XIX в. Наконец, он говорит о национальном характере, приводя в пример ирландцев, говорящих на одном языке с англичанами, населяющих одну и ту же территорию

и живущих общей экономической жизнью, но имеющих своеобразный психический склад.

При этом он утверждает, что русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи не образуют единой нации, поскольку их общность построена на религии, общем происхождении и остатках национального характера (Сталин 1953). Согласившись с некоторыми критериями, такими, как общность территории, языка, экономической жизни, стоит отметить, что в корне т. н. «психического уклада» следует искать непосредственно религиозно-культурное наследие, что позволит иначе взглянуть, в том числе, на примеры ирландцев и различных групп евреев, о которых пишет Сталин.

В СССР изначально, в соответствии с концепцией Ленина, нация отождествлялась с этносом в составе государства. Уже к 1920-м гг. становится очевидно, что степень развития национального самосознания у различных этнических групп в Советском Союзе различалась, и применение данного термина постепенно стало утрачивать изначальный смысл, в связи с чем стали чаще использоваться понятия «национальность» и «народ».

С ещё большими проблемами марксистско-ленинская концепция сталкивалась при попытке распространения своей методологии для рассмотрения наций вне СССР. Если в самом Советском Союзе тождественность этнических групп казахов, узбеков, армян, грузин и др. их национальному происхождению могла быть оправдана, то аналогичные попытки в странах Латинской Америки либо среди наций с большим количеством государств, таких, как арабы, были в корне несостоятельны. Идеологизированный же характер концепции, отвергающий религиозный фактор в формировании нации, исключал возможность объективного рассмотрения процессов образования новых государств на месте Британской Индии, в Ливане, в Африке и т. д. В итоге для решения данной проблемы внутри СССР использовался термин «многонациональный народ», а капиталистические государства рассматривались сквозь призму «угнетающих» и «угнетённых» наций. Это оставило свой отпечаток и на современной России, где термины «нация» и «национальность» в политическом и правовом смысле используются в качестве синонимов этноса, в то время как в западной традиции они тождественны гражданству.

Параллельно с марксистской концепцией нации развивалась и т. н. «примордиалистская» теория, понимающая нацию как переход этноса на особую стадию развития. Однако, данная концепция была полностью лишена научного начала и опиралась на идеологизированную аксиому о биологическом характере национального духа, иррационального по своей природе и отражающегося в различных народах, определяя их отличия друг от друга.

Таким образом, две из трёх главных политических теорий модерна (марксизм и нацизм) трактовали нации и их сущность, либо умышленно опуская такие важные факторы, как религия и политическая культура, для соответствия данной концепции общей теории, либо наделяли их сверхъестественными характеристиками для оправдания неравенства в межнациональных отношениях.

Третья же, либерализм, изначально обладала политической философией, содержащей иногда прямо противоположные точки зрения в отношении нации – от необходимости опоры на неё как на единственный способ обеспечения индивидуальных прав и свобод до категорического отрицания её субъектности. Джон Локк предполагал, что индивид становится членом человеческого коллектива только потому, что он дал на это согласие, и имеет обязательства по отношению к таким коллективам только в том случае, если он их принял (Locke 2018). Акцент Локка на общественном договоре отрицает значение институтов, которые возникают в результате уз лояльности, таких как национальное государство, сообщество, семья и религиозная традиция.

Монтескьё восхваляет верховенство закона, торговлю, разделение и баланс властей и представительное правительство, но враждебно относится к предписывающим системам и настаивает на том, чтобы законы отражали национальный, географический, исторический и религиозный контекст. Соответственно, очень важно знать, в каких случаях должно быть единообразие, а в каких – различия. Универсальные принципы индивидуальной свободы и человеческого равенства должны подчиняться тому, что Монтескьё называл «духом нации» (Montesquieu 2019), включающему в себя идею частной собственности, личности и стремление к определённым видам экономической деятельности.

Однако дальнейшее развитие либерализма было неразрывно сопряжено с развитием позиции об индивидуальном характере ценностей, попытках представить общество не как самостоятельный субъект, а как совокупность составляющих его индивидов. В этой парадигме любые формы коллективного самознания и самоидентификации либо отрицаются, либо наделяются абстрактным содержанием, не имеющим под собой трансцендентного начала, не подверженного возможности значимого вмешательства человеческого фактора. Френсис Фукуяма утверждает, что условия общественного консенсуса требуют более широкой и целостной национальной идентичности, в качестве решения предлагая отрицать общие личные характеристики, жизненный опыт, исторические связи или религиозные убеждения, делая ставку на основные ценности и убеждения, такие как конституционализм, верховенство закона и человеческое равенство (Fukuyama 2019). Подобный позитивистский, в философско-правовом смысле, подход отрицает любую взаимосвязь закона с аксиологическими основами общества, выступающими в качестве основного фактора для функционирования любой правовой системы. Законы, в том числе и конституции, являются следствием развития ценностной системы общества, которая в условиях отсутствия перечисленных Фукуямой факторов будет находиться в рабской зависимости от воли регулятора, не ограниченного никакими трансцендентными началами. Очевидно, что либерализм в современном его виде сконцентрирован вокруг того, что Йорам Хазони называет «имперской политической философией», принципиально противоположной существованию различных национальных государств (Hazony 2018). Отрицая особенности социумов и стремясь к построенную миропорядка,

основанного на глобализме, либеральная политическая философия в современном её виде стремится к поиску универсальной модели государства, отрицающей практически все составные элементы нации – язык, культуру, территорию, границы и единый экономический уклад.

Можно утверждать, что все три политических теории модерна в данном контексте оказались подвержены одной и той же проблеме – стремлению к построению наднациональной системы того или иного варианта. Все подобные варианты предполагали невозможность существования наций как субъектов, обладающих собственными формами культурного самосознания. В случае с либерализмом – потому что любые ценности принадлежат лишь индивиду и не обладают общественным характером, в случае с марксизмом – потому что они являются пережитком буржуазного общества и препятствием на пути пролетарской революции, а в случае с нацизмом – потому что ценности не являются следствием социального развития, а представляют собой биологическое явление, предполагающее невозможность равноценного признания их в различных государствах.

Постмодерн и нации

Эпоха постмодерна в политической философии обозначила культурные изменения современного социума, которые не обошли стороной и нацию как способ коллективного самосознания людей. Сам термин «постмодернизм» был введён Джоном Арнольдом Тойнби для обозначения последней четверти XIX в., времени, когда капитализм, империализм и западная цивилизация в целом начали приходить, по его мнению, в упадок. Он отмечает подъём «массы»: массовой культуры и массового образования. Изучив 21 мировую цивилизацию, Тойнби отмечает, что распадающиеся общества пали от «раздвоения души», совершая культурное самоубийство. Индивиды перестают придерживаться норм морали, идут на поводу низменных импульсов ценой утраты творчества, одержимы чувством развязности, впадают в апатию, обладают желанием уйти от реальности, избежать проблем, укрыться в беззаботном мире развлечений. Наступает неразборчивость, проявляющаяся в мысли, что ничего неприемлемого не существует, некритическая терпимость к чему угодно (Toynbee 1987).

Современные постмодернисты рассматривают человека в отрыве от концепции индивида как неделимого субъекта. Он более не является «атомом» социума, так же как и атом в естественных науках перестаёт быть неделимой частицей. Ярким примером является рассмотрение Мишелем Фуко «дисциплинарной власти», направленной на максимально эффективное использование навыков тела. По его мнению, чем полезнее становится тело, тем более послушным оно должно стать. Согласно Фуко, «индивидуум» — это конструктор, созданный дисциплинарной властью (Foucault 2011). Фуко рассматривает власть как возводимую снизу, изначально в социальной структуре, наиболее поддающейся биологическим ма-

нипуляциям, в семье, а затем распространяющуюся вверх до самого широкого родового коллектива – этноса (Foucault 2008).

В трудах другого видного постмодерниста Ричарда Рорти можно найти указания на то, что, либерализм может обойтись без философских предпосылок, а социальные институты следует рассматривать как эксперименты в сотрудничестве, а не как попытки воплотить универсальный и внеисторический порядок (Rorty 1990).

Следствием развития общества, построенного на основе постмодернистских принципов, является то, что Бодрийяр называет «отчуждением», являющимся самой структурой общества потребления, где всё является товаром, который можно купить и продать, и где постулируется конец трансцендентности, когда люди не могут воспринимать ни свои собственные истинные потребности, ни другой образ жизни (Baudrillard 2016).

Если три политические теории постепенно вели к исчезновению нации как субъекта ввиду собственных идеологических догм, то эпоха постмодерна развивает идейно-теоретические основы одной из них – либерализма, доводя их до абсолюта. Там, где под вопрос ставилась субъектность социума ввиду приоритета индивида, теперь под вопрос ставится субъектность самого индивида. Коллективный характер ценностей, критикуемый либерализмом в угоду их индивидуальному характеру, уступает место отсутствию ценностей у самого индивида ввиду необходимости отхода от диктатуры разума. В условиях распространения современных течений этики, ставящих под вопрос уже не роль индивида в социуме, а саму его цельность, отрицающих любые формы трансцендентности и коллективного, национального и нация станут первыми жертвами культурного самоубийства.

Нация и народ

Нация не тождественна государству, но без неё оно теряет возможности для собственного существования. Нация также не синонимична этносу и его культуре, но без них в собственной основе она оказывается лишена фундамента, необходимого для коллективного самосознания. В сущности, все теории модерна отчасти правильно определяли отдельные составные элементы, необходимые для формирования нации.

В её основе всегда будет находиться этническая группа или группы, объединённые единым языком. Однако без общей культуры, сочетающей в себе единые коллективные ценности социума, общего этнического происхождения окажется недостаточно для формирования национального самосознания. Ввиду наименьшей подверженности временным изменениям и вмешательству человека, подобную роль играет, в первую очередь, религия и формируемые ею ценности, обладающие наиболее существенным влиянием на аксиологию социума. Примеры Индии и Югославии, приводившиеся выше, война в Судане и многие другие политические процессы современного мира являются ярким тому подтверждением.

Отказ от религиозной культуры лишает нацию наиболее устойчивых ценностных основ собственной субъектности и коллективного самосознания социума, которой она призвана политически организовать. Отказ же рассматривать её как фактор в формировании нации не позволяет объективно рассматривать генезис и эволюцию процессов, позволяющих одним этносам сформировать собственные государства, а другим – сохранять форму родоплеменного устройства.

На протяжении многих веков именно трайбализм в разных его проявлениях являлся препятствием на пути формирования нации у различных этносов. Обладая всеми характеристиками, свойственными нации, включая единую территорию, общий экономический уклад, язык и прочее, индивиды, составлявшие подобные социумы, мыслили себя частью более маленьких групп – семьи или города. Нация же становится возможна там, где возникает коллективная идентичность, объединённая, прежде всего, ценностями. Религиозная культура является носителем тех ценностей, которые способны нивелировать различия в бытовых, географических, классовых и любых других различий социума. Она необязательно будет способствовать формированию наций, тождественных гомогенным этническим группам. Даже христианство в двух его проявлениях вело к дихотомии, в которой западная церковь формировала надэтнические национальные сущности, в то время как восточная прочно обрамляла культуру отдельных народов, возводя православные церкви вокруг отдельных народов.

Вне зависимости от того, что считать отправной точкой формирования наций – индустриальную эпоху или возникновение государств за несколько тысячелетий до этого, очевидно, что без религиозно-культурного фактора она была бы несостоятельна. К моменту объединения Италии в 1861 г. лишь 2.5% населения страны говорило на тосканском диалекте, провозглашённом государственным. Этнические и антропологические различия населения, скажем, в Тоскане, Ломбардии и Неаполе широко известны современной науке. Однако, если бы Королевство обеих Сицилий было бы населено мусульманами, а в Венето проживали индуисты, то процесс формирования единой итальянской нации в границах современной республики вряд ли состоялся бы в подобном виде.

Забвение религиозно-культурных ценностных основ общества в христианском мире, способное уничтожить идейно-теоретический базис национального государства, сопровождается их подменой культурой индивидуализма, трансформировавшегося в условиях постмодерна в идеологию общества потребления. На смену нации приходит народ, который в демократической парадигме является главным носителем государственной власти, однако в противопоставлении нации представляет собой совокупность ничем не связанных индивидов, лишённых представления об общем благе.

Нация отличается от народа собственной политической организацией. Территория и экономический уклад, ценности и культура могут быть присущи и этническим группам, компактно проживающим на территории другого государства, однако лишь в случае осознания ими собственной коллективной идентич-

ности, ведущей к формированию политической самоорганизации, построенной на гражданской принадлежности государству, они способны являться нацией.

Народу обладать подобными характеристиками необязательно. Несмотря на то, что в конституционном праве народ тождественен гражданам страны, его политическая сущность представляет собой совокупность индивидов, ведомых собственными интересами. Национальное государство же невозможно без жертвы частного в угоду общему, что не осуществимо без коллективной идентичности, основанной на общих ценностях.

При этом необходимо понимать, что национальным самосознанием могут обладать и группы, лишённые в настоящий момент государственности по причине политической конъюнктуры или исторических условий формирования карты современного мира. Курды и каталонцы, баски и палестинцы, многие другие народы обладают всеми критериями формирования нации, однако лишены собственного государства. При этом в условиях современных миграционных процессов возможны и ситуации, когда на территории многих европейских государств проживают компактные группы выходцев из других стран, обладающих иным национальным самосознанием, нежели местное население.

В этих условиях, исходя из того, что ни одна нация не находится в вакууме и живёт в условиях соприкосновения как с другими нациями, так и сложными процессами внутри себя, можно ожидать, что те государства, которые станут в наибольшей степени подвержены распространению либеральной и постмодернистской ценностной парадигмы, столкнутся с острым кризисом собственной национальной государственности.

Если научное сообщество в какой-то степени пришло к консенсусу об ошибочности концепции «конца истории», где границы исчезнут повсеместно, а индивиды будут различаться лишь цветом волос и сотнями разновидностей пола, которые они смогут для себя выбрать самостоятельно, то можно с уверенностью утверждать, что та часть мира, которая продолжит собственное развитие в данном направлении, окажется с полностью дисфункциональным государством, окружённым более дееспособными национальными образованиями, а зачастую и имея в своём составе группы, обладающие национальным самосознанием и способные взять ответственность за формирование политической самоорганизации. Совокупности индивидов, не обладающих никакой формой коллективного самосознания, лишённых не только общих ценностей, но и собственных морально-нравственных ориентиров, будут противопоставляться группы внутри их же собственных государств, представителей иных цивилизаций, обладающих всеми необходимыми характеристиками для создания национального государства.

Окружающий же мир будет представлен нациями, не подверженными тем изменениям, которые происходят по обе стороны христианства. Ни в одной из современных цивилизаций либеральная и постмодернистская парадигмы не имеют подобного распространения. Острые социальные кризисы в странах Запада, возникающие на основании самых разных факторов – расового, полового, ми-

грантского, имеют в своей основе единственную причину – кризис коллективных ценностей, способных объединить общество для нормального функционирования политической системы и государственной власти. За каждым из данных кризисов стоит либо либеральная идея об отсутствии любых границ общественной морали, либо неотроцкистские и грамшианские представления об угнетённости любой социальной группы. И в одном, и в другом случае народ ищет способ уничтожения нации, частное борется против общего, будучи убеждённым в виновности государства и остатков единого общества в существующих проблемах.

Может ли мир существовать без наций? Безусловно. Но не всех, а лишь некоторых. Глобальное человечество, планета без границ и прочие утопические представления либеральных мыслителей последние 30 лет доказали свою неспособность. Таким образом, речь идёт лишь о том, какие нации продолжают своё существование на политической карте мира, а какие уступят им своё место ввиду тех факторов, о которых писал Тойнби ещё в середине XX в. Коллективная идентичность социума, основанная на наиболее устойчивых ценностях, формирующих политическую культуру и институты общества, будет в данной связи определяющим фактором в ближайшие десятилетия, укрепляя национальную государственность там, где она присутствует, и разрушая там, где её место займет культура индивидуального эгоизма.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – доктор политических наук, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 321
Received: April 13, 2022
Accepted: August 30, 2022

Nation vs. People: The Axiology of Group Identity

H.T. Sardaryan
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-151-166](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-151-166)

MGIMO-University

Abstract: The article takes a political philosophical perspective in a conceptual analysis of the nation, focusing on its axiological foundations in the political theories of modernity and postmodernity. It reviews the political philosophy arguments explaining conditions and

reasons for individual ethnic groups to become nations. The author emphasizes the role of religion in this process as the main factor in forming national values and identity beyond tribal ties. Despite its importance religion is often dismissed in the research literature on nationalism and nation-building.

To stress the importance of collective solidarity for sustaining a national identity, the author juxtaposes the idea of the *nation* understood as a collective of individuals living in a nation-state united by common values to the idea of the *people* understood as a collective of individuals living in a nation-state driven solely by their egoistic interests. From this perspective the *people* render institutions of the national state dysfunctional because of their disrespect for the common values, while the *nation* strengthens state institutions, making its nation-state resilient to the current global problems.

Keywords: nation, people, modernity, postmodernity, liberalism, Marxism, constructivism

About the author:

Henry T. Sardaryan – Doctor of Political Science, Dean of the Faculty of Management and Politics of MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 19454. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Anderson B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Baudrillard J. 2016. *The Consumer Society. Myths and Structures*. SAGE Publications.
- Brubaker R. 2011. Religion and nationalism: four approaches. *Nations and Nationalism*. 18(1). P. 1–19.
- Foucault M. 2008. *The History of Sexuality. The Will to Knowledge*. Vol. 1. Penguin.
- Foucault M. 2011. *Key Concepts*. Acumen.
- Fukuyama F. 2019. *Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Picador.
- Hazon Y. 2018. *The Virtue of Nationalism*. Basic Books.
- Locke J. 2018. *Second Treatise of Government*. Create Space Independent Publishing Platform.
- Montesquieu. 2019. *The Spirit of Laws*. Creative Media Partners, LLC.
- Rorty R. 1990. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Vol. 1. Cambridge University Press.
- Toynbee A.J. 1987. *A Study of History*. Volumes VII-X. Oxford University Press.
- Wendt A. 1994. Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. 88(2). P. 384–396.
- Wieviorka M. 2012. Le Peuple existe-t-il? Éditions Sciences Humaines. 310 p. (In French).
- Habermas J. 2001. *Vovlecheniye Drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. [Involvement of the Other. Essays on Political Theory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Nauka». 417 p. (In Russian).
- Ilyin I.P. 2001. *Postmodernizm: slovar' terminov* [Postmodernism: a Dictionary of Terms]. Moscow: INION RAS – INTRADA. 384 p. (In Russian).
- Lacan J. 1997. *Instanciya bukvy v bessoznatel'nom, ili Sud'ba razuma posle Frejda* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or the Fate of the Mind after Freud]. Moscow: Logos. 184 p. (In Russian).

Lenin V. 1952. *O prave nacij na samoopredelenie* [On the Right of Nations to Self-Determination], Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Marx K., Engels F. 2020. *Principy kommunizma. Manifest Kommunisticheskoj partii*. [The Principles of Communism. Manifesto of the Communist Party]. Moscow: AST. (In Russian).

Miller A.I. 2010. Acquisition Necessary but Quiet Convenient: the Transfer of the Concept of Nation to Russia (Beginning of the 18th – the Middle of the 19th {entury}). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700 – 1917)*. P. 42-66. (In Russian).

Miller A.I. 2015. Istoriya ponyatiya «natsiya» v Rossii (ot Petra I do Krymskoj vojny). [History of the Notion “Nation” in Russia (from Peter I to the Crimean War)]. *Vestnik rossijskoj natsii*. №1(39). P. 115-137. (In Russian).

Stalin I. 1953. *Markszizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the National Question]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Tishkov V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle. [From Ethnos to Ethnicity and Back]. *Etnograficheskoye obozreniye*. №5. P. 5-22. (In Russian).

Tishkov V.A. 2021. Otkuda i kuda prishla rossijskaya etnologiya: personal'nyj vzglyad v global'noy perspective. [Where did Russian Ethnology Come to: Personal View in Global Perspective]. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. 91(3). P. 215-231. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ильин И. П. 2001. *Постмодернизм: словарь терминов*. Москва: ИНИОН РАН – INTRADA. 384 с.

Лакан Ж. 1997. *Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда*. Москва: Логос. 184 с.

Ленин В. 1952. *О праве наций на самоопределение*. Москва: Гос. изд-во политической литературы.

Маркс К., Энгельс Ф. 2020. *Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии*. Москва: АСТ.

Миллер А.И. 2010. Приобретение необходимое, но вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.). *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*. С. 42-66.

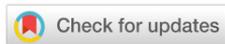
Миллер А.И. 2015. История понятия «нация» в России (от Петра I до Крымской войны). *Вестник российской нации*. 1(39). С. 115-137.

Сталин И. 1953. *Марксизм и национальный вопрос*. Москва: Гос. изд-во политической литературы.

Тишков В.А. 2016. От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*. №5. С. 5-22.

Тишков В.А. 2021. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе. *Вестник Российской Академии Наук*. 91(3). С. 215-231.

Хабермас Ю. 2001. *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*. Санкт-Петербург: Издательство «Наука». 417 с.

Государственная политика в сфере стратегического планирования

Д.А. Афиногенов

Институт права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Рецензия на книгу: Назаров В.П. 2022. «Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования», под общ. ред. Т.А. Алексеевой. Москва: КНОРУС, 2022. 332 с.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегическое управление, государственная политика в области обеспечения национальной безопасности, целеполагание, мониторинг, документы стратегического планирования

Выход в свет монографии «Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования» Владимира Павловича Назарова, доктора политических наук, профессора кафедры политической теории МГИМО (университета) МИД России, известного специалиста в сфере обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования, нельзя рассматривать как рядовое явление.

В последние годы, особенно после принятия Федерального закона № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», целого ряда инициатив Президента России по формированию национальных целей развития страны на долгосрочную перспективу и введения в политическую управленческую практику такого нового для России инструмента, как национальные проекты, интерес к проблематике стратегического планирования и в целом стратегического управления повысился.

Этому способствовало и обострение ситуации в международной политической и экономической сферах, когда на фоне стремительно роста вызовов и угроз стране и гражданскому обществу в российском политическом и управленческом классе созревает понимание того, что только эффективное стратегиче-

УДК: 327, 35

Поступила в редакцию: 25.07.2022

Принята к публикации: 31.08.2022

ское управление в условиях современного мироустройства способно стать наиболее успешным инструментом достижения национальных интересов страны и обеспечения национальной безопасности.

В последние годы появилось довольно значительное количество статей и материалов, авторы которых рассматривали многие частные аспекты стратегического планирования – например, проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте новых вызовов и угроз (Назаров, Афиногенов 2020), общие вопросы развития методологии стратегического планирования, в том числе с точки зрения регионального видения этой проблемы (Смирнова 2013) и вопросы стратегического планирования развития национальной экономики (См.: Ленчук, Филатова 2018), вопросы формирования адекватной условиям системы документов стратегического планирования и их нормативно-правового оформления¹, научно-практические аспекты совершенствования методологии стратегического планирования и реализации стратегических национальных приоритетов (Афиногенов, Кочемасова, Сильвестров 2019), развития инструментария реализации основных положений Федерального закона РФ №172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (Назаров 2017) и ряд иных аспектов.

Однако исследования в сфере стратегического планирования, которое могло бы, основываясь на едином методологическом подходе, общих принципах и закономерностях, увязать вопросы развития экономики, социальной сферы, гражданского общества, регионов, возможности финансовой системы страны, её демографического, производственного, интеллектуального и ресурсного потенциалов с задачами укрепления национальной безопасности в Российской Федерации, до сих пор не было.

Такой пробел в полной мере восполняет монография Владимира Павловича Назарова «Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования», которая даёт комплексное понимание единой государственной политики в сфере стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности.

Не будет преувеличением сказать, что это один из первых в отечественной политической науке трудов, который увязывает вопросы общей теории национальной безопасности и широкий круг теоретических, научно-практических и прикладных аспектов стратегического планирования как ключевого элемента государственного управления. Такой подход выгодно отличает монографию В.П. Назарова от существующего многообразия исследований, посвящённых рассмотрению проблем стратегического планирования как инструмента развития экономики и бизнеса.

¹ Конституционно-правовой статус Совета безопасности Российской Федерации: учебное пособие. 2016. Под общ. ред. Н.П. Патрушева. Москва: Известия. 448 с.

Системный подход в раскрытии этой темы пронизывает все главы и разделы монографии. Не случайно в предисловии к данной работе секретарь Совета Безопасности России Н.П. Патрушев отметил, что «монография В.П. Назарова может считаться одним из немногих в российской науке комплексных и системных научно-практических исследований в области стратегического планирования, имеющих прикладное значение для формирования и реализации государственной политики защиты национальных интересов России».

Работа логично выстроена, хорошо аргументирована и содержит целый ряд предложений по совершенствованию инструментария стратегического планирования. Во многом аргументированность и убедительность выдвинутых в работе предложений по совершенствованию инструментария стратегического планирования основывается на практической деятельности автора, который длительный период времени посвятил государственной службе на посту заместителя секретаря Совета Безопасности Российской и почти 15 лет имел возможность непосредственно заниматься вопросами внедрения инструментария стратегического планирования в практику государственного управления.

Отдельно стоит остановиться на целевой функции данной монографии. С одной стороны, проведённое исследование представляет собой комплексное научно-теоретическое и научно-практическое исследование, посвящённое рассмотрению самого предмета «стратегическое планирование» и механизма его реализации — государственной политики в области социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. С другой стороны, в этом труде представлено большое количество практических рекомендаций по применению инструментария стратегического планирования в практике государственного управления, по возможности и, вероятно, необходимому совершенствованию управленческих структур и механизмов принятия и реализации политических решений, по совершенствованию стратегического анализа и прогноза, оценки состояния национальной безопасности в контексте стратегического планирования. Представленные в монографии рекомендации могут быть использованы на различных уровнях государственного управления при решении практических задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития.

Научная проблема монографии заключается в формировании методологии и практики построения системы стратегического планирования как действенного инструмента реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Авторское видение роли и места стратегического планирования в современной системе обеспечения национальной безопасности также выделяет монографию В.П. Назарова на фоне других исследований.

Применение такой методологии абсолютно оправдано. Как отмечал ещё знаменитый австрийский и британский философ и социолог Карл Поппер, именно рациональная и актуальная постановка проблемы исследования вно-

сит наиболее весомый вклад в рост научного знания; наука всегда начинается с проблем и всегда кончается проблемами, которые открывают перспективы для последующего развития (Поппер 1983: 123).

Этому постулату во многом соответствует научная логика исследования, выдвигающая по ходу рассмотрения темы монографии целый ряд научно-практических задач, также требующих решения.

Так, в первой главе монографии на основе анализа зарубежного и отечественного опыта стратегического планирования обосновывается новое прочтение таких базовых концептов, как «национальная безопасность», «стратегическое планирование», «государственная политика в области стратегического планирования». В монографии проведена мысль, что стратегическое планирование сегодня является, по сути, единственным эффективным инструментом, необходимым как политической, так и экономической практике координации деятельности органов государственного управления, гражданского общества и корпоративного сектора экономики страны в решении стратегических задач развития государства.

Это видение отражается в предлагаемой формулировке самого термина «стратегическое планирование», которое понимается как важнейший инструмент обеспечения деятельности государства (организации) на долгосрочную перспективу, первый этап в цикле стратегического управления сложной системой, обеспечивающий на основе последовательных действий (стратегического анализа, стратегического прогнозирования, стратегического целеполагания, мониторинга и оценки состояния) снижение рисков и рациональное достижение стратегических национальных приоритетов.

Если придерживаться такой логики, стратегическое планирование применительно к сфере защиты национальных интересов можно рассматривать как разработку стратегии развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, то есть определение стратегических целей, выбор последовательности действий, обеспечивающих наиболее рациональное их достижение, принятие стратегического плана действий, а стратегическое управление — как систему действий по реализации этой стратегии.

Такая постановка вопроса динамична и далеко выходит за рамки понимания этого термина Федеральным законом №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», что открывает перспективы разворачивания по данному вопросу широкой научной дискуссии.

Вторая глава монографии рассматривает теоретические и методологические основы государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Основываясь на концептуальных подходах, выработанных как западной, так и отечественной политической наукой, автор выдвигает ряд новаторских постулатов при рассмотрении сути методологии государственной политики обеспечения национальной безопасности. В частности, он считает, что современный подход к понятию «национальная безопасность», базиру-

ющийся на постулате «защищённость» от вызовов и угроз, не отвечает потребностям реализации стратегических национальных приоритетов и не соответствует принципу «безопасность через устойчивое развитие», лежащему в основе политики в области обеспечения национальной безопасности современного государства. В монографии приводится пояснение, почему необходим переход от политики защищённости к политике формирования стратегии развития государства, гражданского общества, личности через выдвижение значимых и ясных стратегических целей, учитывая при этом задачи обеспечения национальной безопасности, как необходимо пересмотреть сущность субъекта и объекта национальной безопасности, что это значит для политической практики.

Данная авторская концепция даёт возможность выстраивать процесс обеспечения национальной безопасности не путём простого реагирования на возникающие угрозы и вызовы, а на основе стратегического анализа, стратегического прогноза и стратегического целеполагания, что обеспечивает упреждающие действия в сложной обстановке и последовательное продвижение по пути реализации долгосрочных целей развития и обеспечения национальной безопасности. В этой связи монография В.П. Назарова может придать импульс творческому развитию общей теории национальной безопасности, которая, по ряду экспертных оценок, находится сегодня в состоянии застоя.

Не менее важно, что в данной главе рассмотрены также вопросы совершенствования целеполагания в стратегическом планировании. Особого внимания заслуживает использованный автором подход к трактовке таких принципов стратегического планирования, как единство и целостность, разграничение полномочий, а также сбалансированность системы стратегического планирования. Для их последовательной реализации предлагается ввести в практику государственного управления новый нормативно-организующий документ Президента Российской Федерации директивного характера, определяющий на долгосрочную перспективу (на срок президентских полномочий) основные цели и задачи обеспечения национальной безопасности, социально-экономического развития и стратегического планирования в Российской Федерации.

Такой документ как новый тип документа стратегического планирования мог бы иметь форму Перечня поручений Президента Российской Федерации и утверждаться соответствующим нормативно-правовым актом. Выдвигая такое предложение, автор исходит из того, что государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности в современных условиях должна иметь отчетливо выраженную мобилизующую функцию – консолидацию усилий органов государственной власти и гражданского общества на выполнение программы действий по реагированию на вызовы и угрозы национальной безопасности. Поэтому введение в практику государственного управления нормативно-организующего Перечня поручений Президента РФ о стратегических це-

лях и задачах на новый срок президентских полномочий обеспечит системный характер процесса формирования документов стратегического планирования в Российской Федерации в рамках определённых целеполаганий.

Третья глава монографии посвящена вопросам мониторинга и оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации. Опыт реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности показывает, что эта проблема становится ключевой в условиях обострения международной политической и экономической ситуации, нарастании межгосударственных противоречий, политической и экономической турбулентности. Такие условия повышают требования к качеству управленческой работы на всех направлениях обеспечения безопасности и социально-экономического развития страны, диктует необходимость своевременной корректировки документов стратегического планирования применительно к меняющейся обстановке.

Автор рассматривает проблему мониторинга и оценки состояния национальной безопасности на всех этапах стратегического планирования: этапе стратегического целеполагания, стратегического анализа и стратегического прогнозирования, этапе подготовки программно-плановых документов, этапе контроля реализации стратегических национальных приоритетов и, наконец, формирования результирующей оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации.

Научно-теоретическое и научно-практическое обоснование стратегического анализа как самостоятельного инструмента управления рисками в сфере обеспечения национальной безопасности и основы для стратегического прогноза как совокупности прогнозных оценок по стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации, объединённых единым форматом и методологией, а также единой системой оценки состояния национальной безопасности и уровня социально-экономического развития, сформированной на основе Перечня показателей национальной безопасности Российской Федерации можно рассматривать как значительный вклад в развитие теории и практики обеспечения национальной безопасности и государственного управления.

Прогнозирование, в том числе в рамках достижения стратегических национальных приоритетов, становится обязательной процедурой подготовки политического решения, основой стратегического целеполагания. И новаторский подход автора к рассмотрению проблематики стратегического прогнозирования в данной главе раскрылся наиболее ярко, о чём, в частности, свидетельствует обоснование необходимости формирования Сводной части стратегического прогноза как инструмента, направленного на формирование целостной картины облика Российской Федерации в долгосрочной перспективе, например, на рубеже 2035–2040 гг., в интересах стратегического целеполагания.

Интерес представляет также проведённый в главе анализ зарубежных взглядов на сущность мониторинга состояния национальной безопасности, предложенные автором алгоритм моделирования оценки состояния национальной

безопасности Российской Федерации и требования к системе показателей состояния национальной безопасности.

Завершает работу глава, посвящённая совершенствованию нормативно-правовых и организационных основ стратегического планирования в Российской Федерации. Наибольшее внимание здесь уделено проблеме формирования оптимальной и иерархичной архитектуры документов стратегического планирования, в частности автором предложен возможный облик перспективной системы документов стратегического планирования по стратегическому национальному приоритету «стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество». Им также обоснован весьма перспективный принцип формирования пакета программно-плановых документов стратегического планирования, прежде всего – государственных программ Российской Федерации на основе базового принципа проектного управления – одна цель (приоритет) – один документ стратегического целеполагания – один программно-плановый документ – один (головной) ответственный исполнитель. По мнению автора, это позволит осуществить единство руководства процессами стратегического планирования и государственного управления в Российской Федерации на основе принципа «безопасность через развитие».

Что же касается практических рекомендаций по данной главе, то наибольший интерес вызывают предложения по общей координации государственной политики в области стратегического планирования, повышению качества информационно-аналитической и аналитико-прогностической работы, а также созданию Совета по стратегическому планированию и государственному управлению при Президенте Российской Федерации как консультативно-совещательного органа, формируемого Президентом России в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития России.

В целом монографию В.П. Назарова «Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования» отличает широкий круг рассматриваемых проблем, исследуемых на основе единого методического подхода. Кроме того, работу отличают самостоятельность выводов и суждений, нацеленных на получение новых научно-теоретических знаний в данной предметной области, а также смелость в постановке целого ряда крупных научных проблем и прикладных управленческих задач, решение которых для реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности представляется давно назревшим.

Один из ключевых итогов данной работы состоит в том, что широкий комплекс теоретических, методологических, нормативно-правовых и научно-практических проблем стратегического планирования и общей теории национальной безопасности, нашедший своё отражение в монографии, заставляет читателя задуматься о перспективах развития теории и практики обеспечения

национальной безопасности России в современных условиях, о необходимости дальнейшего совершенствования процедур и регламентов государственного стратегического планирования и в целом стратегического управления в интересах устойчивого социально-экономического развития и защиты национальных интересов Российской Федерации.

Ряд положений данной монографии может вызвать споры и дискуссии, так как точка зрения автора далеко не всегда совпадает с существующими публикациями и даже с некоторыми официальными подходами. Однако тема государственного управления процессами развития и обеспечения национальной безопасности России на основе стратегического планирования приобретает всё большую важность и актуальность, а стимулирование научной дискуссии – одна из целей данной работы. Во многом именно в этом заключается ценность данной монографии, так как она заставляет читателя включаться в научную полемику по поднимаемым проблемам, а это всегда путь к новому знанию.

Поэтому работа состоялась и представляет значительный интерес не только для исследователей, студентов, профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений России, аспирантов и соискателей научных степеней кандидата и доктора политических наук, но и для работников высших органов государственного и военного управления Российской Федерации.

Об авторе:

Дмитрий Александрович Афиногенов – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности ИПНБ РАНХиГС, член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327, 35
Received: July 25, 2022
Accepted: August 31, 2022

State Policy in Strategic Planning

D.A. Afinogenov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-167-176](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-167-176)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Book review: Nazarov V.P. 2022. *Development of theoretical and methodological foundations of strategic planning*. Moscow: KnoRus. 332 p.

Keywords: strategic planning, strategic management, state policy in the field of national security, goal setting, monitoring, strategic planning documents

About the author:

Dmitry A. Afinogenov – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and National Security of the Institute of National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration ANE, member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation, Full State Counselor of the 3rd class. Email: afinogenov_d@inbox.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Afinogenov D. A., Kochemasova E. Yu., Silvestrov S. N. 2019. Strategicheskoye planirovaniye: problemy i resheniya. [Strategic Planning: Challenges and Solutions]. *Mir novoy ekonomiki*. № 2. P. 23–25. (In Russian).

Lenchuk E.B., Filatov V.I. 2018. Strategicheskoye planirovaniye — put' k ustoychivomu razvitiyu ekonomiki Rossii. [Strategic Planning as a Path for Russian Economy Sustainable development]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 11(4). P. 35–47. (In Russian).

Nazarov V.P. 2017. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: preymstvennost' gosudarstvennoy politiki, sistemy natsional'nykh interesov i strategicheskikh natsional'nykh prioritetov*. [Russian National Security Strategy: Continuity of State Politics, National Interests System and National Strategic Priorities]. Strategicheskoye upravleniye v sfere natsi-onal'noy bezopasnosti Rossii: obespecheniye natsional'nykh interesov i realizatsiya strategicheskikh prioritetov: conference proceedings. (Moscow, 14 April 2016). Ed. by. A.V. Shevchenko. Moscow: Prospekt. P. 12–17. (In Russian).

Nazarov V.P., Afinogenov D.A. 2020. Problemy razvitiya obshchey teorii natsional'noy bezopasnosti v kontekste korrektyrovki Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. [Challenges of National Security Theory Development in the Context of Shaping Russian National Security Strategy]. *Vlast'*. Vol. 28. P. 9-19. (In Russian).

Popper K. 1983. *Logika i rost nauchnogo znaniya*. [Logic and Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: Progress. 391 p. (In Russian).

Smirnova O.O. 2013. *Osnovy strategicheskogo planirovaniya Rossiyskoy Federatsii: monografiya* [Basics of Russian Strategic Planning]. Moscow: Izdatel'skiy Dom «Nauka». 302 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н. 2019. Стратегическое планирование: проблемы и решения. *Мир новой экономики*. №2. С. 23–25.

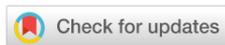
Ленчук Е.Б., Филатов В.И. 2018. Стратегическое планирование — путь к устойчивому развитию экономики России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 11(4). С. 35–47.

Назаров В.П. 2017. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: преемственность государственной политики, системы национальных интересов и стратегических национальных приоритетов*. Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов : матер. 4-й науч.-практич. конф. (Москва, 14 апреля 2016 г.) / под ред. А.В. Шевченко. Москва: Проспект. С. 12–17.

Назаров В.П., Афиногенов Д.А. 2020. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. *Власть*. Том 28. С. 9-19.

Поппер К. 1983. *Логика и рост научного знания*. Москва: Прогресс. 391 с.

Смирнова О.О. 2013. *Основы стратегического планирования Российской Федерации*: монография Москва: Издательский Дом «Наука». 302 с.

Политика России в отношении Иерусалима

Е.О. Шебалина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: А.В. Крылов, А.В. Федорченко, В.М. Морозов. 2022. Иерусалим: история, демография, экономика и политика России в отношении Святого города. Москва: МГИМО-Университет. 370 с.

Ключевые слова: статус Иерусалима, экономика Иерусалима, отношения России и Иерусалима, религиозный фактор в международных отношениях, демография Иерусалима.

В последнее время в научном сообществе возродился интерес к таким темам, как религиозный фактор в международных отношениях. Появляется всё больше исследований, в которых аргументированно доказывается существование устойчивых закономерностей взаимодействия религии и политики. Стоит упомянуть основательный труд философа и экономиста Жоржа Корма, в котором автор обращается к анализу подъёма религиозных настроений в современном мире и выдвигает смелый тезис о том, что они становятся сегодня едва ли не доминирующим фактором мировой политики (Корм 2012). Есть и совсем актуальные публикации на тему религиозного фактора в международных отношениях, например, недавно вышедшая статья О. Чекризовой «Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях» (Чикризова, Лашхия 2022). Актуальность этих вопросов во многом связана с традиционно существующей дискуссией об игнорировании религии и разделении на «светское» и «духовное» в международных отношениях. Говоря о более узком разрезе, с восстановлением в российском обществе исконных традиций духовной жизни возрос широкий интерес к христианской истории и культуре, в том числе и к Иерусалиму – священному центру трёх авраамических религий.

УДК 327

Поступила в редакцию: 17.06.2022

Принята к публикации: 31.08.2022

В данном контексте как нельзя интересной представляется монография «Иерусалим: история, демография, экономика и политика России в отношении Святого города», вышедшая в «Издательстве МГИМО–Университета». Настоящая книга посвящена реконструкции многовековой истории Святого города и располагающихся на его территории святых для православия мест. Вряд ли стоит дополнительно говорить о важности города как в политическом, так и религиозно-культурном измерении. По меткому замечанию авторов, «божественное и земное настолько тесно переплелись в этом городе между собой, что тут просто не дано ощущать ту невидимую грань, которая отделяет мир земной суеты от мира божественной безмятежности. О Иерусалиме никто не скажет, что, если ты не побывал в этом городе, то ты не побывал нигде. Иерусалим нужно не просто увидеть, этот великий город надо почувствовать».

Стоит обратить внимание на коллектив авторов, что сразу задает положительный тон при прочтении книги. Среди них доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО и профессор кафедры востоковедения Александр Владимирович Крылов, имеющий практический опыт работы на дипломатическом поприще и являющийся одним из наиболее компетентных специалистов по Ближнему Востоку. Андрей Васильевич Федорченко, директор Центра Ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО, зарекомендовавший себя в качестве видного исследователя, в частности, экономических аспектов исследований по Ближнему Востоку, внёс важнейший вклад в освещение до этого непокрытых вопросов, связанных с экономикой Иерусалима. В монографии отразились и результаты исследования Владимира Михайловича Морозова, доцента кафедры дипломатии МГИМО, обладающего как опытом работы в посольстве России в Израиле, так и солидной наукометрической базой научной деятельности. При этом опыт настоящего исследования того же коллектива авторов (А.В. Крылов, А.В. Федорченко, В.М. Морозов) связан с подготовкой и публикацией монографии «Государство Палестина. Право на будущее» (Москва: МГИМО-Университет, 2018), которая прошла успешную апробацию и показала, что рассматриваемая тематика вызывает повышенный интерес как в России, так и за рубежом (Федорченко, Крылов, Морозов 2018).

В издании на основе наиболее объективных зарубежных и отечественных источников, а также личном опыте работы участников проекта в странах, расположенных на территории исторической Палестины, исследуются демографические процессы в Иерусалиме и трансформация его статуса. Важно, что исследование представляет собой результат именно комплексного анализа истории Иерусалима с акцентом на развитие экономики города и его взаимоотношений с Россией. Источниковая база представлена на русском, английском, арабском языках, а также на языке иврит. При этом монография содержит и достаточное количество качественно подобранных и соответствующих тематике иллюстративных материалов, которые представляют историческую значимость и под-

крепляют интерес читателя. В частности, говоря об истории города в первой части книги, авторы наглядно демонстрируют меняющиеся границы и растущее население Иерусалима, карты города, а также представляют читателю аутентичные изображения документов того времени, например, договор между халифом Умаром ибн аль-Хаттабом и представителями христианского населения Иерусалима, эдикт царя Кира II об освобождении иудеев и восстановлении Иерусалимского Храма и т.д.

В структуре работы можно выделить три основных блока. Первый тематический раздел посвящён истории Иерусалима, особенностям его территориального развития, изменению численности и состава населения в разные исторические периоды, а также главным событиям, повлиявшим на формирование города. Данная часть работы представляется ценной с точки зрения её нацеленности на значимые исторические факты и важные детали, которые во многом обуславливают формирование и развитие Иерусалима, а также способствуют более глубокому пониманию особенностей города. Именно взгляд на современное состояние Иерусалима через призму исторической ретроспективы позволил авторам создать всеобъемлющий, многогранный и наиболее полный портрет города.

Немаловажным представляется обращение авторов к анализу демографической структуры населения Иерусалима на разных этапах истории, поскольку исключительность города во многом зависит от его жителей. В данном контексте демографический анализ является особенно значимым в связи тем, что население столицы страны имеет стратегическое значение для всего государства. Кроме того, активные непрекращающиеся процессы миграции накладывают отпечаток на состав населения, что также необходимо учитывать при изучении истории Иерусалима. Рассматривая хронологию развития древнего города, авторы делают акцент не на датировании периодов, а на их тематической основе. Так, первая часть книги логично разделена на десять разделов и освещает историю города от его возникновения и его перехода под власть Александра Македонского вплоть до 2021 г. Десять блоков об истории города не изобилуют подробностями и не уводят читателя в сугубо исторические аспекты, а, наоборот, дают целостное, краткое и комплексное понимание имеющих место процессов на протяжении более чем двух тысяч лет. Что отличает этот раздел книги от исторических исследований об Иерусалиме, в изобилии имеющихся в арсенале научного сообщества, так это аналитика автора. По итогам исследования автор даёт прогнозы о проекте развития Иерусалима, разработанного в 2016 г. под названием Генеральный план «Иерусалим 5800/2050»¹. Этот проект развития Иерусалима в действительности рассматривает только вопросы развития городской

¹ Информация о проекте «Jerusalem 5800/2050» (источник – официальный сайт). URL: <https://www.jerusalem5800.com/about/the-project> (accessed 11.09.22).

и туристической инфраструктуры, но в нём ни слова не говорится о будущем 85000 жителей пригородных арабских селений и 3200 резидентах Вифлеема, чьи дома, прилегающие территории и объекты общественного пользования будут включены в рамки будущих муниципальных границ². Авторы утверждают, что «в случае лояльного отношения к израильским властям они, скорее всего, будут интегрированы в израильское общество как арабы, проживающие на территории Израиля. С учётом того, что численность еврейских поселенцев, которые получают статус жителя «столицы Государства Израиль», значительно превышает количество палестинцев, проживающих на территории, обозначенной на карте «Большого Иерусалима», изменение городских границ не отразится на демографической ситуации ни в самом городе, ни в Израиле. Очевидно, что реализация такого плана ещё больше увеличит размер территориального отрыва арабов-палестинцев Западного берега от арабов — резидентов Иерусалима».

Во второй тематической части работы авторы рассмотрели связь Иерусалима с Россией на различных этапах истории. Этот раздел книги представляет безусловный практический интерес и может послужить материалом для российских ведомств, осуществляющих внешнеполитическую деятельность, в первую очередь, Министерства иностранных дел Российской Федерации и Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Стоит отметить подробный обзор позиций православия и русских духовных интересов на Святой земле, представленный авторами. Особый интерес представляет информация о российском имуществе, находящемся в Иерусалиме, а также утерянной собственности. Отдельного внимания заслуживают рассуждения авторов о значении России в формировании научных знаний об истории православия, Святой земли и Иерусалима. Вся информация, касающаяся имущества, представлена авторами в удобной для читателя форме и в очередной раз помогает получить целостное представление об общих и частных вопросах отношений Иерусалима и России. В этой части книги авторами рассматриваются такие аспекты, как первые последователи Варлаама Печерского, отношения Константинопольского и Иерусалимского патриархатов, Иерусалим в контексте отношений России и Османской Империи, российские представительства на Святой земле в период танзимата, эпоха разрыва отношений России со Святой землей, а также отношения России и Святой земли после распада СССР. И этот раздел книги не обходится без аналитических вставок авторов. Так, по итогам блока даётся оценка деятельности российского МИД в Израиле и Палестине в целом. По мнению А.В. Крылова, А.В. Федорченко и В.М. Морозова, российской дипломатии удалось продемонстрировать, считаясь с новыми реалиями и вызовами, достаточно гибкую и прагматичную политику в районе сосредоточения Святых мест, ставшем за последние сто лет ареной ожесточённого конфликта между

² Там же.

противоборствующими сторонами: «понимание и одобрение новой концепции ближневосточной политики России было обозначено готовностью обеих сторон сотрудничать в ближайшей перспективе по всем актуальным региональным и двусторонним вопросам, включая вопросы статуса Иерусалима и Святых мест. Российско-израильские и российско-палестинские отношения в перспективе будут иметь поступательную положительную тенденцию и, несмотря на серьёзные разногласия в оценках различных аспектов региональной политики, характеризоваться возрастающим доверием друг к другу. Очевидно, что за последние годы сложился устойчивый механизм, позволяющий вести взаимоприемлемый политический диалог абсолютно по всем проблемам, которые представляют взаимный интерес».

Третий блок монографии посвящён развитию хозяйственной деятельности Иерусалима и формированию экономической системы города. Проведённый авторами анализ становления экономики Иерусалима с древних времен позволил по-новому взглянуть на экономическое состояние города в настоящий момент, выявить наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на экономику Святой земли, а также обозначить прогноз будущего развития Иерусалима в сфере экономической деятельности. Авторы предприняли попытку проследить экономическое развитие Святой земли с древних времен до начала XXI в. и пришли к выводу, что характер, динамика и структура экономической системы Иерусалима во многом зависели от роли города не только как административного, но и религиозного центра, который представлял существенный интерес для зарубежных стран. В этой связи авторы заключают, что экономическое будущее Иерусалима определяется результатами процесса ближневосточного урегулирования. Выводы этой части монографии выглядят убедительными: при всей значимости политических, религиозных, национальных, демографических составляющих развития Иерусалима история Святого города неотделима от его материальной основы – хозяйственной деятельности и её результатов на территории города и его окрестностей. Экономика города, определявшая характер многих общественных процессов в нём, на протяжении веков отличалась своеобразием и в современную эпоху не утратила свою специфику на фоне как израильского, так и палестинского национального хозяйства. По мнению авторов, основным фактором, влияющим на экономическое будущее Иерусалима, является успех ближневосточного урегулирования. И действительно, при сохранении политического статус-кво дисбаланс между западной и восточной частями города, скорее всего, только увеличится. Западный Иерусалим в хозяйственном отношении будет углублять свою специализацию на высокотехнологичном, наукоемком промышленном производстве, предоставлении пользующихся особым спросом на рынке услуг с высокой добавленной стоимостью. Что касается восточной части города, по мнению авторов, в условиях нынешних ограничительных мер в экономической области со стороны израильских властей и возможных периодических обострений в палестино-израильских отно-

шениях вполне можно ожидать продолжения экономической стагнации, сохранения низкой экономической активности населения, невысоких доходов жизни и слабой динамики роста уровня жизни. В заключение, авторы видят точку соприкосновения в лице инновационной экономики, для которой Иерусалим станет центром обмена опытом: «Учитывая характер быстрых и одновременно глубоких сдвигов в мировой экономике, вызовы Четвёртой промышленной революции, перспективным направлением интеграции может стать научно-технологическая кооперация, центром которой, очевидно, станет Иерусалим... Научно-технологическая интеграция позволяет преодолеть существующие барьеры экономического развития, особенно для Палестины. Но главное — она даёт возможность деловому сообществу обеих стран существенно снизить значимость текущей неблагоприятной геополитической обстановки и интенсифицировать экономическую составляющую двусторонних отношений».

Что касается применяемых при написании труда методов, авторы использовали комплексный подход, проанализировав влияние исторических событий, изменений, касающихся границ города, численности и состава его населения, а также взаимоотношений с Россией на формирование экономики Иерусалима. В первую очередь, речь идёт о контент-анализе, предполагающем в контексте данной монографии применение различных методов исторического анализа — сравнительно-исторического, проблемно-исторического и системного анализа факторов и феноменов, оказывавших влияние на историю, демографию, политический и духовный статус Иерусалима и формирование российской политики в отношении православного Востока и Святого града. Грамотно подобранные методы позволили представить читателю наиболее полную картину исторического развития Иерусалима с точки зрения влияния на него совокупности внешних и внутренних факторов. Оригинальные подходы, доходчивое и последовательное изложение различных аспектов жизни города, актуальная тематика, а также проведение параллели между событиями прошлого и настоящего делают данную монографию уникальным научным трудом. В дополнение стоит сказать, что все методы используются авторами через призму общего аналитического подхода и данный подход авторов монографии, являющихся безусловными экспертами по ближневосточной тематике, позволил осветить особенности формирования экономической системы Иерусалима в связке с историческим развитием израильского общества, что, несомненно, в очередной раз подчёркивает актуальность проблематики, затронутой в работе.

При всех вышеуказанных достоинствах работы хотелось бы высказать несколько соображений, носящих рекомендательный характер и призванный лишь усовершенствовать труд. При ознакомлении с текстом монографии сразу бросается в глаза внушительный блок использованной при её написании источников и литературы на древнерусском, русском, некоторых европейских языках, арабском и языке иврит. В предисловии хотелось бы увидеть краткий анализ как представленных в книге источников, так и историографической ли-

тературы. Думается, что такой анализ только подчеркнул бы тот колоссальный интерес к Иерусалиму – уникальному городу с его Святыми местами, веками притягивавшими к себе многочисленных паломников и туристов, путешественников, царедворцев и политиков, учёных и просветителей, представителей разных стран и народов.

В исследовании много ссылок на рукописи и документы, составленные на древнерусском языке, датированные периодом от конца XI–XV вв. Во-первых, эти столетия отечественной письменной эпохи диалекты древнерусского языка претерпевали серьёзные изменения, и на фоне этой эволюции наиболее характерные отличия древненовгородского диалекта сглаживались, и он сближался с другими диалектами Северной и Восточной Руси³. Во-вторых, современная русская кириллица и алфавит существенно отличаются от тех, что использовались в древнерусских летописях. Одним словом, для читателя, не занимавшегося специально вопросами орфографии и лексики древнерусского языка, тексты, написанные на этом языке, достаточно трудны для восприятия. Если бы выдержки из древних текстов сопровождались соответствующим переводом на современный русский язык, то это значительно облегчало бы их понимание теми читателями, которые не разбираются в тонкостях древнерусской и славянской письменности.

Как представляется, в разделе, который посвящён состоянию городского экономического хозяйства в новейшее время, основной упор сделан на его состоянии и развитии в еврейском секторе, тогда как экономика других этноконфессиональных секторов остаётся вне поля зрения авторов. Между тем население арабских/мусульманских и христианских кварталов активно способствуют экономическому развитию города в таких отраслях, как туризм, гостиничный бизнес, торговля, производство товаров пищевой промышленности и др.

Что касается еще более узких экономических вопросов, кажутся обоснованными следующие комментарии. Во-первых, при рассмотрении направления внешней торговли города в античный и средневековый период авторы могли бы остановиться на вопросе роли города в торговле таким стратегическим в античные и средневековые времена товаром, как соль. Общеизвестно, что город активно участвовал в торговле этим товаром, однако более детальное рассмотрение могло бы пролить свет на нюансы экономической составляющей. Во-вторых, кажется, что после 1948 г. экономическая политика города не была однородной, и этот вопрос можно было бы рассмотреть, изучив экономическую политику, проводимую разными мэрами города. Очевидно, они были ориентированы в экономическом плане в не всегда совпадающих направлениях, учитывая приход к власти в стране сначала социал-демократов (до 1977 г.), а затем либералов.

³ Красько В.Б. 2007. Древнерусский язык. *Большая российская энциклопедия*. Т. 9. Москва. С. 339—340.

Несмотря на комментарии, ознакомление с книгой поможет читателю, помимо прочего, качественно анализировать современные религиозные конфликты, выявлять их возможные последствия, определять факторы и условия политизации религии и наоборот. Рецензируемая монография объединяет в себе ценную информацию об истории Иерусалима, особенностях формирования экономики города, а также обоснованные и заслуживающие внимания выводы авторов, что, безусловно, привлечёт внимание не только представителей экспертно-научного сообщества, но и обывателей, интересующихся данной проблематикой. Возможно, спустя некоторое время научное сообщество могло бы увидеть впоследствии переизданную монографию с новыми интересными дополнениями и комментариями авторского коллектива.

Об авторе:

Екатерина Олеговна Шебалина – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры романских языков МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327
Received: June 17, 2022
Accepted: August 31, 2022

Russian Policy Towards Jerusalem

E.O. Shebalina
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-177-185](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-177-185)

MGIMO-University

Book review: A.V. Krylov, A.V. Fedorchenko, V.M. Morozov. 2022. *Jerusalem: history, demography, economy and Russian policy towards the Holy City*. Moscow: MGIMO-University. 370 p.

Keywords: status of Jerusalem, economy of Jerusalem, relations between Russia and Jerusalem, religious factor in international relations, demography of Jerusalem

About the authors:

Ekaterina O. Shebalina – Doctor of Science (History), Institute of International Studies, research fellow; Department of romance languages, senior lecturer.
E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Korm Zh. 2012. *Religioznyy vopros v XXI veke. Geopolitika i krizis postmoderna* [The Religious Question in the 21st Century. Geopolitics and the crisis of postmodernity]. Moscow. 288 p. (In Russian).

Fedorchenko A.V., Krylov A.V., Morozov V.M. 2018. *Gosudarstvo Palestina: pravo na budushcheye* [The State of Palestine: A Right to the Future]. Moscow: MGIMO-Universitet. 419 p. (In Russian).

Chikrizova O.S., Lashkhiya Yu.V. 2022. *Religioznyy faktor v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The Religious Factor in World Politics and International Relations]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 1(323). P. 109-120. DOI: 10.31249/rimm/2022.01.11 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Корм Ж. 2012. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 288 с.

Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М. 2018. *Государство Палестина: право на будущее*. Москва: МГИМО-Университет, 419 с.

Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. 2022. Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях. *Россия и мусульманский мир*. 1(323). С. 109-120. DOI: 10.31249/rimm/2022.01.11

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(4). С. 186–198
DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Европейская политика интеграции мигрантов-мусульман

Н. Крутова-Солиман¹
Е.В. Гриневич²

Народный университет Франкфурта-на-Майне¹
Белорусский государственный университет²

Рецензия на книгу: Profanter A., Maestri E. 2021. *Migration and Integration Challenges of Muslim Immigrants in Europe*. Palgrave Macmillan. 289 p.

Ключевые слова: миграция, интеграция, принадлежность, сосуществование, Европа, европоцентризм, иммигранты-мусульмане, транссредиземноморские сети, множественное общество, глобализация, кросс-культурный плюрализм

Интерес исследователей к проблемам Евросоюза, связанным с наплывом иммигрантов и беженцев, с каждым годом растёт. В результате глобализации и нерешённых проблем в Африке и на Ближнем Востоке, растёт число беженцев. Всё больше людей покидают свои дома, преследуя мечты о лучшей жизни для себя и своих семей.

Маршруты иммиграции формируют «транссредиземноморские сети» (Arango 2016), которые, по оценке МОМ (Международной организации по миграции, США), оказываются самым опасными¹. Начиная с 2014 г. при попытке добраться из Северной Африки в Европу погибло более 19,5 тыс. человек². Потоки Юг–Север переплетаются с потоками Юг–Юг, среди которых особенно выделяются арабские страны Персидского залива. Мигранты из этих стран устраиваются на самые тяжёлые, вредные и малооплачиваемые работы.

¹ Где и как чаще всего гибнут нелегальные мигранты. 2022. *Рыбницкое интернет-телевидение*. 04 июля. URL: <https://liktv.org/gde-i-kak-chashhe-vsego-gibnut-nelegalnye-migranty/> (дата обращения: 11.09.2022)

² Туманов Г., Федорова М. и др. Средиземное горе. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/projects/deadly-route> (дата обращения: 11.09.2022)

УДК: 325

Поступила в редакцию: 12.06.2022

Принята к публикации: 31.08.2022

Прибывают в Европу мусульмане из Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, формируя очень разнородную с точки зрения культуры, традиций и быта общину, что создаёт дополнительные трудности для её интеграции в европейское сообщество (Kurz, Juchno 2019; Веретевская 2012; Захарова 2018).

Данные процессы поставили перед исследователями миграции вопрос переосмысления европоцентризма как идеологического феномена, влияющего на социокультурную интеграцию иммигрантов-мусульман, не желающих отказываться от привычного образа жизни, обычаев, традиций, уникального культурного кода, доставшегося им от предков. В связи с этим, профессор испанского университета Комплутенсе, директор Центра изучения миграции и гражданства Хоакин Аранго (Joaquín Arango) указывает на то, что различные национальные модели интеграции иммигрантов-мусульман должны анализироваться с позиции кросс-культурного плюрализма (Arango 2016), что может стать фактором продвижения диалога между различными культурными структурами в создании коллективной гармоничной среды. Относительно новые векторы политики в отношении мигрантов-мусульман – «интеграция» и «принадлежность» – позволяют выйти на кросс-культурный плюрализм (Laheij 2015).

Рецензируемая книга состоит из девяти глав, каждая из которых написана экспертом в области миграции, принадлежащим к определённой европейской стране и научной школе. Сложно было выделить доминантную главу, так как каждая является значимой, представляя собственный вариант эффективной интеграции в виде национальной модели вхождения мусульман в европейское сообщество. Разработанные европейскими странами национальные модели миграционной политики в отношении мигрантов-мусульман имеют сходство, которое заключается в необходимости осознания учёта вопросов их интеграции в принимающее общество с вниманием к особенностям страны их происхождения. Авторы рецензируемой книги рассматривали вопросы взаимодействия с мигрантами как с точки зрения государственных институтов (или «сверху вниз», где основное внимание уделяется формальным социально-политическим инструментам взаимодействия принимающего общества и мигрантов-мусульман), так и с точки зрения гражданского общества (или «снизу вверх», в фокусе находится решение насущных, бытовых проблем мигрантов, обеспеченное общественными организациями без вмешательства правительства).

К новым векторам иммиграции мусульман обращается и Елена Маэстри – автор главы «Миграция и мусульманский мир: перспективы и вызовы», которая отмечает сложившуюся неоднородность мусульманского мира. Она усиливает путаницу и беспокойство в попытках европейцев понять социальные и политические явления, связанные с мобильностью людей из мусульманского мира (с. 22). Культурное разнообразие мусульманских общин рассматривается автором не только как вызов для Европы, не готовой к принятию такой гетерогенности, но и для стран мусульманского мира, вовлечённых в процесс миграции

и мобильности, таких как Северная Африка, арабский регион Персидского залива (с. 36). Важно терпеливо, с большей степенью толерантности разъяснять, раскрывать и знакомить европейцев с многообразием мусульманского мира, лежащим в основе новых моделей сотрудничества и сосуществования.

Необходимость изучения «интеграции» и «принадлежности» в комплексе будет способствовать гармоничному сосуществованию мигрантов-мусульман и принимающего общества и вести к дальнейшей интеграции иммигрантов-мусульман в европейское сообщество. Согласимся с высказыванием Маэстри о том, что «разнообразие и плюрализм в исламе – это факты, которыми нельзя пренебрегать, если имеешь дело с мусульманскими мигрантами и беженцами, будь то в европейских странах или в странах транзита» (с. 51).

Для продвижения плюрализма в поликультурной (поликонфессиональной) европейской среде недостаточно принять разнообразие «другого», важно научиться взаимодействовать друг с другом, жить в гармонии и согласии (Molli 2018). Таким примером плюрализма, как множества независимых видов бытия, стилей поведения, может служить культурно-этнографическое исследование проблемы *усиленного азана*³ Пуян Тамими Араба, который анализирует конфликт между мусульманской общиной и местным населением в Нидерландах (Tamimi Arab 2015). Причиной конфликта стала просьба мусульманской общины «добавить звуковое измерение призыва к обязательной молитве как пример исламской эстетики» (с. 57). Местное население, в свою очередь, отвергает азан, называя его «шумовым загрязнением». В основе конфликта противоречие: с одной стороны, культурные формы секуляризма исключают право мусульман на публичное богослужение; с другой – политический и конституционный секуляризм позволяет мусульманам требовать усиления азана в стране пребывания. Тамими Араб отмечает, что подобный конфликт характерен не только для Нидерландов и других европейских стран, но и для ряда стран Северной Америки, где мусульманские общины используют громкоговорители для азана.

В Нидерландах данное противоречие разрешилось путём муниципально-урегулирования и встречами представителей местных общественных организаций с лидерами мусульманских общин, в ходе которых обсуждался религиозный «призыв к молитве». Отметим, что в Нидерландах протестантская гегемония также требовала молчаливого благочестия от других религиозных деятелей, в частности католиков⁴. Другой путь решения конфликта – это новые архитектурные предложения при строительстве в Нидерландах мечетей, дебаты в СМИ, переговоры с местными жителями, чиновниками муниципалитета. Нидерландская национальная модель может служить примером решения про-

³ Азан — в исламе: призыв к всеобщей молитве мусульман (желательно, совместной). Является обязательным для взрослых мужчин (фард аль-кифайа).

⁴ Напомним, что колокольный звон и у православных христиан является важной частью храмового богослужения

блем мусульманской «интеграции» и «принадлежности», когда все участники противоречий и конфликтов стремятся к гармоничному сосуществованию.

Разработку концепции миграции мусульман в Европу один из авторов книги Аннемари Профантер рассматривает в свете истории ислама – явления *хиджры*⁵, в соответствии с некоторыми современными исламскими и юридическими взглядами. Хиджра автором описывается как «переселение мусульман с целью получения возможности свободно исповедовать свою религию и выполнять свои религиозные обязанности по месту своего пребывания» (с. 45). Однако в рамках европоцентризма хиджра рассматривается как вызов для Европы, всё более вовлечённой в миграционные процессы. В последнее десятилетие ключевым миграционным маршрутом в южном направлении для трудовых мигрантов, прибывающих как из мусульманских, так и из немусульманских общин, стало движение из стран Персидского залива в Европу. Профантер даёт подробный анализ модели миграции в её динамике и с описанием недостатков. Она указывает, что с 2011 г. проблемы иммигрантов и беженцев в Европе стали ещё более серьёзными, определяемыми как «время нестабильности и конфликтов», связанными с «арабской весной», серией антиправительственных протестов и восстаний. Война в Сирии, количество жертв которой превысило 330 тыс. человек⁶, привела к бегству людей в более благополучные регионы. Сирийцы составили больше половины миграционного потока, направляясь сначала в соседние страны и Турцию, затем, из-за неспособности правительством удерживать людей на своей территории, в Европу.

Автор ставит вопрос о выборе той национальной модели и формы сотрудничества мусульман-мигрантов с европейцами, которая более приемлема: эффективная координация между местными европейскими и мусульманскими общинами через социокультурную интеграцию, взаимное знакомство с культурными средами, способствующими преодолению разрыва между «культурами происхождения» и «культурой принимающего общества». Проблема социокультурной адаптации и интеграции в инокультурную среду связана с констатацией её проблемных зон и выделением значимости культурного, человеческого измерения личностью собственной идентичности (Шишлова 2021).

Глава «Миграция, интеграция и принадлежность: пакистанские мигранты в Великобритании и в Объединённых Арабских Эмиратах» посвящена интеграции пакистанцев в Великобританию и ОАЭ. Её автор Дженнаро Эррикьелло вводит понятие «миграционного проекта», представляя собственную модель миграции, в основе которой объединение концепций социальной теории и разнообразных миграционных практик (с. 66). Суть миграционного проекта

⁵ Хиджра — переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 г.

⁶ Данные Syrian Observatory for Human Rights на август 2015 г.

базируется на двух подходах. Первый подход – «сверху вниз» – используется в большинстве европейских стран в качестве социально-политического инструмента. Он включает в себя усилия общественных деятелей, чиновников, определяющих политику государства, законы и корректировки, направленные на поощрение интеграции мигрантов. Второй подход – «снизу вверх» – нацелен на решение бытовых проблем мигрантов через активное участие общественных организаций и активистов. Особый подход необходим к подбору общественных активистов, взаимодействующих с мигрантами расово-культурных групп, обладающих межкультурной компетенцией, принимающих мусульманское культурное наследие и учитывающих фактор ислама, связанный с ростом мусульманских общин в Европе (Tsymbalyuk et al. 2021). Данный подход не предполагает вмешательства «сверху», но мигранты при этом должны испытывать чувство принадлежности к стране пребывания, независимо от политики и политиков, принимающих судьбоносные решения по интеграции иммигрантов в принимающее общество (с. 72).

Автор рассматривает формы управления пакистанской миграцией в различных контекстах. В Великобритании проживает самая большая пакистанская община – пакистанские британцы, схожие по численности с диаспорой в Саудовской Аравии. Существуют серьёзные социальные различия между иммигрантами-пакистанцами, проживающими в разных районах Лондона. К примеру, в Бренте и Харроу пакистанцы довольно зажиточны и представляют средний класс, в Ньюхэме иммигранты-пакистанцы принадлежат к рабочему классу и чаще страдают от нищеты. В Саудовской Аравии инфраструктура, обслуживающая пакистанскую диаспору, достаточно богатая. С целью соответствовать требованиям хорошего образования в крупных городах Саудовской Аравии созданы пакистанские школы, следующие пакистанской национальной учебной программе, за исключением Пакистанской международной школы (английская секция) в Джидде, которая ориентирована на британскую систему (с. 88).

Дженнаро Эррикьелло призывает не сравнивать положение иммигрантов-пакистанцев в Великобритании и ОАЭ, которое не будет достоверным, так как базируются на разных государственных структурах, разных подходах в миграционной политике и другим форматом привлечения к миграционным проблемам общественных организаций, что требует дифференцированного подхода.

Ещё один исследователь миграционных проблем Альтеа Периколи в своей главе «Миграционные изменения и проблемы интеграции в марокканском доме» анализирует эволюцию миграционных тенденций в Марокко с учётом взаимосвязи между миграцией и развитием маргинализированности района Эр-Риф на севере страны. Автор пишет о значительном ухудшении за последние пять лет общественно-политической ситуации в Эр-Рифе, сопровождающейся политическими арестами борцов за права человека, журналистов и общественных активистов. Что касается гражданских свобод, то самая влиятельная правозащитная организация Марокко АМДН охарактеризовала ситуацию как

плачевную, сославшись на жестокое подавление государством мирных протестов, особенно в Рифе, жители которого выступают против унижения, маргинализации и нищеты. Все факты только усиливают отток жителей в европейские страны по средиземноморскому пути.

Сегодня регион Эр-Риф стал главным транзитным пунктом западнесредиземноморского маршрута мигрантов-мусульман в Испанию, которая приняла на себя главный удар, разместив больше мигрантов, чем Италия и Греция. Европейцы осознают, что Марокко и Эр-Риф – последний барьер нелегальной иммиграции в Европу из стран южнее Сахары (с. 100). В этом контексте роль Европы решающая, поскольку именно она способна повлиять на решение миграционных вопросов и оказать финансовую помощь для поддержки марокканских институтов в управлении миграцией. Появление новых маршрутов миграции сделало Марокко незаменимым партнёром для ЕС (Weinar, Unterreiner, Fargues 2017). Европейцы внимательно наблюдают за развитием событий в Эр-Рифе, так как не хотят допустить открытия ещё одного маршрута мигрантов-мусульман в еврозону, создающего дополнительные проблемы.

Автором подробно описывается программа «Миграция между городами Средиземноморья», которую финансирует Европейский трастовый фонд для Африки (Mardari 2017). Программа ориентируется на подход в решении проблем «снизу вверх», чтобы выявлять все позитивные и воспроизводимые модели благополучного, гармоничного сосуществования мигрантов с местными жителями. Данный подход был также обозначен в материалах Дженнаро Эррикьелло по движению мигрантов из Пакистана в Великобританию и Саудовскую Аравию.

Ещё одной позитивной моделью интеграции мигрантов-мусульман в Европу может служить материал Серхио Кастаньо Риано, автора главы «Сеута и Мелилья: интеграция или сосуществование в плюралистическом обществе».

Анализируя особенности двух автономных испанских городов на севере Марокко – Сеуты и Мелильи, автор утверждает, что они могут стать национальной моделью для решения проблем мигрантов, прибывших в Европу. Нужно заметить, что мирное сосуществование двух городов не столь безоблачно, так как Марокко и Испания много лет спорят о данных территориях. Испано-марокканская граница – это не только линия, разделяющая два государства, но и условная граница между христианством и исламом, рубеж двух цивилизаций «Восток–Запад» (Bergian, de Naas, Natter 2015). Более 50% жителей двух испанских городов имеют мусульманское происхождение, а остальная часть сохраняет европейское культурное наследие. Данный факт не мешает гармоничному сосуществованию двух городов не только по вопросам торговли, рыбной ловли, но и миграции, хотя в последнее время рост мигрантов марокканского происхождения привёл к превалированию мусульманских обычаев. На вопрос «Может ли данный факт стать проблемой для Испании и ЕС?», испанские власти отвечают, что пребывание мусульман не влияет на положение горожан и статус

автономных городов как части Испании. Симбиоз христианской и мусульманской культур в Сеуте и Мелилье является примером эффективной национальной модели воплощения в жизнь принципов «интеграции» и «принадлежности» в деле миграционной политики.

Напряжённость во взаимоотношениях исламской и западной культур, касающаяся традиционной одежды женщин, не ослабевает, так как не предлагаются приемлемые модели сосуществования. В связи с этим особый интерес представляет глава Коллин Боланд «Хиджаб как воспринимаемая и реальная граница для испанской мусульманской молодежи: рассмотрение кейсов регулирования в свете дискриминации и требования индивидуальных прав», посвящённая молодым мусульманским женщинам из Мадрида, предпочитающим облачаться в хиджаб из культурно-религиозных соображений.

Испанский пример показывает, что юридические споры в отношении хиджаба решаются на индивидуальной основе (разбирается каждый случай обращения женщины-мусульманки). От единообразных правил и общих постановлений Мадрид отказался (с.172), поэтому значительной части молодых мусульманок-иммигранток разрешено ношение хиджаба в общественных местах (в том числе, в бассейне). Автор жалеет о том, что это отдельные случаи разрешения проблемы, а не всеобщее правило, действующее на всей территории Испании и ЕС, где всё ещё нарушаются основные права на свободу вероисповедания, закреплённые в европейских правовых системах.

На испанском примере мы видим, что ношение хиджаба как небольшого платка любого цвета, скрывающего волосы, уши и шею, а также покрывающего плечи, в ряде аспектов не требует вмешательства государственных органов и толерантно воспринимается местным населением. Ношение платка хиджаба, исключая никаб⁷ или паранджу⁸, достаточно совместимо с западными традициями, что делает возможным снисходительное отношение к женщинам из мусульманских общин. Запрет же на паранджу и никаб существует не только в европейских, но и ряде мусульманских стран (например, Шри-Ланке), обоснованный необходимостью безопасности граждан, так как смертники часто используют паранджу для совершения терактов. В защиту отсутствия в ЕС общих правил, которые позволили бы женщинами-мусульманками носить хиджаб, чадру, паранджу, отметим, что с одной стороны, европейцы боятся утратить культурную гомогенность, с другой – они испытывают чувство тревоги и опасности, подозревая, что человек в хиджабе может потенциально совершить теракт. Поэтому богатое культурное наследие мусульманского мира не просто игнорируется, но и во многих случаях европейцами отвергается.

⁷ Никаб – головной убор только чёрного цвета, полностью закрывающий лицо, оставляющий прорезь для глаз.

⁸ Паранджа – длинное покрывало, полностью закрывающее лицо и тело, где прорезь для глаз закрыта плотной сеткой – чачваном.

Глава «Мобилизация ресурсов и институциональная структура ислама: интеграция турок-мусульман в Германии» её автор Менна Тахер, на наш взгляд, выдержала относительный баланс во взглядах на миграцию мусульман в Европу, в отличие от отдельных высказываний авторов книги, полностью принявших сторону мигрантов-мусульман, односторонне критикуя только европейскую общественность и правительство в недостаточной им помощи.

Согласимся с автором в том, что процесс интеграции – обоюдный процесс, включающий усилия и вклад как принимающего государства, так и целевой группы прибывших, и оба субъекта должны нести ответственность в данном вопросе (Захарова 2018). Несмотря на то, что принимающее государство определяет правовую основу и решает, кто может быть принят или не принят в общество, тем не менее иммигранты-мусульмане внутри общины также должны играть активную роль в этом процессе, организуя и мобилизуя свой потенциал и возможности коммуникации с соплеменниками – отсутствие языкового барьера, знание культуры и традиций и т. д.

Предлагаемая модель интеграции турецких мусульман в Германии является наиболее реалистичным примером интеграции, поскольку он выявляет не только положительные моменты вхождения, но и дефекты процесса интеграции мусульман, указывая, с одной стороны, на непоследовательную и нерешительную роль Германии в определении «интеграционного процесса», с другой – игнорирование мусульманскими общинами собственного потенциала в разъяснении соплеменникам культуры страны пребывания. Кроме этого, автор указывает на важное противоречие: Германия и целевая группа нацменьшинства (мигранты-мусульмане) пошли разными путями к интеграционному процессу. Принимающая сторона предлагает разработать евроверсию ислама, которая соответствует его светским ценностям и которую поддерживают многие общественные организации. Мигранты-мусульмане и сочувствующие им общественные организации стремятся навязать собственную версию ислама, не соответствующую принципам светскости. Эти противоположные тенденции коснулись и дебатов о хиджабах, непоследовательной правовой позиции, занятой различными немецкими землями по этому вопросу.

Разные политические программы, принятые принимающим государством и государством исхода, действуют в Германии, оставляя целевую группу нацменьшинства вне решения проблем, лишая их субъектности. Именно подход «снизу вверх», отмечает автор, способен понять «идентичность» иммигрантов и принимающего сообщества, став шагом к эффективной интеграции. В обратном случае встаёт вопрос распространения исламофобии, с одной стороны, и джихадизма, с другой (Политические режимы разделённых обществ 2019).

Осознание всеми субъектами новых векторов миграционных процессов должно пролить свет на культурное многообразие прибывших мусульманских

общин в Европу, учитывая «фактор ислама», демонстрирующий иные модели поведения мусульман в мирской жизни. В ходе социокультурной адаптации важно, на наш взгляд, сохранять баланс между «интеграцией» и «принадлежностью», внимая не только особенностям мусульманской культуры, сохраняя идентичность мусульман-иммигрантов, но и, одновременно, разъясняя иммигрантам то, что успех вхождения в еврообщество зависит и от принятия ими культуры принимающего общества, европейских правил общежития, включая изучение языка страны пребывания. О важности языка начинают говорить тогда, когда в обществе назревают межкультурные проблемы. К примеру, французская мусульманская община (умма) – одна из самых больших в Европе (более 6 млн чел.)⁹. Расселение прибывших происходит преимущественно на одной территории в этнической диаспоре (Захарова 2018), что позволяет им сохранить культурную идентичность, но усложняет интеграцию в социальную жизнь французов. Проживание в общине делает необязательным изучение языка, создавая множественные проблемы для иммигрантов в сфере коммуникации с местным населением. К примеру, языковая адаптация и интеграция мигрантов в российское общество – не исключение, поэтому, как и в Европе, в России существует обязательное тестирование по русскому языку, ставшее отправной точкой и стимулом межнационального общения. В России мигранты-мусульмане не селятся общинами, что ускоряет, с одной стороны, их интеграцию, с другой – порождает иные проблемы – жалобы на одиночество, чувство «чужого», синдром культурного шока, конфликт старых и новых культурных норм. Для российской иммигрантской политики начиная со времен царской России, более важным был подход «сверху вниз» как социально-политический инструмент, отвечающий за вектор «происхождение» (Voevoda, Belogurov, Romanenko 2017). Что касается современного этапа, россияне стали позитивнее относиться к иммигрантам. Однако нужно помнить, что кросс-культурный плюрализм – это не только толерантность, но и активное принятие культурного разнообразия «другого» человека.

Последняя глава книги «Иммиграция в Европу и Италию: разные взгляды, общие проблемы?» Аннемари Профантер как бы подводит итог рассуждениям о миграции мусульман в Европу и связанным с ней проблемам. Автор подчёркивает, что Италия считается ключевым игроком в Средиземноморском регионе наравне с Испанией и Грецией. Анализируя миграционную политику Италии, автор отмечает её зависимость и принимаемые решения от чередующихся левых и правых правительств, их взглядов на вопросы миграции. Однако то, что объединяет национальные интеграционные модели Италии – это осознание неизбежности массового притока мигрантов мусульманского вероисповедания,

⁹ Маму И. 2017. Мусульманское демографическое будущее Франции. *ПолитСМИ*. 22 февраля. URL: <https://marc-aurelii.livejournal.com/131082.html> (дата обращения: 11.09.2022).

поэтому составляются такие интеграционные программы, которые сохраняют их культурную идентичность. И если европейские страны только предпринимают попытки в данном вопросе, то в Италии, согласно исследованию Профантер, уже действуют законы, касающиеся культурного и религиозного фактора, особенностей мусульманской культуры и сохранения мусульманами в стране пребывания собственной идентичности.

Знакомство с материалами книги «Проблемы миграции и интеграции иммигрантов-мусульман в Европе» позволяет сделать вывод: несмотря на сложные геополитические и социальные изменения, привлекательность Европы как главного направления для иммигрантов из мусульманских общин с каждым годом растёт. Предлагаемые национальные модели, разработанные для поддержки мигрантов-мусульман в государства ЕС на основе феноменов «интеграции» и «принадлежности», важно анализировать и адаптировать к реальности каждой из европейских стран. Учёт данных феноменов позволит исследователям перейти от европоцентризма к кросс-культурному плюрализму как возможности сосуществования множества несводимых друг к другу культур.

Отмечая достоинство представленных материалов по вопросам миграции и интеграции мигрантов-мусульман в принимающее европейское общество, качественную работу составителей книги, осуществивших макроанализ объёмного материала, в качестве критики стоит сказать следующее. Во-первых, представленные национальные модели не в полной мере, на наш взгляд, отражают опыт создания национальных моделей интеграции мигрантов-мусульман, оставляя за бортом эффективно реализуемые модели в отношении мусульман в странах Северной Европы. Во-вторых, никто из авторов не связывает миграционный кризис в Европе с тем фактом, что часть европейских стран имела опыт колониальной политики (см. например, Захарова 2018), которая является одной из причин недружественного отношения к иммигрантам-мусульманам как естественного продолжения колониальной политики даже в случае обретения независимости бывшими колониями (Гаджимурадова 2019).

Завершая рецензирование книги, процитируем мнение главы духовного собрания мусульман России Альбира Крганова на заседании ОБСЕ в Варшаве, отметившего, что миграционная политика в европейских странах оказалась несостоятельной, сопровождаемая растущим уровнем мигрантофобии, и Европе было бы полезно использовать опыт России в этой сфере¹⁰.

¹⁰ Крганов призвал Европу использовать опыт России в сосуществовании религий. 2018. *Islamtoday*. 13 сентября. URL: <https://islam-today.ru/novosti/2018/09/13/krganov-prizval-evropu-ispolzovat-opyt-rossii-v-sosusestvovanii-religij-i-ras/> (дата обращения: 11.09.2022).

Об авторах:

Наталья Крутова-Солиман – преподаватель немецкого языка Народного университета Франкфурта-на-Майне, Sonnemannstraße 13, D-60314 Frankfurt am Main. E-mail: nkrutova@web.de

Екатерина Витальевна Гриневич – преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности Белорусского государственного университета. 220030 Минск, Проспект Независимости. 4. E-mail: sidorofna@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

UDC: 325
Received: June 12, 2022
Accepted: August 31, 2022

European Politics towards Muslim-Migrants

N. Krutova-Soliman¹
E. V. Grinevich²
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-186-198)

Goethe-Universität Frankfurt am Main¹
Belorussian State University²

Book review: Profanter A., Maestri E. 2021. *Migration and Integration Challenges of Muslim Immigrants in Europe. Series Title: Politics of Citizenship and Migration*. Palgrave Macmillan. 289 p. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-75626-0>

Keywords: migration, integration, belonging, coexistence, Europe, Muslim-migrants, Eurocentism, Trans-Mediterranean nets, globalization, cross-cultural pluralism, plural society

About the authors:

Natalia Krutova-Soliman – Lecturer of German language, Goethe-Universität Frankfurt am Main. Sonnemannstraße 13, D-60314 Frankfurt am Main. E-mail: nkrutova@web.de

Ekateterina V. Grinevich – Lecturer of English language, Belorussian State University. 220030 Minsk, 4 Prospekt Nezavisimosti. E-mail: sidorofna@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Arango J. 2016. *Spain: New Emigration Policies Needed for an Emerging Diaspora*. Washington, DC: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/TCM-Emigration-Spain-FINAL.pdf> (accessed 11.09.2022)

Berrian M., de Haas H., Natter K. 2015. Introduction: Revisiting Moroccan migrations. *Journal of North African Studies*. 20(4). P. 503–521. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065036

Voevoda E.V., Beloguriv A.Y., Romanenko N.M. 2017. Language Policy in the Russian Empire: Legal and Constitutional Aspect. *Journal of Constitutional History*. 33(1). P. 121–129.

Laheij C. 2015. *A Country of Trial: Islamic Reformism, Pluralism and Dispute Management in Peri-Urban Northern Mozambique*. PhD thesis, London School of Economics and Political Science.

Mardari V. 2017. *European Union and Diaspora Engagement Policy within Changing Realities*. Working Papers. 9(3), p. 213–232. Centre for European Studies (CES). https://ceswp.uaic.ro/articles/CESWP2017_IX3_MAR.pdf (accessed 11.09.2022).

Molli S. D. 2018. *Religion and Immigration: a Comparative Study among Ethnic Churches in Europe*. Università Cattolica del Sacro Cuore, XXXII ciclo, a.a. 2018/19, Milano. URL: <http://hdl.handle.net/10280/75452> (accessed 11.09.2022).

Tsybalyuk E. I., Romanenko N.M., Volkova M.A., Romanenko A.V. 2021. Psychological and Pedagogical Conditions Conducive to the Formation of Intercultural Competence among Students from Sifferent Countries. *Journal of Language and Linguistic Studies*. 17(S2). P. 1392–1409. URL: <https://www.jlls.org/index.php/jlls/article/view/2607> (accessed 11.09.2022).

Tamimi A.P. 2015. *Amplifying Islam: Pluralism, Secularism and Religious Sounds in The Netherlands*. Utrecht University Repository (Dissertation). URL: <http://dspace.library.uu.nl/bitstream/1874/312417/1/TamimiArab.pdf> (accessed 11.09.2022).

Weinar A., Unterreiner A., Fargue Ph. (eds.) 2017. *Migrant Integration Between Homeland and Home Society. 1, Where Does the Country of Origin Fit?* Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-56176

Gadzhimuradova G.I. 2019. Migratsionnaya politika stran Severnoy Yevropy v otnoshenii immigrantov iz musul'manskikh stran (na primere Shvetsii i Finlyandii). [Migration Policy of Northern Europe towards Muslim-migrants: Sweden and Finland]. *Islamovedeniye*. Tom 10. 2(40). P. 5–21. (In Russian).

Kozlovets N.A. 2018. Yevropotsentrizm kak ideologicheskii fenomen i obshchestvenno-politicheskaya praktika. [Eurocentrism as Ideological Phenomena and Socio-Political Practice]. *Yevraziystvo i mir*. №1. P. 35–48. (In Russian).

Kudryashova I.V. 2017. Musul'manskaya politicheskaya identichnost' v sovremennuyu epokhu: Svyashchennyy tekst i sotsial'nyy opyt. [Muslim Political Identity in Modern Times: Sacred Texts and Social Experience]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 19(4). P. 349–365. (In Russian).

Politicheskiiye rezhimy razdelonnykh obshchestv v usloviyakh globalizatsii. [Political Regimes of Split Societies in the Context of Globalization]. 2019. O.G. Kharitonova, I.V. Kudryashova, S.M. Khenkin [i dr.] *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 4(97). P. 48–58. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-097-04-48-58. (In Russian).

Shishlova E.E. 2021. Obnovleniye soderzhaniya vysshego obrazovaniya v kontekste sovremennykh sotsiokul'turnykh trendov. [Updating the Content of Higher Education in the Context of Modern Sociocultural Trends]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 30(6). P. 70–79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-70-79 (In Russian).

Veretevskaya A.V. 2012. *Perspektivy i prepyatstviya dlya politiki mul'tikul'turalizma v konsolidirovannykh demokratiyakh Zapadnoy Yevropy*: Dis. ... kand. polit. nauk. [Obstacles and Prospects for Multiculturalism in Consolidated Western European Democracies]. Moscow: MGIMO. 209 p. (In Russian).

Zakharova E.A. 2018. *Sovremennyy terrorizm v zerkale frantsuzskoy politiki*. [Modern Terrorism through the Prism of French Politics]. *Politicheskaya nauka*. №4. P. 241–257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Веретевская А.В. 2012. *Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы*: Дис. ... канд. полит. наук. Москва: МГИМО. 209 с.

Гаджимурадова Г.И. 2019. Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии). *Исламоведение*. Том 10. 2(40). С. 5-21.

Захарова Е.А. 2018. Современный терроризм в зеркале французской политики. *Политическая наука*. №4. С. 241–257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Козловец Н.А. 2018. Европоцентризм как идеологический феномен и общественно-политическая практика. *Евразийство и мир*. №1. С. 35-48.

Кудряшова И.В. 2017. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 19(4). С. 349–365.

Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации. 2019. О.Г. Харитоновна, И.В. Кудряшова, С.М. Хенкин [и др.]. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. 4(97). С. 48–58. DOI 10.22204/2587-8956-2019-097-04-48-58.

Шишлова Е.Э. 2021. Обновление содержания высшего образования в контексте современных социокультурных трендов. *Высшее образование в России*. 30(6). С. 70-79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-70-79